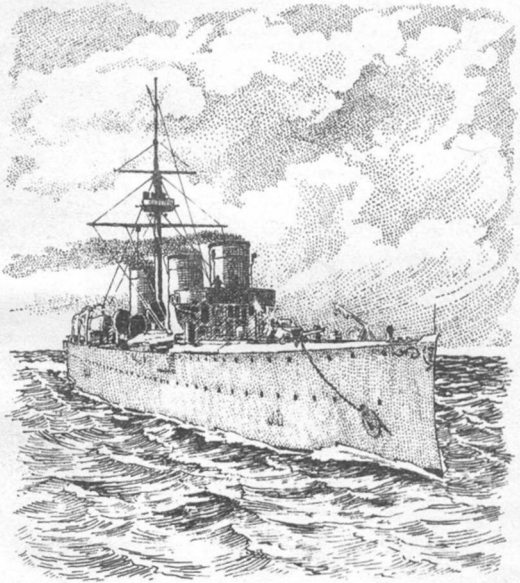
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

3
1994



Общество изучения Сахалина и Курильских островов

Сахалинский областной краеведческий музей

Сахалинский фонд культуры

Сахалинский центр документации новейшей истории

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

3

1994

СОДЕРЖАНИЕ

Сахалинская и Курильская историческая библиотека

Полонский А. С. Курилы. Подготовка к печати В. О. Шубина и Н. Ф. Грызуновой. Вступительная статья и примечания В. О. Шубина 3

Штер А. П. Последний бой крейсера "Новик". Вступительная статья и примечания И. А. Самарина 87

Статьи и сообщения

Полевой Б. П. Первое известие с Амура о японцах (1652 г.). 96

Роон Т. П. Традиционная система оленеводства ульта 101

Василевский А. А. Источники изучения позднеплейстоцен – раннеголоценовых культур Сахалина в свете новых задач современной археологии Дальнего Востока России 140

Самарин И. А. Новые данные о костяном инвентаре аборигенов юго-западного побережья острова Сахалина (по сборам Б. П. Репина) . . . 147

Из научного наследия Б. О. Пнлсудского

Пилсудский Б. О. Материалы для изучения айнского языка и фольклора. Переводе английского В. Д. Косарева. Окончание. 158

Исторический портрет

Троицкая Н. А. Адольф Васильевич Даттан: биография предпринимателя. 184

Документальные публикации

26.89
К–78

Журнал основан в 1990 году. Выходит 4 раза в год.

Главный редактор – М. С. Высокое

Редакционная коллегия: М. И. Ищенко, А. И. Костанов, О. П. Кузнецов, В. М. Латышев, Г. В. Матюшков, О. А. Шубина

Оформление художника А. Я. Мезиса

Адрес редакции: Россия, 693000, Южно–Сахалинск, Коммунистический проспект, 33, каб. 5, Сахалинский центр документации новейшей истории.

Телефон редакции 2-21-36

Лицензия ЛР № 040429

При перепечатке ссылка на «Краеведческий бюллетень» обязательна

© Общество изучения Сахалина и Курильских островов

Сдано в набор 08.06.94 г. Подписано к печати 29.08.94 г,
Печ. л. 12. Формат 60x84'/1в. Бумага писчая. Печать офсетная.
Заказ № 946. Тираж. 1000 экз. Цена договорная.
Сахалинская областная типография, г. Южно-Сахалинск,
ул. Дзержинского, 34.

САХАЛИНСКАЯ И КУРИЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. С. ПОЛОНСКИЙ

КУРИЛЫ

Предисловие*

История открытия, исследования и освоения Курильских островов, ставших в настоящее время камнем преткновения в развитии политических, экономических и культурных взаимоотношений между Россией и Японией, всегда привлекала и привлекает сейчас внимание специалистов. За истекшие 283 года с того момента, когда русский человек впервые ступил на землю архипелага, и до наших дней опубликованы тысячи изданий научного, научно-популярного и информационного характера.

Среди «моря» газетных и журнальных статей, краеведческих изданий, научных монографий и сборников архивных документов особое место занимает труд А. С. Полонского «Курилы», опубликованный в «Записках Русского императорского Географического общества» в 1871 году.

Опубликованный в довольно редком издании, сравнительно небольшим тиражом и никогда более не переиздававшийся, он давно стал библиографической редкостью, недоступной широкому кругу читателей. Тем не менее за истекшие с момента выхода в свет указанной работы 123 года трудно назвать историка, публициста, журналиста или автора художественного произведения, пишущих о Курилах, которые бы в той или иной степени не использовали труд А. С. Полонского. Его «переписывают», «пересказывают» (зачастую без ссылки на источник), комментируют, препарируют цитаты для подкрепления собственных умозаключений ссылкой на авторитет. Особенно активно труд А. С. Полонского «использовали» советские историки в 70–80-е годы, доказывая «несомненный приоритет России в открытии, исследовании и освоении Курильских островов». Так, например, все без исключения авторы советских исследований писали о

Текст настоящей публикации подготовлен к печати В. О. Шубиным и Н. ф. Грызуновой. Предисловие и примечания В. О. Шубина.

выдающемся значении путешествий И. Козыревского и Д. Анциферова, приписывая им приоритет в открытии и описании Курильских островов. Информация об этих фактах занимает видное мест.о в экспозициях музеев, используется в лекционной пропаганде. Причем при этом, как правило, начисто забывают, что вышеназванные «путешественники» (по сути дела - убийцы и разбойники) оставили свой кровавый след только на самом ближнем к Камчатке острове Шумшу, а всю остальную информацию об архипелаге «собрали» со слов японского моряка, занесенного бурей на Камчатку и захваченного казаками. И это становится совершенно очевидным при внимательном беспристрастном чтении работы А. С. Полонского «Курилы» (с. 388-389). А знаменитый и неоднократно воспроизводимый в советских научных изданиях «Чертеж Камчатки, Курильских и Японских островов», сочиненный С. У. Ремезовым в 1713-1715 гг. (со слов И. П. Козыревского)[2] в части, относящейся к Курилам и Японии, есть не что иное, как перерисовка японского рисунка, составленного по памяти информатором Козыревского - японцем Саном.

Также неоднократно воспроизводилась «Карта Камчатки и Курильских островов, сочиненная геодезистом И. М. Евреиновым в 1722 г.»[3]. Причем, как правило, никто не акцентировал внимание читателей на том факте, что на этой карте рядом с изображением Курильских островов имеется надпись «Острова японские». В этом, по-видимому, кроется и разгадка «секретности» экспедиции, посланной Петром I. Любознательный читатель, заглянув в книгу А. С. Полонского «Курилы» на с. 394-395, узнает, что И. М. Евреинов достиг только шестого острова в группе северных Курильских островов и, претерпев страшные бедствия, лишь благодаря мореходу Мошкову смог благополучно вернуться в Охотск. Вопрос о том, на основании каких источников была составлена карта 12 Курильских островов, до настоящего времени остается открытым.

Можно привести десятки примеров, когда при цитировании А. С. Полонского «обрубались» фрагменты текста, и вся информация о японских поселениях на Итурупе и Кунашире в XVIII-XIX вв., о формировании естественной границы между Россией и Японией по проливу Фриза, как и многие другие факты, свидетельствующие не в пользу советских концепций о приоритете России в открытии и освоении Курильских островов, оставалась за рамками современных исследований.

Таким образом, совершенно очевидно, что труд А. С. Полонского в руках многих современных историков–

«патриотов» стал одним из орудий фальсификации исторического процесса.

Именно поэтому мы и предлагаем любознательному читателю переиздание работы А. С. Полонского «Курилы» на страницах «Краеведческого бюллетеня». Тем самым у историков, краеведов и всех, кто интересуется сложной и, не без умысла, запутанной историей освоения русскими людьми Курильского архипелага, появится возможность ознакомиться с важным источником по этой проблеме, составленным честным и объективным человеком.

О жизни и научной деятельности А. С. Полонского нам известно не так много[4]. В 1831 г. он окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию и начал военную службу во флоте лекарем I отделения госпиталя 9-го флотского экипажа Балтийского флота. В 1839 г. он переводится в Петропавловский-на-Камчатке порт с чином коллежского асессора. В 1842 г. он стал старшим лекарем Петропавловского военного полугоспиталя. В 1845 г. переводится на Черноморский флот сначала в 34-й, а потом в 10-й флотский экипаж. В 1848 г. А. С. Полонский назначается столоначальником Морского медицинского управления, а в 1851 г. переводится медицинским инспектором Архангельского порта. В 1851 г. А. С. Полонский возвращается в Санкт-Петербург в связи с назначением старшим советником в кабинет Е. И. В.

Еще меньше сведений о последующих 20 годах службы А. С. Полонского в Сибири. Известно, что он служил в Охотске и Якутске; состоял членом Совета Главного управления Восточной Сибири в Иркутске[5]. Именно в этот период он начал собирать известия о плаваниях и открытиях русских на крайнем северо-востоке и востоке России. Рукописи трех трудов Полонского, посвященные им, хранились еще в 1876 г. в Сибирском отделе Русского Географического общества[6], а позже поступили в архив Русского Географического общества, где хранятся и ныне. Это «Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане (1743-1800 гг.)»[7], «Промышленные на Алеутских островах (1743–1768 гг.)»[8] и «Монах Игнатий Козыревский»[9]. В этих работах даны подробные сведения о плаваниях русских промышленников в Тихом океане, приводится информация географического и этнографического характера.

Кроме этого, нам удалось выявить две печатные работы А. С. Полонского: «Поход геодезиста М. Гвоздева в Берингов пролив»[10] написана после его службы на Камчатке, а «Сюзнинские морские купания»" написана после службы в Архангельске.

Но самой большой заслугой А. С. Полонского является написание и издание в 1871 г. статьи «Курилы», поставившей

его имя в ряд крупнейших специалистов в области истории изучения российского Дальнего Востока. А. С. Полонский был дважды награжден (в 1869 г. - золотой и в 1871 г. - серебряной) медалями Географического общества[12], его имя занесено в «Список Восточно-Сибирских этнографов»[13]. Именем Полонского в настоящее время названы один из островов Малой Курильской гряды и пролив между островами Полонского и Зеленым[14].

Необходимо отметить, что в процессе подготовки настоящего издания нам приходилось сталкиваться и с негативной оценкой творчества А. С. Полонского. Так, например, известные специалисты по истории и этнографии Северной Азии и Северной Америки Р. Г. Ляпунова и Л. С. Блэк невысоко оценивали работы А. С. Полонского, считав, что за отсутствием ссылок на источники (столь обычным даже в научных изданиях XIX в.) автор умело скрывает компилятивный характер работы.

Ему также вменяется в вину использование иностранных публикаций, «очерняющих русскую действительность»[15]. Ниже мы постараемся показать несостоятельность подобных утверждений и доказать, что при подготовке своей статьи «Курилы» А. С. Полонский пользовался преимущественно первоисточниками, т. е. архивными материалами, и только в редких случаях - опубликованными статьями и монографиями, апробированными научной общественностью. И уж во всяком случае, все изложенное в книге абсолютно достоверно.

Первым на высокую степень достоверности работы А. С. Полонского обратил внимание А. И. Андреев, который считал, что автор «...нашел в местных архивах много записок, дневников и других материалов, оставшихся от участников тех 85 экспедиций в Тихом океане, о которых было ему известно»[16]. Хотя личный архив А. С. Полонского не сохранился, анализ структуры текста статьи позволяет с уверенностью судить и об использовании большого массива официальных документов, относящихся к истории открытия и исследования Курильских островов, отложившихся в подлинниках или копиях XVIII – начала XIX в. в центральных архивах нашей страны.

А. И. Андреев первым дал общую высокую оценку, считая, что «...труды А. С. Полонского для своего времени представляли значительный шаг вперед в изучении русских плаваний в Тихом океане. Использованные им материалы и до сих пор остаются часто неизвестными и неизданными»[17]. Приведенное выше мнение А. И. Андреева было опубликовано более 50 лет тому назад, но за истекшие годы исследователи преуспели не столько в поисках новых, ранее не известных массивов архивной информации по интересующей нас проблематике, сколько в поисках информации об уничтоженных или утраченных массивах документальных источников[18]. В последние годы появились специальные работы, доказывающие, что в середине XIX в. канцелярии центральных и местных учреждений России были переполнены деловыми бумагами; трудно было размещаться чиновникам; не хватало места для устаревшего громоздкого делопроизводства. Тогда и возникла мысль освободиться от «ненужных» архивных дел. Такая потребность оказалась прежде всего в учреждениях МВД и Министерства финансов, наследовавших архивы древних учреждений, и именно в них и было положено начало практике уничтожения архивных дел.

В Сибири планомерное уничтожение архивных материалов началось в конце 50-х годов XIX в. 25 декабря 1858 г. было утверждено положение Сибирского комитета о создании особых комиссий «для разбора и уничтожения решенных архивных дел губернских и уездных присутственных мест в Сибири». Кроме этого, практиковалась и аукционная продажа архивных материалов, которые в основном покупались мелкими торговцами для «завертывания товаров в лавках и на рынках. До 1869 г. только в Якутске продано с аукциона 957104 архивные единицы хранения[19]. Такая же судьба постигла архивы Петропавловского и Охотского портов, а один из самых богатых и интересных сибирских архивов - Иркутский архив - в 1869 г. почти полностью сгорел. Именно в этих архивах - Петропавловском, Охотском и Иркутском, хранилась, по крайней мере, до начала второй половины XIX в., вся подлинная архивная документация по русским открытиям в Тихом океане и Охотском море.

И А. С. Полонский был, по-видимому, последним исследователем, который наряду с В. Н. Берхом, А. Сгибневым, П. А. Тихменевым и другими выдающимися историками пользовался несметными богатствами сибирских и камчатских архивов.

Личный архив А. С. Полонского в настоящее время также считается утраченным, поэтому мы не можем на документальной основе проследить все этапы его работы над рукописью: поиск и систематизацию источников, составление архивных и литературных выписок, оформление рукописи. Нам также не известно, кем и в какой степени осуществлялась первая и единственная редакция монографии «Курилы»(кроме

общей редакции IV тома записок В. И. Савельевым), подвергалась ли она цензурной правке или нет. На все эти н многие другие вопросы еще предстоит найти ответы будущим биографам А. С. Полонского. А таковые, несомненно, найдутся, и мы надеемся, что настоящая публикация вызовет новую волну более глубокого интереса и к личности автора, и к самому труду, который, в силу указанных выше обстоятельств и состояния наших архивов, с полным основанием можно поместить в ряду первоклассных и достоверных источников по изучаемой нами проблеме.

Достоверных потому, что, к счастью, большая часть важнейших документов по истории Курильских островов, подлинниками которых мог пользоваться А. С. Полонский в Петропавловске, Охотске и Иркутске, в виде копий отложилась и в центральных государственных архивах России, в Москве и Санкт-Петербурге, и доступна современным исследователям.

Что касается происхождения копий, то часть из них относится к категории так называемых «прижизненных», когда инструкции или отчеты по плаваниям составлялись в нескольких экземплярах и рассылались не только непосредственным исполнителям (или прямым начальникам), но и другим заинтересованным лицам. Так, например, отчеты и рапорты И. М. Антипина и Д. Я. Шебалина поступали не только в дела канцелярии камчатского начальника М. Бема[20], но и в правительственные учреждения[21], и в военное ведомство[22].

Часть важных документов специально копировалась с целью их изучения и последующей публикации в научных изданиях. Так, например, сейчас совершенно точно установлено, что Т. Шмалев в течение своей почти 20-летней службы на Дальнем Востоке регулярно копировал по заданию Г. Ф. Миллера архивные документы[23], научная достоверность которых не вызывает сомнений.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем возможностью проверить подлинность и достоверность сведений, сообщаемых А. С. Полонским в его статье «Курилы», на основе сохранившихся архивных материалов.

С точки зрения композиционной, работа А. С. Полонского чрезвычайно проста. Текст ее не имеет ни вступления, ни заключения. Она не разделена на главы, части или параграфы и по своей структуре скорее напоминает большую статью. Тем не менее можно выделить логические или смысловые структурные элементы, которые придают произведению определенную стройность и законченность. Их несколько.

Общая характеристика Курильских островов в естественно-географическом, историческом и этнографическом отношении.

По своему характеру этот раздел статьи - наименее самостоятельная часть работы. Насколько нам известно, автор никогда на островах архипелага на был. Однако он не мог их не видеть, проплывая на судах из Охотска к месту своей службы на Камчатке. Суровая и дикая красота далекого и почти безлюдного архипелага, а также доступность сибирских и дальневосточных архивов пробудили, по-видимому, интерес Л. С. Полонского к этой теме. При написании вводного раздела автор пользовался многими литературными источниками, в том числе и монографиями С. П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» (I или II издание), Г. ф. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных»[24], и В. М. Головнина[25]. Интересно отметить, что при описании айнов – коренных жителей Курильских островов – А. С. Полонский везде употребляет прошедшее время. По-видимому, ему была хорошо известна трагическая судьба этого народа, совместными усилиями России и Японии уже тогда поставленного на грань почти полного исчезновения. Иногда в тексте приводятся айнские названия географических объектов: растений, рыб, птиц, зверей, почерпнутые из невыясненных источников.

Следующий раздел статьи приводит довольно подробные сведения о начальном периоде открытия и освоения русскими людьми Курильских островов. Он охватывает период с 1697 г., когда В. Атласов собрал первые сведения об архипелаге, и до подготовки экспедиции Чикина - Черного.

При составлении этого раздела А. С. Полонскому пришлось собрать воедино немногочисленные и разбросанные по разным источникам сведения о первых плаваниях русских на Курильские острова. Все они базируются на материалах ныне утраченных сибирских и дальневосточных архивов, поэтому все эти немногочисленные факты, вошедшие в работу А. С. Полонского, приобрели характер источника.

Одним из наиболее интересных разделов статьи А. С. Полонского «Курилы» является описание экспедиции Чикина - Черного 1765-1769 гг. При определении источников, которыми мог пользоваться автор при составлении этого раздела, мы склонны вслед за А. И. Андреевым[26] и Б. П. Полевым[27] считать, что А. С. Полонский, как и Г. И. Шелихов, в своей знаменитой книге пользовался подлинными архивными документами, в том числе и не дошедшими до

нашего времени рапортом сотника И, Черного и материалами следственного дела, открытого после его экспедиции на Курильские острова. Этот раздел написан с сохранением всех особенностей языка XVIII века и характеризуется суровой правдой изложения.

Следующий раздел работы А. С. Полонского, повествующий об экспедиции на Курильские острова И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина. наиболее полно обеспечен архивными документами, сохранившимися в подлинниках и копиях XVIII века в центральных архивах нашей страны и подтверждающих абсолютную достоверность работы автора. Это - инструкция главного камчатского командира премьер-майора М. К. Бема Антипину от 8 июня 1775 г.[28], предписание Сената правящему должность иркутского губернатора бригадиру Ф. Г. Немцеву о представлении подробных описаний обычаев, религии, образа жизни обитателей Курильских островов от 9 ноября 1777 г.[29], подлинный рапорт И. М. Антипина 1780 г.[30], письмо президента Берг – коллегии М. Ф. Соймонова иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке об освобождении от ясака айнов на дальних Курильских островах от 30 апреля 1779 г.[31], письмо Ф. Н. Клички генерал-прокурору А. А. Вяземскому о неудачном исходе экспедиции И. М. Антипина и Д. М. Шебалина[32] и многие другие документы. Кстати, в этом разделе текста имеется одна небольшая, но важная неточность. Она связана с землетрясением и извержением вулкана на 11-м острове Райкоке[33], в результате чего погибла экспедиция сборщика ясака Чёрного. Эта информация, несомненно, заимствована А. С, Полонским из экспликации карты Курильских островов, составленной по описанию И. Антипина и А. Очередина в 1775 г.[34] Учитывая, что ранее в тексте указывалось, что сотник И. Черный после экспедиции на Курилы был вызван для следствия в Якутск и умер от оспы, можно согласиться с версией Б. П. Полевого о том, что на Райкоке погиб его брат (возможно, двоюродный), тоже Иван, и также поверстанный в сотники.

А. С. Полонскому принадлежит честь первой публикации сведений о катастрофическом цунами на Урупе в 1780 г. Эти сведения также полностью подтверждаются архивными источниками[35].

И, наконец, последний, самый крупный раздел работы А. С. Полонского посвящен подготовке и проведению первое официальной правительственной экспедиции А. Э. Лаксман в Японию. При ближайшем рассмотрении текста становится совершенно очевидно, что в данном случае А. С. Полонский приводит с небольшими изменениями редакционного характера «Описание путешествия из Иркутска с возвращением спасенных при кораблекрушении [журнал Адама Лаксмана] 13.1X. 1792 - 21.1. 1793 гг.». Подлинный текст этого документа в настоящее время также не сохранился, но имеются две совершенно идентичные копии[36]. Однако современному читателю лучше всего воспользоваться более доступной прекрасной публикацией В. А. Дивина[37].

Последние страницы статьи А. С. Полонского «Курилы» в весьма сжатой форме освещают события, происходившие на Курильских островах или вокруг них в первые годы XIX в. Они связаны с первой русской кругосветной экспедицией на кораблях «Надежда» и «Нева» и посольством в Японию под руководством Н. П. Резанова, деятельностью Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова и пленением командира шлюпа «Диана» капитана В. М. Головнина. Это описание выполнено исключительно на основе литературных источников и не имеет самостоятельного значения.

Как это ни странно, но за рамками статьи А. С. Полонского остался заключительный, но самый интенсивный и результативный этап освоения русскими людьми Курильских островов, связанный с деятельностью на архипелаге Российско-Американской компании (далее РАК).

Полонский, несомненно, был знаком с обобщающим произведением историографа компании П. А. Тихменева[38], в котором, однако, приводятся только весьма скудные и обрывочные сведения об истории деятельности РАК на Курилах в XIX в.

В то же время в Петербурге до 1869 года находился архив Главного правления РАК, а в Ситке (Ново-Архангельск) находился огромный архив главных правителей русских колоний в Америке, в состав которых входили и документы о деятельности компании на Курильских островах. К сожалению, А. С. Полонский ими не воспользовался, и впоследствии, в силу различных причин, большая часть оказалась утраченной.

Тем не менее, учитывая все вышеприведенные сведения, мы берем на себя смелость утверждать, что статья А. С. Полонского «Курилы» была самым полным, точным и объективным для своего времени литературным источником, освещающим ранние этапы освоения русскими людьми Курильских островов.

Как указывалось выше, Л. С. Полонский уже в год выхода его статьи в свет (1871 г.) был награжден серебряной медалью Географического общества, т. е. его труд сразу же был оценен специалистами по достоинству. Однако эта работа, по-

видимому, вследствие небольшого тиража не имела достаточно большого общественного резонанса и не способствовала пробуждению широкого интереса к Курильским островам в культурной среде российского общества. Именно по причине отсутствия этого интереса заключение Петербургского договора 1875 года, санкционировавшего передачу Японии центральной и северной частей архипелага, не имело общественного резонанса.

В то же время работа А. С. Полонского «Курилы» вызвала пристальное внимание в Японии. Известно, что через несколько лет после выхода ее в свет она была переведена на японский язык видным японским общественным и политическим деятелем виконтом Т. Эномото - главным действующим лицом в переговорном процессе с японской стороны в 1875 г. Хотя рукопись не была опубликована, она находилась в научном обороте в Министерстве иностранных дел Японии[39].

Через некоторое время после выхода в свет труда А. С. Полонского в 1875 г. царское правительство передало центральную и северную части архипелага Японии. Россия на многие годы утратила Курильские острова, а с потерей островов постепенно уменьшился, а потом исчез полностью и интерес к истории архипелага. Забыли и о статье А. С. Полонского. И только в годы второй мировой войны, когда после известной встречи в Ялте руководителей стран, входивших в антигитлеровскую коалицию, было принято решение о вступлении СССР в войну против Японии, в недрах Военно–исторического управления Генерального штаба Красной Армии стали собирать исторические сведения, необходимые для обоснования возвращения «исконно русских» Курильских островов. Начиная с этого времени и до наших дней, все без исключения специалисты в той или иной степени использовали в своих трудах статью А. С. Полонского «Курилы».

Определяя место статьи А. С. Полонского «Курилы» среди обширной литературы и научных изданий 70-х годов XVIII – 70-х годов XIX века по интересующей нас проблематике, необходимо отметить следующее:

1. Будучи составленной из различных по характеру архивных и литературных источников, она к моменту своего издания явилась наиболее полной и точной сводкой сведений, касающихся открытия, исследования и освоения русскими людьми Курильских островов.

2. Неотъемлемой частью монографии являются сюжеты, связанные с посольствами А. К. Лаксмана и Н. П. Резанова, имеющими косвенное отношение к теме, связанной с историей Изучения Курил. Это наводит на мысль о том, что на протяжении всего русского периода освоения островов они рассматривались исключительно как мост на пути в Японию, ив недрах русского общества подспудно зрело стремление к изучению истории, географии и культуры этой страны.

3. Работа А. С. Полонского как бы завершает почти столетний период описания русскими людьми истории открытия, исследования и освоения Курильских островов. Как и все предыдущие работы, ее характеризует односторонний подход к проблеме. Автор не знал и не мог знать зарубежных, в частности, японских, источников по изучаемому вопросу. Поэтому, хотя внешне работа кажется вполне объективным и сухим перечнем событий и фактов, на самом деле автор освещает историю вопроса только с русской точки зрения. Кроме этого, нельзя забывать о цензуре вообще и о самоцензуре в частности, оказывавших всегда сильнейшее воздействие на ход исторических исследований.

И только Д. М. Позднееву, много лет спустя после выхода в свет статьи А. С. Полонского, удалось преодолеть этот пресловутый односторонний подход и опубликовать первую и, на наш взгляд, до настоящего времени единственную серьезную работу по истории, этнографии и географии Курильских островов. И, что самое главное, - объективно (с учетом русских и японских документальных источников) осветить историю ранних контактов между Россией и Японией[40]. Но это произошло уже в конце первого десятилетия XX века и было издано в Японии.

По вполне понятным причинам труд Д. М. Позднеева оказался фактически проигнорирован *советской исторической* наукой; и все, что было написано в нашей стране по изучаемому вопросу в 40-80-е годы XX столетия, есть не что иное, как преднамеренное введение в заблуждение нашей общественности. К сожалению, и труд А. С. Полонского в руках советских исследователей стал орудием фальсификации исторического процесса. Причем если в 40-е годы в первых послевоенных работах[41] его попросту переписывали, пересказывали своими словами и произвольно комментировали, то в 70-80-е годы стало модным излагать курильскую историю «по Полонскому», но для придания своим трудам наукообразности ссылаться при этом на архивные источники[42].

И, наконец, в заключение вводной статьи необходимо сделать некоторые пояснения археографического характера. Настоящая книга печатана по тексту издания 1871 года, оригинал которого хранится в фондах Сахалинского

областного краеведческого музея (инв. №4404-1/987). Первоначальный мягкий переплет не сохранился, и в настоящее время книга переплетена в жесткую лидериновую обложку темно-зеленого цвета. Сохранился титульный лист издания. На нем значится: «Записки императорского Русского Географического общества. По отделению этнографии. Том четвертый. Издан под редакцией действительного члена А. И. Савельева. С-Петербург. Типография Майкова в. д. Министер. фин., на Дворц. площ. 1871».

На обороте титульного листа имеется пометка: «Печатан по распоряжению императорского русского Географического общества».

Как видно из оглавления, общего для всего IV тома «Записок...», в нем опубликовано семь различных и тематически не связанных между собой этнографических материалов, характеризующих материальную и духовную культуру населения европейской части России и ближайших славянских областей. В отличие от обычных сборников научных материалов, в оглавлениях которых сначала приводятся фамилии и инициалы авторов, а потом названия статей, здесь сначала указаны названия статей, а потом инициалы и фамилии действительных членов общества в качестве составителей или собирателей. Что касается интересующего нас раздела тома, то в оглавлении он идет четвертым по счету: «Курилы», сост. действ, чл. А. Полонский», начинается с 367-й и заканчивается на 576-й странице.

Материал тома отпечатан на тонкой типографской бумаге довольно низкого качества: шероховатой на ощупь, желтовато–серого цвета.

Формат листа 16 х 24 см. Типографский шрифт ясный и четкий, черного цвета, гарнитура академическая, колонцифры проставлены вверху страницы. В тексте широко использованы шрифтовые выделения. При первом упоминании все географические названия, имена собственные и этнические названия набраны курсивом. Порядковые номера Курильских островов, заменяющие по русской традиции XVIII века названия, набраны цифрами.

В имеющемся в нашем распоряжении издании 1871 г. все листы сохранились без повреждений, но многие из них имеют характерные пятна и «разводы», образовавшиеся вследствие того, что книга когда–то сильно пострадала от влаги и затем была высушена. Статья снабжена весьма скудными примечаниями. Их всего 43. Причем в тексте после слов, требующих пояснения, проставлен знак *), а в подстрочнике после объясняемого слова, набранного курсивом, следует текст. Часть примечаний, судя по пометке «Прим. ред.», подготовлена А. И. Савельевым, а остальные (без пометок), надо полагать, - автором–составителем А. С. Полонским. Учитывая, что настоящая публикация планируется в двух последовательных выпусках «Краеведческого бюллетеня», мы вынуждены были применить сквозную нумерацию, а примечания, разделив их соответственно на две части, вынести в конец текста.

В отличие от других материалов, опубликованных в IV томе, работа А. С. Полонского не снабжена ни вступительной статьей, ни заключением. Имя автора–составителя проставлено не в начале, а в конце текста, на с. 574-й, после чего, в виде приложения, напечатаны четыре документа (переводы «Листов», врученных Лаксману в 1793 г.) без указания источника и имени переводчика.

При подготовке к изданию работы А. С. Полонского пришлось преодолеть некоторые трудности археографического характера. К сожалению, нам не удалось провести сверку опубликованного прижизненного издания 1871 года с авторской рукописью с целью выявления редакторских и цензорских изъятий. Не обнаружены пока и гранки с авторской и редакторской правками первого и единственного издания.

Планируя настоящую публикацию, первоначально мы хотели применить так называемый дипломатический прием издания, при котором текст воспроизводится путем типографского набора в полном соответствии с оригиналом и его особенностями: с устаревшей орфографией, с сохранением некоторых графических сторон (вышедших из употребления букв, имеющихся в тексте сокращенных слов, в том числе и необщепринятых, а также неисправностей: явных ошибок и опечаток). Однако имеющаяся в нашем распоряжении полиграфическая база не располагает необходимыми гарнитурами для воспроизведения основного текста и шрифтовых выделений, а изготовление факсимильных копий с помощью сканирующих устройств современных компьютеров оказалось слишком дорогостоящим.

Поэтому мы вынуждены были ограничиться набором текста в стандартной среде редактора «Лексикон» на персональном компьютере. При этом был использован так называемый научно-критический прием подготовки текста к изданию, когда в точности сохраняются стилистические и фонетические особенности документа (в данном случае статьи А. С, Полонского), и только в самых необходимых случаях текст исправляется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

Кроме этого, исключены все текстовые выделения в написании титулов российских императоров и названий месяцев года. Текст передается буквами современного гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук (ъ - е , и— н, Ѳ - ф). Во всех случаях опущен знак «ъ» в конце слова.

Все личные имена, отчества, фамилии, прозвища, входящие в состав личных имен, и прилагательные, образованные от собственных имен, написаны с прописной буквы.

Все географические названия написаны также с прописной буквы. Географические названия сверены по опубликованным картам XVIII - XIX вв. и по современным.

Различные транскрипции географических названий, имен и фамилий сохранены полностью, и только в самых необходимых случаях оговариваются в примечаниях к тексту. Большинство сокращенно написанных слов воспроизводится по оригиналу, а их расшифровка в алфавитном порядке сведена в таблицу и также приводится в примечаниях редактора. В некоторых, впрочем, весьма редких случаях, когда сокращаемое слово употребляется только один раз, сокращенные буквы слова воспроизводятся в тексте и заключаются в квадратные скобки.

Орфографические ошибки, явные описки (двухкратное употребление отдельных букв, пропуск букв) устранялись в тексте при перепечатке, и это не оговаривается в примечаниях (как явные неисправности текста, не имеющие смыслового значения).

Неисправности текста, имеющие смысловое значение (искажение слов, опечатки, меняющие смысл слов), в тексте публикации также сохраняются в неизменном виде, но по возможности правильные написания приводятся в примечаниях.

В тексте имеются некоторые элементы, требующие специального пояснения. Например, в некоторых случаях Л. С. Полонский приводит географические координаты островов, гор, мысов и т. д. Автор пользовался современными ему географическими картами, на которых счет долготы велся не от Гринвичского меридиана, как сейчас, а от прежних начальных меридианов: Ферро (27 град. 43 мин. с. ш. и 180 град. 00 мин. к западу от Гринвича - наименьший из группы Канарских островов в Атлантическом океане), Париж, Пулково. Существует специальная таблица разностей долгот начальных меридианов, с помощью которой можно сделать перевод их на Гринвичский, принятый в настоящее время**:

Название нулевых меридианов	Ферро	Гринвич	Париж	Пулково
Ферро	0	+17°39'46"	+20°	+45° 59'25"
Гринвич	-17°39'46"	0	+2°20'14"	+30° 19'39"
Париж	-20°	-2° 20'14"	0	+27° 59'25"
Пулково	-47° *59'25'*	-30°19'39''	-27° 59'25"	0

Но разница между долготными отметками, которые приводит А. С. Полонский, и современными координатами, исчисляемыми от Гринвича, составляют примерно 51°. Поэтому мы предполагаем, что автор пользовался картами американского происхождения, на которых за «0» меридиан принята долгота Национальной астрономической обсерватории в Кембридже, штат Массачусетс.

Кроме этого, в тексте А. С. Полонского во многих местах приводятся айнские и устаревшие русские названия птиц, зверей, рыб, дикорастущих и культурных растений. Ниже они сведены в таблицы и по возможности снабжены латинскими эквивалентами.

Птицы — Aves

Айнское название	Русское	Латинское
Ара	белобрюхая морская гагара (вероятно, чернозобая гагара)	Gavia arctica.
?	глупыш	Fulmarus glacialis L.
?	гусь (вероятно, гуменник)	Anser fabalist Lath.
Курукура	?	
Этупирка	топорок	Lunba cirrhata Pall.
Урил	баклан краснолицый	Phalacrocorax urile.

Звери — Mammalia		
Айнское название	Русское	Латинское
Тинпикуру	баран	Ovis nivicola Esch.
?	горностай	Mustela erminea L.
?	волк	Canis lupus L.
Исаман	выдра	Lutra lutra L.
Систумпнери	лисица красная лисица бурая лисица черная лисица сиводушка	(Для всех видов лисиц) Vulpes vulpes L.
Укуюк	медведь	Ursus arctos L.
Томеира	росомаха	Gulo gulo L.
Оика	соболь	Martes zibellina L.
?	бобр морской (калан)	Enhydra lutris L.
?	нерпа	Phoca vitulina L. Phoca largha Pall. Phoca hispida Schreb.
?	сивуч	Eumetopias Jubatus Sc.

Рыбы		
Айнское название	Русское	Латинское
Кирупра	белая	?
Усуркумпо	голец (мальма)	Salvelinus malma Walb.
Сакин	горбуша	Oncorhynchus gorbuscha Walb.
Уруп	красная (нерка)	Oncorhynchus nerka Walb.
Укус	кунжа (прав. кунджа)	Salvelinus leucomainis Pall
?	рямжа (морск. налим)	Myoxocephalus Jack C. V.
?	палтус тихоокеанский	Hippoglossus stenopelis.
?	треска — вероятно	Gadus morhua macrocephalus Til.
Сып	хайко (кета)	Oncorhynchus keta.

Растения дикорастущие		
Айнское название	Русское	Латинское
?	березник (вероятно, кустарник)	Betula ermanii Cham.
?	брусника	Vaccinium vitis - idaea L.
?	бук (вероятно, дуб курчавый)	Quercus crispula BL.
	ель мелкосеменная	Picea microsperma Carr.
?	камышник	Sasa sp. (вероятно, Sasa kurilensis).
?	кедровый сланец	Pinus pumila.
Кинту (кутаж)	?	
Кутагарник	?	
?	лиственъ (лиственница курильская)	Larix Kurilensis Maur.
?	ольховник (ольха камчатская)	Alnus kamtschatica Kom.
Осут	?	
Пукшату	шеломайник	Filipendula kamtschatica Maxim.
Рау	?	
Усут (усут)	лилия медеоловидная, сарана	(вероятно, Lilium medeoloides A. Gray.
Ар	сладкая трава (борщевик ?) См. ниже	Heracleum dulce.
?	сладкий корень	?
?	тальник	Salixsp.
Униг	?	
Упег	?	
?	пучка (борщевик сладкий)	Herocleim dulce Fisch.
?	черемша (охотский лук)	Allium ochotense Prokh.

Растения культурные		
Айнские названия	Русские	Латинские
—	конопля — вероятно	Cannabis sativa L.
—	овес — вероятно	Avena sativa L.
—	рожь	Secale cereale L.
—	пшено	?
—	ярица	?
—	ячмень	Hordeum vulgare L.

Сокращенные слова и выражения

б. ч.	– большей части
в.	– верст
вер.	– верст
в. п.	– ваше превосходительство
в. пр-во	– ваше превосходительство
д.	– долгота
ея и. в.	– ея императорское величество
к. л.	– капитан-лейтенант
кур.	– курильский, курильском
м. г.	– милостивый государь
м.	– миля
напр.	– например
о.	– остров
ос.	– остров
о-ве	– острове
п.	– пудов
р. хр.	– Рождество Христово
саж.	– сажень
св.	– святой, святая
след.	– следить
т. р.	– тысяч рублей
т. ф.	– тысяч футов
ф.	– фунт
хрис.	– христианский
чел.	– человек
ш.	– широта

Издание А. С. Полонского 1871 года «Курилы» снабжено подстрочными примечаниями (обозначены *), составленными автором и редактором тома. При переиздании книги мы сочли возможным, для облегчения пользования текстом современного читателя, несколько расширить научно-справочный аппарат. По техническим причинам авторские и редакторские примечания мы обозначали цифрой в скобках, а наши примечания - цифрой над строкой без скобки. Сами примечания вынесены в конец текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробное описание кровавых деяний казаков на Камчатке приводится С. П. Крашенинниковым в кн.: Описание Земли Камчатки. М. – Л., 1949. С. 479–484.

2. Дошедший до наших дней подлинник чертежа С. У. Ремезова хранится в Национальной библиотеке им. Салтыкова–Щедрина в Санкт-Петербурге. Ф. «Эрмитажное собрание». Д. 23. Л. 103 об.

3. ЦГАДД. ф. «Государственный архив». Р. IX. Оп. 1. Д. 66. Табл. 21.

4. Змеев Л. Ф. Русские врачи–писатели. СПб., 1886. Вып. 1. С. 67.

5. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 24.

6. Изв. Русск. Географ, общ. 1876. Т. XII. Вып. 6. С. 456.

7. Ученый архив Русского Географического общества. Разряд 60. Оп. 1. Л. 1-99.

8. Ученый архив Русского Географического общества. Разряд 60. Оп. 1. Д. 3. Л.1 -152.

9. Там же. Д. 4.

10. Морской сборник. Т. 4. Кн. II. 1850.

11. Архангельские Губернские Ведомости. 1854. N 19–20.

12. Список членов Восточно–Сибирского отдела ИРГО со дня его основания по 17 ноября 1891г. Иркугск, 1891. Типографский оттиск. Из личной коллекции А. И. Костанова.

13. Материалы для словаря Восточно–Сибирских этнографов. //Труды секций Восточно–Сибирского отдела Государственного русского Географического общества. Т. LXXV. Иркутск, 1926. С. 205. Из личной коллекции А. И. Костанова.

14. Гальцев–Безюк С. Д. Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1992. С. 107.

15. Это мнение излагалось указанными исследователями в личных беседах с автором настоящей статьи и никогда не публиковалось.

16. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 28.

17. Там же. С. 29.

18. Иванов В. Ф. Судьба архивных материалов Якутии XVIII– начала XIX вв. //Археографический ежегодник. М.,1983. С. 112–120.

19. Там же. С. 114.

20- ЦГАДА- Ф- Госархив. Разряд VII. Д. 2349. Ч. I-IV.

21. ЦГАДА- Ф- Госархив. Разряд VII. Д. 2539.

22. ЦГАВМФ. Ф. 2331. Оп. 4. Д. 104.

23. Макарова Р. В. Роль Тимофея Шмалева в изучении истории русских географических открытий во второй половине XVIII века // Труды Московского историко–архивного института. М., 1954 г.

24. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758. 1758. Февраль. С. 117-120; Март. С. 195. Май. С. 400-404.

25. Головнин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку. СПб., 1822.

26. Андреев А. И. Вступительная статья к сборнику «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». М., 1948. С. 31–61.

27. Полевой Б. П. Предисловие к книге Г. И. Шелихова «Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Хабаровск, 1971. С. 29–33.

28. ЦГАДА- ф. Госархив. Р. VII. Д. 2539. Л. 96-97, 99-103 об., 107-108. Копия.

29. ЦГАДА. Ф Сенат. Кн. 4110. Л. 315-316. Копия.

30. ЦГАДА. Ф. Госархив. Р. VII. Д. 2539. Л. 1-283.

31. ЦГАДА- Ф Госархив. Р. VII. Д. 2539. Л. 196- 198. Отпуск.

32. ЦГАДА. Ф- Госархив. Р. VII. Д. 2539. Л. .202-203. Подлинник.

33. ЦГАДА. Ф. Госархив. Р. VII. Д. 2539. Л. 283-284.

34. ЦГАДА. Ф. 292. Карты Иркутской губернии, N 62.

35. ЦГАДА. Ф- Госархив. Р. VII. Д. 2539. Л. 204 об. -205.

36. а) АВПР. Ф. Гл. СПб. архив. 1-7. 1803. Д. 2;

б) ЦГАДА. Ф. 1261 (Воронцовых). Оп. 1. Д. 2891. Л. 1-64.

37. Предисловие и комментарии В. А. Дивина к книге В. М. Головнина «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811. 1812 и 1813 гг.». Хабаровск, 1972. Примечание 169 на с. 512.

38. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб. Ч. I. 1861 Ч. II. 1863.

39. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. I. Иокогама, 1909. С. 57.

40. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. I – II. Иокогама, 1909.

41. Жуков Ю. Русские и Япония. М., 1945; Соловьев А. И. Курильские острова. М., 1947; Сергеев М. А. Курильские острова. М., 1948

42. Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970; Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно – Сахалинск, 1982.

43. Меньчуров А. Е. В мире ориентиров. М., 1977. С. 103 – 104.

* * *

Курильские острова, в *северозападной* части восточного океана, лежат грядою, на протяжении 10 град, между Камчатским мысом Лопаткою и Японским островом Матмаем, Иессо[1], – примыкая посредством о. Сахалина, прилежащаго к южным островам, и к Татарскому материку[2].

Число островов, составляющих Курильскую гряду, признается обыкновенно 22; но кроме того есть еще несколько малых островов, которые не входят в общий счет. Северные острова, числом 18, принадлежат России, а 4 южные – Японии[3]. Последние до конца прошедшаго столетия принадлежали мохнатым курильцам и управлялись природными владетелями. Один о. Матмай, служивший рубежом между южными Курильскими островами и японскими владениями, не составлял полнаго владения курильцов; они занимали только северовосточную его часть, а югозападная принадлежала уже японцам.

Каждый остров имеет собственное название, выражающее какую-нибудь его особенность; но названия общаго для всей гряды на природном языке нет. Данное казакам островам название, *Курильские,* выражает геологический характер, вполне им приличный по курящимся на многих из них сопкам; а удержанию такого названия способствовал и наружный вид островов, которые, будучи окружены обыкновенными здесь, почти постоянными туманами, выказываются, по приближении к ним, как бы из дыма курящимися. Вообще же острова и населяющих их жителей казаки называли одним словом *Курилы* и местное название удерживается доныне.

Курильские острова составляют продолжение той ветви Становаго хребта, которая, прошедши по длине полуострова Камчатки, громоздится на стесненной двумя морями южной ее части, и потом возникает опять за первым курильским проливом, представляя ту непрерывную цепь островов, которая отделяет Охотское море от Восточного океана[4].

Острова вулканического происхождения состоят из громадных, извергнутых действием подземнаго огня из моря первозданных скал, одиноких, или в виде небольших групп. Горы, покрытия большею частию снегом, лишенныя растительности, обнаруживают и теперь движение неистощимаго подземного огня, то временно, на островах: 1, 3, 9 и 13, то постоянно как на 8, следствием чего постоянно является изменение в наружном виде островов. На прочих островах, после постоянных землетрясений, последовавших в 1770 годах на Курильской гряде, сопки перестали гореть. Во время землетрясений выбрасывается из сопок большими количествами сера, которую жители

собирают для домашнего употребления. На островах: *2,1,* 13 и 14 находятся минеральные источники и местами открываются испарения газов.

Утесистые морские берега Курильских островов вообще неприступные. Глубина моря у самых берегов неизмеримая, течения в проливах и у берегов быстрый, образующий страшныя водовороты или сулои, и не только нет на этих островах спокойных гаваней для больших судов, но даже пристани для байдар неудобны и не на всех. Единственная гавань для морских судов на 18 острове[5], да бухты на 18 же, на 1 и 2 во втором проливе. В последней, довольно закрытой и спокойной, обыкновенно отстаивались промысловыя суда, проходившия Курильскую гряду.

На всей гряде нет больших рек, но малых довольно, хотя и не на всех островах. Река *Тухурки*[6] на 2-м о. значительнее прочих. Реки, текущия по впадинам между хребтов, берут начало из источников, но более из стоячих озер, образовавшихся от воды, скопляющейся в хребтах при таянии снегов и от дождей. Сила течения изменяется по степени наклонности ложа и от количества скопившейся воды, а потому в речках, не смотря на их незначительность, нередко образуются водопады[7]. Реки вообще не способны ни к судоходству, ни к рыбному промыслу[11].

Рыба входит из моря в значительном количестве только **в** речки на 1, 2 и 18 островах; на прочих вода, унося в своем течении растворимыя минеральные вещества, получает неприятный вкус и тем отвращает вход рыбы.

Озера (тао), большею частию неимеющия особенных названий и вообще незначительныя по величине, находятся на островах 1, 2, 5 и 18; большия же только на южных островах.

Климат, по причине большаго протяжения островов, весьма разнообразный, вообще же непостоянный и суровый сравнительно с другими местами равными по географическому положению. Открытая местность дает полную силу действию всех ветров, а сила и направление их, причиною разительнаго изменения температуры в различных точках на одном и том же острове и несоразмерности ее в местах приморских и закрытых. Непостоянство погоды зависит от местности и направления, с которых дуют ветры. Дожди, снега и метели, по тамошнему пурги, обыкновенный по всей гряде, томительны. Весна самое приятное время года, пока не начнутся густые, сырые и холодные туманы, продолжающиеся с мая по октябрь; иногда по несколько дней кряду горизонт покрыт туманом, то тонким и прозрачным, то до того густым, что в нескольких шагах ничего не видно. Пасмурностью и туманами богата более восточная сторона островов. Лето от близости моря непостоянное, с сильными и холодными росами, а при переменчивых большею частию ветрах сопровождается непогодами, или туманами; впрочем случаются и сильные жары. Зима продолжительная и стужи бывают довольно значительные.

Разнообразие климата на обширном протяжении островов причиною и разнообразия естественных произведений. Царство растительное представляет наиболее видоизменений в произведениях и видоизменение растительности находится в прямом отношении с местностию, качеством почвы и положением острова. Низменныя приморския места, пропитанныя морскою водою, лишены почти вовсе растительности, а на возвышенных, скалистых, большею частию покрытых снегом, где сама природа непостоянством температуры противудействует растительности, – она бедна. Одне низменныя места, защищенныя от неприязненнаго влияния непогод возвышенностями, представляют весь скудный запас курильской флоры; сладкая трава, черемша, кутагарник (канасут), сладкий корень (соут) и сарана, употребляемые в пищу; пальм, кутаж, чирпуй, петрушка, морская капуста (нури), служащие лекарствами; крапива, из которой плетут сети; из деревьев – ольха, береза, тополь, рябина, кедровый сланец[8]. По мере приближения к югу, растительность заметно и разнообразнее и богаче.

На многих островах между хребтами есть обширныя долины и ровныя пространства, на которых почва земли, обыкновенно песок и мелкие камни, покрыта довольно толстым слоем чернозема, произшедшаго от гниющей травы, смешанной с песком и илом. На таких равнинах, защищенных горами и пересекаемых ручьями, растет хорошая трава и превосходные сенокосы, дают возможность содержать на таких островах скотоводство; а по качеству почвы, на некоторых островах довольно мест, способных к обрабатыванию под пашни. В разные времена были производимы опыты хлебопашества[10] и если не было успехов, то собственно от недостатка средств разрабатывать землю, а более по непривычке курильцов к хлебу. Заведенные с давняго времени на 1 и 2 островах огороды поддерживались у одних тоенов; картофель, репа, редька и капуста родились хорошо; но курильцы мало заботились поддерживать огородничество и садили овощи тогда только, когда им привозили семена с Камчатки. В 1830 и 31 годах приступлено было вновь к разведению огородных овощей[11] посаженныя овощи родились хорошо; но курильцы их съели, не оставив даже на семена для следующаго года; посеянный в тоже время овес дозрел.- Земледелие никогда не составляло особеннаго занятия курильцов, не смотря на его пользу и успехи предпринимавшихся в незначительном размере опытов.

Северные острова безлесны и жители для строений употребляют лес выкидной, а для топки ерник и кустарники.

На первых восьми растут ольха, кедровый сланец, на 9 и 10 тальник, 11 совершенно безлесен, а на 13 есть довольно березника; подвигаясь далее к югу, постепенно появляются крупныя деревья, а на южных обширных островах есть превосходные леса.

Царство животное на всех островах однообразно и виды *животных* немногочисленны. Мыши на всех, медведи на южных, волки на 1 и 2[12]. Попадаются тарбаганы[13] и лисицы красныя и бурыя. Кроме того у курильцов водятся особенной, свойственной только этим островам породы собаки, которыя употребляются для ловли птиц. Богатство же всей гряды составляют морския животныя. По бухтам и на камнях множество сивучей и нерп, или тюленей. Нерпы чернопестрыя, большия (антуры) и маленькия, составляют особые виды, попадающиеся только у Курильских островов. Высокого качества бобры (Castor fiber), известные под названием камчатских, впоследствии попадавшиеся больше на привальных льдах. Напуганные промышленниками и отчасти землетрясениями они около 1780 г. оставили берега Курил, и живущих постоянно у берегов ныне мало[14].

Морские звери, а также птицы – ары[15], топорки, ипатки, каюрки, глупыши и гуси составляют обширный промысел для хозяйственных потребностей. Для пропитания жир их курильцы сберегают в пузырях, а мясо в запас сушат; кожи морских зверей, лахтаки, идут на обувь, мешки, а птичьи на платье. Был заведен и скот, первоначально в 1755, на 1 – м о. От пары, перевезенной сюда тоеном Сторожевым из Большерецка, а затем и на 2 - й и по усердному уходу курильцов, расплодилось его вскоре до 40 штук. На 2 –м о. в особенности скот велся. Для содержания его строились настоящия юрты, даже с полом, и содержались опрятнее тех, в которых жили сами хозяева. Курильцы, любившие только молоко и масло, не убивали скот на мясо, а потому он расплодился у них в значительном числе. Но когда стали ходить промысловыя суда из Охотска, останавливавшиеся для исправлений во втором проливе, то число скота, от продажи его на суда на мясо, вдруг - уменьшилось и в 1779 г. на 1 – м о. Оставалось только три скотины.

Минеральные произведения составляют едва початой предмет исследований. На южной стороне 1 о. в горе открыты признаки серебряной и других руд; на 2 о. – охры разных цветов и кое-какие минералы, колчедан. На 2 же о. морем выбрасываются раковины, содержащия голубой жемчуг, которыя попадаются также и на других островах, особенно на 11 – м. Произведенные, в 1771, 72, 77 и 82 годах, дворянином Антипиным[16], минералогическия изследования на южных островах так ограничены, что из них нельзя вывести положительных данных о богатствах островов, а тем более дать веру, что на Урупе заметны даже признаки золота[17].

Жители Курильских островов, курильцы монгольскаго поколения, составляют особое племя обитателей северовосточной части Азии, хотя и имеют много общаго с соседними им племенами камчадальским и японским[18].

При занятии Камчатки казаки известились[19] от местных жителей и о соседнем им племени курильцов ближних (уйвут – зеке) и дальних (яункур), которых они вообще называли *куши, кужин.* Таким образом разделение племени курильцов на ближних и дальних существовало уже ранее знакомства с ними русских.

Ближних составляли жители первых двух островов и южной оконечности полуострова Камчатки, которая потому и носила название Курильской земли[20]. Курильцы Камчатского мыса и перваго острова одного, камчадальскаго-происхождения[21]; но вследствие необходимых сношений с обитателями втораго острова, уже чистыми курильцами, они усвоили особенности чуждаго им племени, представляли уже особенное племя, которое отличалось от начального корня в языке, поверьях и многих других особенностях их частной жизни и даже в наружном виде.

Камчадалы, жившие в Курильской земле, т. е. на южном конце полуостова, далее параллели рек Большой и Авдчи до самой Камчатской лопатки и поселившиеся на первом о. Шумшу[22], при всей своей малочисленности, славились смелостию и были страшны своим соплеменникам, северным камчадалам. Они пускались нередко в обширных байдарах[23] на погромы их, небоясь, при неудаче, преследования потому, что у себя они были непобедимы под защитою неприступной местности. Приход в Камчатку казаков заставил ближних курильцов отказаться от походов на своих соседей и даже давать у себя приют бывшим своим недругам. К ним стали присоединяться камчадалы, отодвигавшиеся к югу от преследования казаков во время покорения ими Камчатки и во время бывших потом возмущений[24]. Как местность Курильской земли, бывшая до того неприступною, неукрывала более искавших там себе защиты, а затем и отдались совершенно во власть пришельцев, то нежелавшие отказаться от прежней свободы и неспокойные, поднимавшие смуты, ненадеясь более на безопасность в хребтах Курильской земли, искали убежища у своих единоплеменников, еще свободных, на 1 – м о. Шумшу.

Жители второго острова, Парамушира, уже чистые курильцы, одного происхождения с дальними, так называемыми мохнатыми, переселившиеся сюда с пятаго, Оннекотана, и других за ним к югу лежащих островов. Чуждые всякой

гражданственности, курильцы жили по разным островам родами, управляющимися каждый своим старшиною. Отдельный поселения, неимевшия ничего общаго между собою и большею частию враждебныя, старались притеснять друг друга. Междоусобия и грабежи, явления обыкновенный на островах, были причиною, что слабейшие рода искали более спокойный места для своего жительства. Таким образом, во избежание частых безпокойств от соплеменников, приезжавших с южных островов для захвата женщин, а также из видов торговых и выгод от промысла морских зверей, курильцы подвигались все далее на север, даже до втораго острова, где застали *их* пришедшие в Камчатку казаки.

Число жителей на первом острове было вообще не значительное; потом часть их убавилась от оспеннаго поветрия, свирепствовашего в 1768 в Камчатке. Второй остров был гораздо населеннее; но число жителей там значительно уменьшилось выходом их на дальние острова.

Дальние курильцы, которые впервые стали известны русским от японцев с потерпевших на камчатских берегах крушение судов их[25], а потом по торговым их сношениям с ближними, обыкновено назывались *мохнатыми,* и жили на южных островах и частию на о. Сахалине. До конца прошедшего столетия они были свободны, управляясь только своими старшинами и занимались торговлею с японцами и северными курильцами. С 1768 года начались со стороны России попытки подчинить мохнатых вместе с проектом заведения торговых сношений с японцами. Начавшееся успешно дело завладения южными Курильскими островами не достигло однакож желаемого конца. Мохнатые и соединившиеся с ними единоплеменники их, удалившиеся с втораго и других северных островов, так называемые *сошлые,* подчинились власти Японии и в скором времени усвоили нравы и обычаи своих властителей. Можно было полагать, что племя курильцов, недавно наслаждавшееся полною свободою на занимаемых ими островах, 19, 20, 21 и на северовосточной части 22, Матмае, и частию на о. Сахалине, сольется совсем с японским и забудет прежнюю свою самостоятельность[26].

Курильцы не имели на своем наречии общаго себе названия, а обыкновенно называли себя *айну* (человек, житель) с прибавлением к нему названия занимаемаго острова. Слово *айну,* не смотря на такое ограниченное значение его, сделалось общим названием целаго племени. С возрастом все тело у курильцев покрывалось густыми черными волосами и эта особенности курильцов, по сравнению их с прочими северными инородцами у которых растительность волос вообще слаба, была причиною названия их *мохнатыми.*

Настоящие курильцы, и даже курильцы камчадальскаго происхождения, во многом разнятся от соседняго им племени камчадалов. Имея более правильный, чем у камчадалов, облик лица, они красивее и развязнее их. При волосистом теле, с весьма смуглым цветом кожи, они представляют заметную разность с своими северными соседями уже по одному наружному виду. Курильцы роста средняго, приземистые, как все вообще приморские жители, хотя встречалось между ними довольно мущин высоких, статных; смуглая кожа покрыта у них густыми, черными волосами по всему телу; глаза косвенные; лицо нетак плоское, иногда круглое, правильное. Между женщинами встречались, в переданном типе европейца, прекрасный черты, испорченныя разве татуажем, зашедшим с островов Восточного океана не только сюда, но к тунгусам, олюторцам (коряки сидячие), чукчам. В прежний времена оба пола, но после только одне женщины расписывали черною краскою разные узоры на губах и руках до самых локтей, в полном уповании достигнуть чрез то блаженство по смерти.

Взрослые курильцы волос не брили и даже мало подрезывали, от чего, особенно у пожилых, лицо до самых глаз, обрастало волосами, а окладистая борода, которую они заплетали иногда в две, три косы, достигала у некоторых до пояса и закрывала всю грудь. Присоединив к тому полное небрежение к распущенным в совершенном беспорядке густым и жестким черным волосам, таких действительно можно назвать мохнатыми. Молодые мущины подрезывали волосы на голове в кружок весьма коротко, а женщины только спереди и настолько, чтобы не мешали смотреть, прочие же волосы – на висках опускали на уши, а на затылке заплетали в косы и убирали ими голову. Но потом женщины охотно стали покрывать нечесанную голову платком.

Язык чистых курильцев составлял особое наречие, отличное от камчадальскаго и японскаго. Умеренное сопряжение в составе слов гласных и согласных и выговор протяжный, тихий, плавный, с свободными, вежливыми жестами, составляли чрезвычайно приятный для слуха разговор.

Курильцы нрава кроткаго, добродушны, скромны, вежливы, между собою жили дружно; старики и старшие пользовались у них уважением; а в отношениях к родственникам выражалась нежная привязанность. Безкорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость были отличительными свойствами в общественном быту курильцов. Если обстоятельства заставляли их обходиться с заезжими холодно, если они оказывались несговорчивыми и не имели обыкновения давать подарки им, то все-таки они чужды были упрека в грубости прочих инородцев. Будучи правдивы, курильцы нетерпели обмана, а

потому, при всей утонченной вежливости с незнакомыми, были с ними осторожны и недоверчивы. При этом следует принять во внимание и ту особенную черту их патриархального характера, что, при полном отсутствии образования и при ограниченных понятиях о правах, честолюбие и независимость стояли у них на первом плане.

Курильцы были весьма общительны. По врожденной доброте и по безкорыстной услужливости, они охотно принимали гостей и встреча их сопровождалась этикетом самым церемонным. На встречу гостю хозяин выходил вооруженный и вырядившись в лучшее платье. Приложив руки к лицу, он опускал их на бороду и потом на живот, причем, несводя глаз с гостя, делал ему поклон. Такое приветствие, смотря по особе, повторялось несколько раз. Своих родников и знакомых одноплеменников принимали с распростертыми объятиями, стоя на коленях, обнимали их и целовали, причем у иных выступали даже непритворныя слезы радости. После обычных приветствий, вступали в разговор о разных произшествиях и слухах, который начинал гость, или хозяин, смотря по старшенству. Всякая неправдоподобная выдумка, передаваемая с известными прикрасами и добавлениями, занимала внимание окружавших разсказщика, которые слушали его стоя и в безмолвии, и если разсказ возбуждал смех, то, по правилам приличия, все вовремя утихали, чтобы не унизить достоинства говорившаго и не помешать продолжению разсказа. У курильцов в привычке, что даже и в обыкновенных разговорах друг с другом они почасту, гладя, бороду, или брюхо, или потирая ладонь об ладонь, гоготали – го-го-го. До всяких новостей курильцы до того падки, что в свободное время старики, для удовлетворения общаго любопытства, выходили на утренней заре на кровли и по наблюдению на небе известной им пестрой полосы (камикур), будто бы предугадывали прибытие на их остров байдар, а с тем вместе и новых предметов разговоров для развлечений их праздной жизни.

Новости и разсказы о случившихся прежде произшествиях были занимательнее всех прочих забав, которыя заключались в нескладном пении песен и плясках. Песни слагались экспромтом на всякий необычайный случай; пляски, похожие более на кривлянье и в которых участвовала преимущественно верхняя часть туловища, изображали сцены из обыкновенной жизни животных.

Опрятность также неизвестна курильцам, как и всем прочим сибирским инородцам. Они не имели даже обыкновения мыть лицо и руки; а потому было бы напрасно искать чистоты в их жилищах, в содержании одежды и приготовлении пищи.

Обыкновенныя помещения курильцов составляли четырехугольныя юрты из выкидного леса, с плоскими кровлями и маленькими окнами из пузыря. Отверстие в них наверху служило для выхода дыма и дверью. По средине юрты был очаг, а по стенам ея рундуки, служившие вместо гардеробов и кроватей. Пол юрты из плотно убитой земли, покрывался циновками. Затем все убранство юрты заключалось в нескольких японских вещах и кухонных принадлежностях, как чаши, котлы. На южных островах курильцы жили в балаганах, устроенных в столбах и обложенных с боков травою. Чирелы, или циновки, употреблявшиеся как постели и подстилки, служили также крышами для временных шалашей, при разъездах курильцов по островам.

Одежда у всех, без различия пола и возраста, – парки и нижнее платье, а также бродни. Парки были разнаго покроя, но больше разрезныя спереди, наподобие тунгусских, или похожия на камчадальские портки, только без кукуля. Они шились из кожи лисиц, медведей и диких коз; но более из птичьих кож – лебяжьих, урильих, топорковых, гагарьих и глупышевых. Кроме того было у них платье из особенной ткани, которую курильския женщины приготовляли из лыка. Достаточные носили шолковые и бумажные японские азямы. Нижнее платье приготовлялось из выделанных нерпичьих кож, а бродни из сивучьих горлов. Курильцы носили иногда и шляпы из камыша, или из косточек перьев, или вместо шляпы покрывали голову куском сукна, лоскутом материи. У некоторых, впоследствии завелись даже рубашки из дабы (1) и китайки, а у женщин и платья из ситцев и разных материй и головные платки.

Курильцы в том же платье, какое было на них, ложились спать, не раздеваясь; а потому можно судить об их опрятности.

При всем том у них заметна страсть к щегольству, поддерживаемая тщеславием; но пестрота и небрежность в сбережении платья показывали и недостаток вкуса и, что вещи дорого им доставшиеся не имели у них цены. У живших по северным островам не было постоянства в форме одежды; но дальние, обитатели южных островов, держались формы японских длинных платьев, которыя шились, кроме шкур, из китайки и даже толковых материй, или вымeнивались на бобры у японцов готовые азямы[27]. Кроме того каждый из них имел копье и японскую саблю, которою подпоясывался во всех особенных случаях.

Согласно установившемуся образу жизни, мущины преимущественно упражнялись в промыслах разных морских зверей и птиц, которых мясо, по недостатку рыбы на островах, служило обыкновенным продовольственным запасом в течении круглого года. Добыча пушных зверей, бобров и лисиц,

1. Даба - китайская бумажная ткань. (Толк. сл. Даля). (Прим. ред.)

составляла главнейший источник торговых выгод. Бобров гоняли байдарами и утомленных убивали стрелками из камыша с костяным, или каменным носком. Лисиц ловили кляпцами[2]; а иногда, для добычи их, на той местности, где они больше водились, огораживали небольшое пространство колышками с укрепленными на них петлями и сажали туда чайку. Промышленник, скрывавшийся в засаде, дергал по временам проведенный к нему от чайки снурок и заставлял ее кричать и хлопать крыльями. Лисица, бросившись на добычу, попадала в петлю и доставалась охотнику. Птиц на Курильских островах других нет, кроме морских. Одни гуси останавливались ненадолго на время периодических перелетов; но они нелегко попадались в разставленные для них сети. Курильцы ловили птиц сетями из китовых жил, которыя раскидывались по *кекурам (2),* где больше привыкли садиться птицы; топорков доставали из нор или петлями из китовых жил, укрепленными на концах длинных палок во избежание сильнаго их укушения, или посредством приученных для того курильских собак.

За промыслом зверей и птиц курильцы любили отправляться на пустые острова целым обществом, с своими семьями и нередко оставались там по несколько лет, считая переезды с острова на остров прогулкою для удовольствия. По возвращении с островов добыча делилась поровну на всех участвовавших и неучаствовавших; тут не были забываемы ни малолетние, ни старики, ни немощные и безпомощные; одному тоену выделялся больший против прочих пай.

Кроме промыслов, мущины занимались постройкою юрт и байдар, делали луки, стрелы, кляпцы и торговали с соседями.

Занятия женщин заключались в заботах хозяйственных – готовить пищу, выделывать птичьи и звериные кожи и шить из них одежду и обувь, приготовлять нитки из китовых жил и крапивы, плести из травы и корней чирелы и выделывать из лыка материю для платья.

Главнейшую пищу курильцов составляли мясо морских животных – нерп, сивучей, китов, не исключая и бобров. Мясо зверей и птиц, заготовляемое в прок, по вынутии костей, сушили и коптили; а жир сивучий, бобровый, глупышевый (3) хранили в сивучьих пузырях. Подспорьем этой главной провизии служила ловимая в небольшом количестве рыба. Кроме заходившей в реки на 1-м, 2-м и на южных островах рыбы, курильцы ловили

2. *Кекур* - по сл. Даля, камень столбом, на берегу или над водою, у берега. *(Прим. ред.)*

3. Молодые глупыши так жирны, что в них вовсе не находят мяса. На подходящих к гнездам они брызжут из зубов жиром, которым их кормят старые глупыши, собирая его в море с погибших китов.

в море удами треску, рямжу. Рыбу или вялили *(юкола),* или, сваривши, разминали ее и скатывали в комья, которые затем и высушивали и из них потом, с морским поростом марю и жиром, варили похлебку. Ракушки и морские раки также служили пищею, но только в крайности. Курильцы особенно много запасали морской капусты – *марю;* сушоныя ее листья, круглые, мохристые, красные, развавривши в кисель, ели с рыбою; запасали также разныя ягоды, коренья, особенно черемшу; кутагарник и разныя травы, в запас сушили и потом примешивали к рыбе и икре. Курильцы ели сырой ствол морковника (пучки) и ствол другаго рода морской капусты – *мура,* у которой стебель четырехгранный и узкие, длинные листья. Южные курильцы были знакомы с употреблением *саки,* японское вино из риса, и сахарных заедок. Курильцы знали употребление соли; не имея однакож сами в ней большой нужды, они выварывали ее в чугунных японских котлах из морского разсола в самом малом количестве, только для посолки рыбы на случай приезда русских.

Время для еды у курильцев было определенное. Хозяин, или старший в семействе разрезав поданное кушанье, первый кусок клал себе и потом раздавал прочим, по старшенству. Все время, пока продолжалась трапеза, все сидели смирно, и молчали; один только старший, как при раздаче кушанья, так и во время еды гоготал. Курильцы ели понемногу и вообще у них не было заметно ни прожорства, ни обжорливости, общих северным инородцам.

Посуду составляли деревянные ложки и чугунныя японския чаши и котлы.

При женитьбе было в обыкновении *хватать невесту* Обычай этот, общий с камчадалами до принятия ими христианства, у курильцов был выгоднее тем, что жених во избежание потасовок от женщин во время хватанья, мог сговорившись с невестою, увезти ее тайком на другой остров. Жен имели по две и более и как они спали вместе, то муж приходил к которой-нибудь по своему желанию, украдкою и разделял с нею ложе. Многоженство не мешало иметь и *коекчучей*[3]. Мужья были вовсе неревнивы и если который замечал жену в связи с другим, то равнодушно говорил, что это ея дело, или грех, а не его. Но при всем явном послаблении разврату, прелюбодейства преследовались. Виновный откупался, а в сомнительных случаях соперники оканчивали дело поединком, который заключался в том, что обиженный подозрением отпускал три полновесных удара палкою противнику и в той же мере получал от него сдачу. Удары отпускались друг другу попеременно.

По рождении ребенка, имя дитяти давали, без особенных обрядов, находившаяся при том бабка какое первое слово приходило ей в голову, или имя кого-нибудь из русских,

посещавших остров. С восприятием крещения, кроме настоящих имен, к курильцам перешли и русския фамилии их восприемников – Шпанберга, Новикова, Сторожева, Красильникова, Новограбленаго, Соловьева.

Покойников зарывали, неглубоко в землю; при чем верили что они проходят под землю и там живут новою жизнию. Юрту, в которой случался покойник, оставляли и вместо ея строили другую на новом месте.

Сообщение между островами курильцы совершали на байдарах, построенных из наноснаго леса елогого и лиственничнаго. Байдары были большия и малыя. Последний были кожаныя, а первыя наборныя, т. е. доски пришивались одна к другой китовым усом, затем пазы проконопачивались мохом и закрывались потом каждый особым рейком. Весла, числом 18 – 22, делались соразмерной длины. Кормщик управлял байдарою особенным длинным веслом, стоя, а гребцы работали своими веслами сидя. При попутном ветре ставили четырехугольный парус, сплетенный из травы. На своих байдарах курильцы, большею частию с своими семействами, безбоязненно пускались чрез широкие и опасные по сулоям и быстроте течения проливам. Нередко, во время тумана, или при неблагоприятном ветре, байдары уносило из вида земли. Блуждая в тумане по неделе и неведая, без компаса, пути к земле, курильцы не- раз терпели бедствия. При ясном небе они не отчаивались в спасении: по луне и звездам они могли верно определить направление своего пути и возвращались на свои пустынныя острова, чтобы опять пуститься на теже опасности. При изменившихся впоследствии обстоятельствах быта курильцов, большия байдары оставлены, а строились одне малыя в 4 –6 и много в 8 весел.

Для перехода зимой по своему острову, курильцы имели только лыжи; но потом ближние завели и ездовых собак, которых вывезли с Камчатки. Курильские собаки, особой породы, были до того малы и безсильны и употреблялись единственно для промысла птиц.

Собственныя орудия, костяные и каменные ножи и топоры, заменены железными; луки тоже брошены, когда прекратились междоусобия и войны с соседями; а вместо своих неудобных снарядов для промысла морских зверей курильцы стали употреблять винтовки.

С покорением первых двух островов, с курильцев стали брать ясак. Подать эта в начале не была распределена по степени способных к промыслам; но сборщики брали зверей, больше бобров, сколько могли собрать с наличных жителей, причем каждому заплатившему ясак давали квитанцию, а имя его вносили в окладную книгу. У каждого сборщика, ежегодно сменявшегося, прибавлялось число плательщиков потому, что в окладныя книги вносились новыя и неисключались из нея убылые. Подать от того вскоре сделалась обременительною и курильцы, сосредоточенные жительством на втором острове, под видом недостатка здесь для всех промыслов, стали удаляться на другие острова. Они жили там, где находили для себя выгоднее, неподчиняясь более ни какой власти и неопасаясь преследования потому, что в известные сроки они доставляли на 2 - й остров произвольные ясаки. Отдалившиеся со 2 – го о. держались в известном повиновении до того времени, пока от них оставался в Большерецке аманат[33]. С освобождением его, в 1752 году со 2 – го острова ушол целый род и увел с собою курильцов других родов. Сошлые, разселившись по разным дальним островам, особенно на 14, отказались от повиновения прежним их властям. Тогда наличные 2 – го острова поневоле должны были отбывать и за ушедших ясачную повинность и, как платеж обременял наличных ясачных, а недоимка росла постепенно, то местный власти стали принимать меры к возвращению сошлых на прежнее их местожительство. Меры не привели однакож к ожидаемой цели, а только озлобили сошлых и более отдалили.

По переписи 1766 г. Цея[33], народоноселение на 1, 2 и 14 островах, принадлежащих России, составляли 262 человека м. п. Из этого числа обложено им ясаками 121 чел., которые обязались вносить ежегодно 47 бобров, 31 кошлок и 43 красныя лисицы, но в 1831 г. за год до передачи в ведение Российско – американской компании, было жителей: на 1 – м о. 20, на 2 – м 50 и на 7 – м – 15. Впоследствии, как известно из отчетов компании, на 1 – м о. находилось компанейское селение и ни одного курильца, 2 и 14 пусты; на 18 также ни одного курильца, а бобров промышляли там партия алеутов, завезенных туда с дальних родных их островов. Природные жители, всего 97 чел. жили на 5 – м о. Куда же девались прочие их единоплеменники, узнаем далее.

Религиозныя понятия у курильцов были мало развиты. Да и потом, когда они были просвещены крещением, и уважали христианские обряды, была заметна у них наклонность к прежним суевериям. В начальном, естественном быту курильцы неимели понятия о существе высшем, а только объявляли, по преданиям, что в старину сходил к ним в тумане с неба кто-то и опять поднялся на небо. Курильцы обожали филина и имели множество болванчиков, которых содержали в большом почтении и приносили им жертвы, заключавшияся в шкуре перваго убитаго ими зверя. Болванчики, носившие название югут, составлялись довольно искуссно из тонкик стружек и держались в юртах. Во время разъездов по островам, вместо их

служили просто тонкия стружки, *ингул* или *иннаху,* имевшийся нарочно в большом количестве, чтобы бросать их в разъяренныя волны, особенно же в сулои, в жертву неведомым духам.

Курилыды вообще малодушны и в несчастии, подобно прочим инородцам, легко обрекали себя на насильственную смерть, исключая голодной, которую презирали от того может быть, что постоянно жили в недостатках.

В исполнении разных желаний безискусственной жизни, курильцов руководили шаманы и прореканиям их, младенческий народ верил безпрекословно, даже в то время, когда курильцы уже были просвещены крещением.

Курильцы первоначально крещены, в разное время, в Камчатке, жившие в так называемой Курильской земле по рекам Камбалиной, Кигидачевой, Голыгиной и Озерной и частию на \ – м острове. На 2 – м о. первые крещения в 1734 дворянином Новограбленым. Затем, на 1–2 островах многие крещены чинами Японской экспедиции, во время походов 1738– 1742 годов[32]. Религия не могла проникнуть далее ближайших к Камчатке островов. Трудность сообщения между островами, по отдаленности одного от другаго и опасным сулоям в проливах, была причиною упущения просвещения островитян на дальних населенных островах, случайно посещаемых русскими. К прибытию в Камчатку в 1745 г. духовной миссии архимандрита Иосафа Хотунцевскаго, число крещоных курильцев простиралось до 174 чел. Дар миропомазания над ними совершали Камчатские священники Ермолай Иванов и нарочно посланный в 1746 г. в Курилы, для узнания числа крещоных, Волков. В 1747 г. послан был туда от миссии Иеромонах Иоасаф, который в том же году окрестил на Лопатке 7 чел., и 8 на 1 – м острове, где он зимовал. В 1748 г. Иосаф перешел на 2 о. и окрестил там 12 чел., но далее он не решился ехать, не имея на то позволения. В 1749 г. им окрещены остальные курильцы на обоих островах.

Новокрещенные курильцы 1 и 2 островов, которых в это время было там 208 чел., требовали себе равнаго наставления в вере с новокрещоными камчадалами, для которых заведены были уже церкви и школы. В 1747 г. они обратились, чрез тоена 1 – го о. Сторожева, в миссию с требованием священника для утверждения их в новой вере и учителя для обучения детей их грамоте и письму. Архимандрит не дал им священника, по неимению свободнаго, и обязанность учителя поручил, 29 мая 1749, отставному казаку Шергину, изъявившему желание быть неотлучно при обучении курильских отроков. Шергин, состоя на службе, не раз бывал за ясаками в Курилах, а потому, как знакомый с обычаями и языком курильцов, мог быть пригоден и в деле просвещения новообращенных и в обучении грамоте малолетних. В таком смысле архимандрит составил нарочно наставление, которое и дал Шергину в руководство.

Шергин завел школу на 1 острове и начал преподавать в ней, по данному наставлению, правила христианской веры взрослым и учить детей. Но как, при исполнении богоугодного дела, он не пренебрегал и собственными житейскими выгодами, то, по жалобам курильцов и был сменен в 1752 г. казаком Бережным, который однакож оказался ленивее Шергина. В 1755 г. в учители назначен, по желанию самих курильцев, казак Рожнов.

По недостатку приличнаго помещения, школа вначале немогла идти так успешно, как желали того курильцы и стала процветать только с построением молитвенного дома, в котором она и помещалась (4). В школе, до закрытия ея в 1785 году, училось постоянно не менее 15 мальчиков с 1 и 2 островов. После Рожнова в наставники стали поступать выучившиеся в школе курильцы. Первым поступил в 1762 г. Причин, и от него уже потом звание учителя постоянно переходило к выучившимся грамоте курильцам.

Оба острова почти ежегодно посещали с Камчатки Авачинские и Большерецкие священники. Они охотно ходили на Курильские острова для исправления треб, но как тут у них конечно имелись в виду и свои выгоды, то обременительный для туземцев поездки их были причиною несогласий духовенства с местною светскою властью. Посещения священников не простирались од акож далее 14 острова и заслуги их не были важны и на посещаемых ими. Исполняя требы, они при случае приобщали новых овец словесному стаду. Так с 1752 г. на 2 о. окрещены священником Сивцовым 27 курильцов, прибывших сюда с дальних островов, а в 1756 г. свящ. Волковым 35 чел., живших на 5 и 7 островах. В 1766 г. окрещено 47 курильцов сошлых, из которых 5 м. и 8 ж. пола были уже раз крещены прежде, но за давностию не были найдены в росписях. Всех крещоных курильцов в 1800 году было 77 муж. и 87 жен. пола. Курильцы, принадлежавшие по духовному управлению Камчатскому благочинию, в 1830 отчислены к Атхинскому приходу. (Атха один из числа Алеутских островов Андреановской группы).

В первые годы настоящего столетия, с поступлением Курильских островов в ведение Российско–американской компании, только чиновники изредка посылавшиеся по разным

4. В 1756 г. на 1-м о. Шумшу построена купеческим прикащиком, Семеном Кузьминым Ломом, часовня св. Николая, по обещанию, за выгодный здесь в течении трех лет промысел бобров. Часовня оставалась и в настоящем столетии; образ св. Николая был е особенном уважении у промышленных Алеутских островов, проходивших обыкновенно вторым Курильским проливом.

поручениям и Большерецкие священники для исправления треб, посещали первые два острова, редко ходили за четвертый пролив и уже непростирались далее 14 острова, где было последнее жилище русских курильцов. После 1803 года, после смерти Авачинского священника Федора Верещагина, решившегося совершить такое далекое путешествие, прекратилось посещение с Камчатки 14 острова.

Первыя известия о Курильских островах относятся к тому времени, когда казаки только что проникли в Камчатку. Пятидесятник Володимир Атласов, явившийся с партиею казаков для покорения ея, прошол в 1697 году полуостров, с севера на юг, до р. Голыгиной и был уведомлен здесь от камчадалов, что далее Лопатки, или южной оконечности Камчатки, находятся острова, простирающиеся на юг грядою. Возвращаясь после этого похода в Якутск, Атласов взял с собою с Камчатки японца с разбитой на камчатском берегу бусы[33] и японския при нем письма, который, ознакомившись потом хоть несколько с русским языком, мог вернее ознакомить с Курильскими островами и сопредельною им Японию.

Укрепившись на р. Камчатке, казаки в 1703 году построили острог и на р. Большой и оттуда совершали походы для покорения южной долее противившейся части полуострова, так называемой *Курильской землицы.* Тут то они достоверно известились о существовании далее на юг, за *переливами, островов.* Прикащик Камчатский Василий Колесов, совершивший в 1706 г. из Большерецкого острога первый поход до самой Лопатки, убедился лично, что 1-й остров отделяется от нея нешироким, 7,5 итал. миль, проливом. Предположенное им изследование островов остановилось однакож потому, что в следующем, 1707 году Большерецкий острога был раззорен камчадалами, а находившиеся в нем казаки все побиты ими.

В 1711 году отложившиеся Большерецкие камчадалы были усмирены и острог вновь построен казаками, на некоторых лежало преступление убиения трех камчатских прикащиков. Чтобы более еще загладить вину, атаман Данило Анцыферов и есаул Иван Козыревский с своею партиею, в том же 1711 году 1-го августа, отправились на байдарах из р. Большой проведывать Курильские острова, о которых они получили новыя, довольно подробныя сведения от японцев с потерпевшей в 1710 году, на восточном берегу Камчатки, у Халигарской губы, крушение их бусы.

По донесению казаков, на 1–м острове они имели бой с курильцами камчадальского рода, защищавшимися храбро, и получили от них в добычу три карбаса, на которых и переехали на 2-й остров для приведения живших там в подданство. Но здесь туземцы, уже чистые курильцы, встретили казаков, на р. Яговилке, в таком множестве, что они нерешились вступить с ними в сражение; а на ласковое, мирное предложение – дать ясак – казаки получили от курильцов отказ под тем предлогом, что они все свои промысла променяли дальним курильцам.

Возвратившиеся в том же 1711 году с известием о покорении 1–го острова казаки доставили сведение о существовании целой гряды населенных островов; а в 1712 году прикащик Колесов узнал достоверно, из разсказов выброшенных в Камчатке японцов, и о существовании Японского государства. Они объяснили ему, далее гряды Курильских островов следует остров *Матмай,* а за ним большой остров *Нипон,* на котором государство Иезо, многолюдное, богатое золотом и серебром; а также довольно там меди; там делают камки, толковые материи; родится хлеб и всякой земной овощ и плод и табак; матмайцы и нипонцы имеют между собою торговыя сношения морем.

Основываясь на приведенных показаниях, Колесов предложил тому же Козыревскому, за смертию бывшего атамана Анцыферова, заслужить прежнюю вину его походом *–для проведания в море островов, новых землиц, всякого народа и Японского государства против Камчатского (южного) мыса за переливы.*

По наказу Колесова, Козыревский в 1713 году отправился из р. Большой на байдарах в Курилы, взяв с собою 2 пушки с необходимыми снарядами, 55 казаков и 11 камчадалов. По пути он приставал на Курильском мысу – Лопатка, для сбора ясаков с непокорных камчадалов и затем продолжал плавание далее. По прибытии на 2-й остров, Козыревский встретил там *народ самовластный.* Помня прежний суровый бой казаков на 1–м острове и зная чрез камчадалов, перебегавших в Курилы, о поступках их в Камчатке, курильцы решились отстаивать свою свободу и приготовились к обороне. Казаки имели с ними три боя; *курильцы были зело жестоки и наступали в куяках (5), имея сабли, копья и луки со стрелами.* Покорив 2-й остров, казаки несмели пуститься на поиски далее чрез обширный четвертый пролив, неимея ни компаса, ни парусов, ни путеводителя. Их пугало плавание в осеннее время, на утлых байдарах, около негостеприимных берегов, вообще затруднительное от быстрых, неправильных течений и сулоев и опасное по недостатку на многих островах пристаней, а также и жительства, чтобы пополнить скудные запасы провизии.

Возвратившись в Камчатку Козыревский представил прикащикам, Колесову и прибывшему на смену ему

5. *Куяк* – досчатый доспех из круглых либо четвероугольных металлических пластинок или блях. У монголов, до сих пор употребляется подобный доспех из железных блях, пришиваемых к коже или др. материи *(см. Описание стар, царск. утварей и пр.* П. Савваитова). *(Прим. ред.)*

Енисейскому, *погромное платье* – дабиное, толковое, – котораго казаки нашли довольно на 2 острове, японския сабли, 3 плашки (монеты) золота, 2-х аманатов со 2-го о., и одного дальняго курильца, по имени *Шатаной,* зашедшего на 2-й с о. Итурупа для торговли японскими вещами и попавшаго к казакам в числе *пленных.* Козыревский при этом доносил, что первые от Камчатки два острова приведены им в подданство, но за ними следует грядою еще много других и определяет последовательность в положении и названия их, основываясь на разсказах курильцов.

По описанию Козыревскаго: от южнаго конца Камчатки, Лопаткою называемаго, перегребают в кожаных байдарах 2–3 часа через пролив до 1-го *о. Шумшу*[34], обитаемаго курильцами; 2–ой о. *Парамушир* от перваго разстоянием около 4 верст. Жители делают холст из крапивы, который употребляют на платье, а чрез торговлю с живущими на дальних, т. е. южных островах, курильцами оне получают шолковыя и бумажныя материи, также котлы, сабли и левкашенную посуду[35]. За проливом, через который переезжают на байдарах с легким грузом, в тихую погоду до половины дня, следует 3-й остров *Мушю,* или *Аникутан.* На нем живут курильцы же и делают такой же холст из крапивы; сверх того промышляют бобров и лисиц; на нем, как и на двух первых соболи не водятся. Жители ходят для промыслов на некоторые острова в стороне лежащие; иногда же приезжают в Камчатку и, там закупив бобров, лисиц и другие товары, продают их жителям островов, находящихся далее к югу; многие знают камчадальский язык, коим говорят на р. Большой, потому что они с Большерецкими камчадалами ведут торговлю и женятся на них.

На западной стороне этих трех островов находятся нежилые острова – Сиринки, Кикумва и Сикурки; жители 1 и 2 островов, а также с Камчатки иногда переезжают туда для промыслов. От этих нежилых островов к полудню:

4–й *о. Арамакутан* не жилой же; на нем огнедышущая гора. Пролив между им и Муша, а также между им и 5–м *о. Сияскотаном,* разстоянием вполовину против пролива между 1 и 2 островами.

Сияскотан хотя и мало, но имеет жителей. Сюда с вышеупомянутых островов ездят с товарами, как на общее торжище.

Икарма малый, нежилой, от 5–го на запад.

Машауч, такой же малый, на ю.-з. от него и *Игакту* , малый же, ю.-в. от Сияскотана, все три не полагаются в числе островов, которые следуют далее к югу.

До 6–го о. *Шококи* от Сияскотана ездят на байдарах с грузом целый день, а отсюда до 7-го *Нотою,* разстояние вполовину.

За Мотою – 8–й о. *Шатово,* 9–й *Ушишир* и 10–й *Китуй* все малые, о которых и объявить нечего, кроме, что чрез проливы между ними и от Китуя до следующего острова, Шимусира, можно переезжать на легких байдарах, меньше полудня, а на тяжелых день, и больше и меньше. Между этими островами течение бывает весьма быстрое, а паче во время прилива и отлива морского, ибо тогда там вода поднимается очень высоко. На Китое растет камыш[36], который употребляется там на стрелы.

11–й о. *Шимусир,* жилой, от коего пролив до следующего, Итурупу, несколько шире прежних.

Чирпуй, по своему положению в стороне от пролива, между Шимусиром и Итурпу, неполагается в числе.

12–й *Итурп* велик и многолюден. Жители называются по курильски **кых-курилы,** а по японски езо[37]. Тогож народа люди обитают и на островах следующих далее; язык и житие их различны от жителей прежних островов. На Итурпу много лесов и диких зверей, особенно медведей, в разных местах есть реки, при устье коих находятся удобные места, где большие корабли в гавани могут стоять безопасно. О сем для того упомянуто, что на прежних островах мало лесов и для пристани больших кораблей никакой особенности не находится.

По небольшом проливе следует 13 о. Уруп. Жители на нем такие же какие и на Итурпу; они ткут холст из крапивы, а бумажные и толковые товары покупают на о. Кунашир и ими торгуют на 1 и 2 островах на бобров, лисиц и орловыя перья; уведомлено заподлинно, что они ни у кого не состоят в подданстве и то еще с большею вероятностию заключить можно о жителях Итурпу.

Опять следует небольшой пролив и за ним 14 *о. Кунашир.*

Жители весьма богаты и не разнятся от жителей прочих островов, но вольный ли они народ, или зависит от города Матмая, что на острове Матмай, неизвестно. Как они часто ездят на о. Матмай для купечества, так и жители Матмая к ним часто приезжают; многие камчадалы содержатся на Итурпу, Урупе, Кунашире, Матмае в плену.

15–й *о. Матмай,* последний в порядке, величиною превосходит все прочие и населен тем же народом *езо,* или *кых–курильцами.* Японцы построили на острове город *Матмай*[38] же, который стоит на юго – западном берегу и населен японцами. Туда ссылают людей в ссылку для защиты города и содержат гарнизон, который снабжен довольным числом пушек и другим оружием и всякими военными потребностями. Сверх того, на западном и восточном берегах разставлены крепкие караулы для наблюдения всего, что произойти может. Жители островныя торгуют с жителями городским привозимыми на о. Матмай товарами, состоящими в рыбе, китовом жире и звериных кожах.

За о. Матмаем не в дальнем разстоянии находится самая Япония или Нипон.

По словам пленного с о. Итурпа, – которыя переводил бывший в походе с Козыревским японец Сан, с погибшей в Камчатке бусы, – за Матмаем большой, на подобие материка о. Нипон многолюдный с несколькими городами. На южном конце о. Матмая город Матмай, откуда привозят на о. Кунашир японские товары – шолковыя материи, дабы, сабли, чугунные котлы и всякую левкашенную (лаковую) посуду и меняют их на бобров, лисиц, орловыя хвосты, на оперение стрел; жители Итурупа с полученными от японцев товарами отправляются по гряде на север, даже до Камчатки, для закупа лисиц, бобров и Орловых перьев. В дополнение разсказа итурупца, Сан добавил от себя, относительно границы между владениями дальних курильцов и Япониею, что первый город, принадлежащий Японскому государству есть Матмай на южном конце соименнаго острова, и уже за проливом следуют прочие японские города – Цинарь, Нанбу, Шенай, потом государство Иедо и далее города – Иши, Тману, Кинокуни; в них всякие товары и прочее, а жители называются нифодзини.

Имея не только положительное удостоверение о существовании Курильской гряды, но знавши о положении и числе островов, русские медленно подвигались в подчинении их, а дальние долго оставались без всякого изследования, хотя и то и другое крайне интересовало Россию. Известно, что в XVII столетии носилась по всей Европе молва о существовании острова, на восток от Японии, богатого серебром и золотом, Испанцы и голландцы с давняго времени искали его. В 1610 году был отправлен в Японию испанский корабль, из Акапулко, для завладения предполагаемым там островом; португальцы посылали туда нагрузить золотом два корабля, под начальством Тваста; в 1643 г. корабли *Кастрикум* и *Брескенс* капитана *Фриза*[46] и даже в 1787 г. капитан Л*аперуз* искали заветный остров и каждый на своем месте. В это время Япония была положительно известна европейцам только по 40 градусов, а севернее этой параллели показывали на существование каких то больших неопределенных земель. Так в журнале голландских мореплавателей 1643 г., который не был публикован и был куплен за огромную сумму нашим капитаном Берингом, без всякой определенности означены не что другое, как южные Курильские острова: Иесо (Матмай), Земля компании (Уруп), а между ими остров (Итуруп), земля де Гамы.

Вследствие ли носившихся слухов о сокровище, могущих открыться на одном из южных Курильских островов, или по другому какому побуждению, только в 1720 г. прибыли в Сибирь посланные для изследования Курильских островов навигаторы Иван Мих. Евреинов и Федор Фед. Лужин. Из Охотска они отправились в Камчатку на казенной лодии и через 10 дней пристали в устьи р. Ичи. Лодия, бывшая под управлением морехода Мошков, матроса Буша и кормщика Березина, осталась здесь зимовать, а навигаторы уехали на зиму в Нижнекамчатск и ознаменовали свое там пребывание ссорами с прикащиком Ив. Шестаковым. Весною 1721 г. лодия переведена в р. Большую и там изготовлена Мошковым для дальняго плавания.

В инструкции навигаторам, 2 января 1719 г.[48], сказано: «ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, *куда указано,* описать тамошния места, сошлась ли Америка с Азиею, что подлежит тщательно сделать нетолько зюйд и норд, но и ост и вест и все на карту поставить». Какия то важныя причины заставляли императора держать в секрете данное навигаторам поручение – изследования Курильских островов, так как данная им открытая инструкция нисколько их к тому не обязывала.

С теми же охотскими мореходами и достаточною командою, 22 мая 1721 г. мореходы отправились на лодии из р. Большой для проведывания островов, кои подлегли к Японскому государству и лежат от Камчатского пролива под летом и шелоником[47] (S и SW) и для привода в подданство живущих на них. Следуя под парусом вдоль Камчатского берега, а потом вдоль Курильской гряды, мореходы дошли до 6 – го острова. Тут погодою изорвало парус и потому бросили якорь и держались на нем двое суток; но на третьи сутки канат лопнул и лодию понесло в море. На ненадежном судне, лишившимся паруса и единственнаго якоря, отважные плаватели носились в море целую неделю; переменившимся ветром случайно прибило лодию ко второму острову в такое время, когда команда находилась в совершенном изнеможении от недостатка провизии и воды, которыя истощились уже во время пути до острова, у котораго стояли на якоре (6). За потерею наличнаго и неимением запасных якорей, вместо их брошены пушка и наковальня и затем команда съехала на берег. Запасшись там провизиею и водою, люди возвратились на лодию; когда начали поднимать изобретенный нуждою якорь, чтобы следовать в Болынерецке, канат опять порвался и последняя их надежда осталась в море. Лодия ушла от 2 – го о. без якорей, а снасти были изорваны и до того гнилы, что без замены их новыми казалось не было возможности совершить короткий переход до Камчатки. К счастию странников ветер благоприятствовал их плаванию, лодия была довольно

6. Каждый для себя запасал па поход съестные припасы, которые не могли быть изобильны и надежны; хлеба, главнаго насущнаго пропитания, по дороговизне его в Камчатке и бедности моряков-казаков, не было; обыкновенную же их провизию составляла юкола, которая к весне и не у всех могла быть в запасе; при том же юколу, или свежую рыбу смелые аргонавты надеялись найдти на каждом населенном острове, а потому нисколько не будет удивительно, что они пустились в море на авось.

ходкая и они скоро подошли к р. Большой, а затем благополучно привели свое судно, в конце июня, в гавань. Но отсюда предстояло совершить переход через море в Охотск для отвоза навигаторов и для приведения в порядок лодии потому, что в Большерцке не было в запасе никаких судовых материалов. В такой крайности Мошков сделал два деревянныя якоря, оковал их сковородами и 12 июля пустился на лодии в Охотск.

Из Охотска навигаторы отправились в Россию с подтверждением известия о существовании гряды островов между Камчаткою и Японским государством, которые они положили на карту. В Казани навигаторы встретили императора и удостоились от него, за совершенный поход, лестного отзыва.

Кондратий Мошков, по отъезде навигаторов, обратился (172! окт. 25) к Якутскому воеводе, лейб-гвардии капитан-порутчику Измайлову, с прошением о дозволении ему вновь отправиться для проведывания Курильских островов, на которые он *ходил так безполезно с навигаторами* и для призыва в подданство живущих на них свободных народов; а также идти для обследования Карагинского острова, на полночь от р. Камчатки, на котором инородцы тоже несостоят ни в чьем подданстве. По предложению Мошкова, суда для похода удобнее было строить по р. Камчатке потому, что по ней растет превосходный для того лиственничный лес, обширность реки представляет все выгоды для входа и выхода судов, а Нижнекамчатский острог удобнейший пункт для настоящих предприятий потому, что лежит на средине между Карагинским островом, который от него на север и Курильскими островами на юг; для вернаго успеха в предприятии необходимо большое число, до 200 чел., команды на полном довольствии от казны потому, что все экспедиции, посылаемыя с 1714 г. к разным местам, особенно же на реки, впадающия **в** Северное море, не имели успеха единственно за малолюдством. Приэтом Мошков просил отпустить с ним, в товарищи и за командира, драгуна Ив. Кускова, который был с ним **в** последнем походе и к морскому управлению обыкновенен, да в мореходы товарищей его Ив. Бутина и Никифора Треску и для строения судов дать ему двух плотников. О потребных для снаряжения экспедиции вещах, материалах, снарядах, железе, парусах и снастях, Мошков обещал представить ведомости по получении разрешения на свое прошение.

Ходатайство воеводы, принявшего участие в предложении Мошкова, осталось без последствий. По вывозе в Москву к ответу Сибирскаго губернатора, князя Гагарина, все организованныя в это время предприятия приостановлены.

Остановленное таким образом дело об изследовании Курильских островов поднял вновь в 1724 г. монах Игнатий, бывший казак Иван Козыревский. Строго следуемый в Якутском монастыре по разным винам, он напрасно искал случая пробраться в Москву, где надеялся оправдаться в взводимых на него преступлениях, или загладить их прежними своими заслугами и предположением новых, и именно открытия неведомых еще земель. Нестерпимыя истязания от архимандрита Феофана, сделавшегося из покровителя личным врагом Козыревского, переполнили чашу терпения и он бежал из монастыря. Явившись в воеводскую канцелярию, Козыревский объявил, что он знает о Нипонском государстве; но что только в Москве, в коллегии, высшим судиям он может открыть каким путем, через какие острова и самовластные народы надо идти для проведения к городу Матмаю и до Нипонскаго государства, в какое время выдти в море и на каких судах, какие для того нужны жизненные припасы и военные снаряды, сколько потребно военных людей и проч. До решения его предложения, Козыревский был задержан в канцелярии, несмотря на грозныя требования архимандрита о возврате беглеца, нанесшего, хождением по городу светским званием, новое поругание монашескому сану. В Тобольске предложение Козыревскаго передано на разсмотрение капитану Берингу, отпрвлявшемуся для совершения первой Камчатской экспедиции. В бытность в Якутске, Беринг подробно опросил Козыревскаго о его предложении и решил тем, что выполнение такого предприятия несовместно с данным ему назначением – определить разделяется ли Азия от Америки проливом. Козыревский пожелал тогда поступить в штат Камчатской экспедиции, но и тут получил отказ.

Когда в 1727 г. состоялась обширная экспедиция головы Шестакова для описания уже известных стран и для новых изысканий на северо-востоке Сибири, то Курильский отдел поручен им был дворянину Василию Шестакову. В 1730 г. он с 26 товарищами прибыл на судне «Фортуна», мореход Бутин, на 2-й остров и склонил здесь в подданство всех остальных курильцев, которые ранее не были объясачены и в обезпечение их верности впредь взял от них аманата, который в том же году умер в Большерецке.

Ясачные сборщики, ездившие с Камчатки в Курилы, ограничивались первыми двумя островами и неделали попыток к осмотру и покорению дальнейших; а потому со стороны местной власти не было доставляемо никаких сведений о состоянии прочих островов, составляющих Курильскую гряду и о выгодах обладания ими. Капитан Беринг, возвратившись в Петербург по окончании Камчатской экспедици, первый в 1730 г. заговорил о выгодах обладания Курильскими островами для установления торговых сношений с Япониею. При начавшейся

второй Камчатской экспедиции, изследование Курильских островов и Японии, по предложению Беринга, поручено капитану Шпанбергу. В 1738 г. он проходил от Камчатки, вдоль Курильской гряды, до 45 градусов (о. Уруп); в 1739 г. Шпанберг и капитан Вальтон коснулись Японии и имели сношения с жителями. По поручению адмиралтейств коллеги, сомневавшейся – доходил ли действительно Шпанберг до Японии, – он совершил в 1741 г. новый туда поход.

Японская экспедиция Шпанберга вообще неимела успеха и вся заслуга его состояла в составлении карты Курильских островов, которых он принимал числом 31. Из журналов экспедиции нельзя было извлечь сведений ни о жителях, ни о удобствах и неудобствах проходов в проливах, глубине, грунте. И после дорогой Японской экспедиции, изследование Курильской гряды оставалось тою же только что начатою задачею. А потому в инструкциях сборщикам неисключалась заветная фраза – проведывать острова и землицы, узнавать нравы и обхождение жителей, осматривать гавани и замечать где какие звери. С такими наставлениями ежегодно посылались из Болынерецка нарочные за сбором ясака с курильцов; но как они неходили далее первых островов, то со времени Козыревскаго и неприбавилось сведений о состоянии Курильской гряды.

В 1731 г. июля 22 соствлена в Сибирском приказе особая инструкция сборщикам на Курильских островах, которою они обязывались – староплатежных и вновь объясаченных казаком Шергиным и дворянином Шестаковым, на четырех островах, всех переписать и вновь обложить каждаго по бобру, которых там больше ловится и кроме того стараться приводить в подданство неясачных и на других островах. Хотя из Большерецка посылались ежегодно нарочные за сбором ясака с курильцев, но они неходили далее ближних островов. Конечно сборщики, *простые* казаки, неимели для такого дела ни необходимых познаний, ни даже средств; при всем том, некоторые из них неоставляли без внимания встречавшихся им особенностей. Так в 1744 г. сборшик якутский дворянин Матвей Новограбленый доставил сведение, полученное на о. Маканруши от курильца *Камуарюпе,* возвратившегося с о. Симусира, что живущий на о. Кунашире, на мысе обращенном к о. Матмаю, знатный японец с Матмая желает, чтобы русские привозили свои товары прямо на Кунашир, а не дозволяли бы ближним курильцам торговать ими по мелочам. Затем Новограбленый на запрос Большерецкой канцелярии объяснял, что ходить для того по островам безопаснее с вольными курильцами небольшим судном; на нем можно иметь достаточно и провизии и товаров, на байдарах же мешковато – за туманами и сильными ветрами простои месяца по два. Новограбленый представил и карту своего рукоделия, на которой он поставил – *где жители, или звери какие.* Предложение это представлено на усмотрение Сибирского губернатора. В 1745 г. сборшик Слободчиков и тоен 1-го о. Сторожев, возвращаясь с 9 – го о. Чиримкотана, нашли 25 **июля** на 5 о. Оннекотане, **в** губе Укамор, японца *Юсончея* (7), который, указав на своей карте Матмай, Самур, Тараб, Туникур и Нагасаки, объяснил: на Матмае владелец (Хамуйтоно) называется Пинга, палаты у него каменныя, крытыя медью; камки и фанзы матмайцы получают с Самура; на Самуре, где Хамуйтоно по имени Тоим-Чунчин, есть фабрики камок и бархатов и добывается золото и серебро; земли Тараб и Туникур на полдень от Матмая и оттуда приходят на Самур судами для торговли рухлядью[42]; земли Нагасаки, с восточной стороны, имеют 10 городов и в каждом особый владелец и войско. – Юсончей бывал **в** Аткисе[43] и на о. Кунашире, отделенном от него небольшим проливом; на Аткисе живут курильцы и есть гавань, куда приходят с Матмая большия суда для вымена бобров и орловых перьев.

Поводом к знакомству с дальними островами послужило новое важное обстоятельство, непредусмотренное в свое время администрацию и окончившееся дурными последствиями. Дворянин Новограбленый первый получил в 1734 г. новую инструкцию Сибирскаго приказа 1731 года и привел в подданство, согласно ея указаний, курильцев на 5, 6, 7, 8 и 9 островах. Но в сущности это были жители 2 о. и многие из них уже были обложены ясаком на первоначальном месте их жительства. Первые четыре острова, находившиеся в подданстве, отделялись от прочих широким, в 40 миль, проливом, чрез который без нужды нерешались пускаться казаки, ни даже сами курильцы на своих утлых байдарах и потому главную массу ясачных составляли жители перваго и в особенности второго островов; третий и четвертый острова пустые и посещались только временно курильцами первых двух островов. Многолюднее был второй остров населенный чистыми курильцами, зашедшими сюда с 5 и даже с дальних островов, откуда изгнали их притеснения сильнейших их соседей. Но как

7. Юсанчей шел на большом судне с Матмая на Самур с товарами. Во время похода сломалась мачта и судно понесло в море. Японцы носились по нем неведомо два года; провизии у них было достаточно, но водою довольствовались дождевою и снежною. Когда потом принесло их судно к 5 острову, они бросили все бывшие на нем товары в жертву морю, чтобы только живыми выдти на берег. Оставив судно, все они перешли на карбас и пошли на нем вдоль берега отыскивать жителей. Через два дня их совершенно изнуренных выбросило на берег, где 7 чел. умерли от голода и утомления; с остальными десятью отводились нашедшие их казаки и курильцы – поили маслом и жиром, кормили мясом, водили под руки.

один 2-й остров немог удовлетворять нуждам целаго народонаселения, то курильцы расходились за добычею кормов и для промыслов по разным островам до 7 и далее. Сборщики, проникавшие за четвертый пролив, стали вписывать их в окладныя книги под именем новых плательщиков и, как каждый сборщик старался прибавлять число их, когда между тем они были уже записаны на втором острове, то вскоре приходилось одному курильцу платить по несколько ясаков за себя и за отсутствующих, при усвоенном сборщиками правиле – несправляясь, взыскивать весь ясак с одних наличных. Курильцы, обложенные по бобру с промышленника, не считая для себя такой оклад тягостным и в первое время платили ясаки исправно и без принуждения, пока не стали требовать с них с каждаго по несколько бобров, за мнимых плательщиков. Тягостная уже сама по себе ясачная повинность и кроме того своеволие и грабежи, под видом взыскания собственных долгов, приезжавших за сбором ясаков, стали стеснительны для курильцов и были причиною, что эта горсть людей, для которых до того не существовали слова – подчиненность, закон, наказание –стали избегать сборщиков и вместе своих кредиторов. Отдаляясь со 2–го **о.** под предлогом производства промыслов, на другие острова, до 7–9–го через год, или два они возвращались для уплаты ясаков, или пересылали их с родниками; но наконец некоторые ушли далее и несколько лет невозвращались сами и перестали заботиться о сдаче ясаков. Приостановить удаление курильцев не было возможности потому, что и с них после В. Шестакова не стали брать аманатов, так как курильцы платили безпрекословно ясаки и кроме того были постоянно спокойны.

Совершенное удаление со 2–го **о.** многих курильцов не обещало ничего хорошаго и потому, когда в 1747 г. прибыл с 7–го о. на 2-й с ясакми курилец Якруп, бывший долго в отсутствии со всем своим родом, то у него взяли обманом сына в аманаты; а самого его назначили помошником тоена, в надежде удержать его на его природном острове. Якруп остался и постоянною его заботою было добиться освобождения сына. Когда наконец на четвертый год 20 бобров доставили свободу сыну, Якруп из опасения окончательного раззорения от своих тоенов, сборщиков и вообще приезжих с Камчатки, в 1752 г. ушел на дальние острова с своим родом и увел с собою и часть других курильцов 2–го острова. Уведенные Якрупом курильцы, разеелившись по разным дальним островам, уже не думали о возврате назад и оставались там под именем сошлых.

По невозможности преследования, сошлые оставались на свободе. В бродячей жизни по пустынным островам, без начальников и чуждых сношений с русскими, они одичали, сделались зверинаго нрава, содержали по несколько жен и наложниц, помещая гаремы даже сестер родных, когда ранее, как крещоные, имели только жен законных. Разеелившись по разным, когда-то природным их островам, сошлые ходили на 16 о. Симусир“ и вели там мену с мохнатыми курильцами. На орловые хвосты и бобров они выменивали у мохнатых азямы, сабли, лаковыя чаши, чугунную посуду, ножи, топоры и листовой табак. Таким оборотом сошлые получали, чрез мохнатых, **в** избытке и выгодно японские товары, которых они на 2–м острове или неимели, или доставляли от русских в малом количестве и по дорогой цене. С товарами сошлые возвращались с Симусира на 14, 10, 7 и даже доходили до 5–го, останавливаясь там, где находили более удобств к жизни и выгод торговать. С вымененными у сошлых бобрами и орловыми перьями мохнатые уходили с Симусира на Итуруп, многолюдный остров, на котором постоянно жил товарищ Симусирскаго тоена, заведывавший меною с японцами. Вымененные у японцев товары он отдавал симусирцам, для торговли ими по северным островам, а сам с привезенными с Симусира бобрами и перьями уходил через два пролива, один верст 20 до о. Кунашира, а другой за ним 35 верст, на о. И–оцам“, подобной матерой земле. На И–оцаме (в заливе на о. Матмай) жили свободные курильцы, которые вели торг с японцами, приходившими сюда ежегодно на своих бусах – одна с товарами, а две за лесом.

Из разсказов японцев, попадавших в Камчатку и возвращавшихся сошлых, имевших торговыя сношения с мохнатыми, известно было положительно о дальнейших к югу населенных и никому неподвластных островах; но местное начальство не могло действовать энергически на покорение их, будучи занято нескончаемыми заботами о возвращении сошлых, на которых росла ясачная доимка.

Заведывавший обоими первыми островами и живший на первом, тоен Николай Сторожев, на постоянство котораго можно было положиться, с разрешения Большерецкой канцелярии в 1750 г. совершил поездку на Дальние острова для возвращения сошлых и призыва мохнатых в подданство. На Самусире застал он и тех и других. Несколько человек мохнатых представили в ясак зверей, а сошлые согласились возвратиться на второй. Но проводив тоена до 10–го о. сошлые отказались следовать далее, укоряли Сторожева за прежние строгие с ним его поступки и обман и наконец до того озлобились, что чуть не убили его. О мохнатых породою, Сторожев, по возврате, объявил, что они склонны к дружеству и если будет употреблено хорошее средство, то легко их привести в подданство.

Пока находился в Б[ольшерецке] аманат, сошлые, разъезжавшие за промыслами по островам, возвращались на 2-й о. для уплаты ясаков, хотя ясаки и невсегда сдавались ими

без доимки; но когда, в 1752 г., по освобождении аманата, ушло вдруг со 2–го о. 36 ясачных курильцов, сошлые перестали вовсе являться на прежнее место и от того явилась значительная недоимка в ясаке. Тоену Сторожеву, по изъявленному им желанию, дозволено опять отправиться собирать по островам сошлых и возвратить на 2-й о. Вместе с тем, во избежание затруднений, какия встречали сборщики в отыскании по островам ясачных, а более по желанию самих курильцов отвратить нахальство сборщиков, предоставлено тоену самому собирать ясаки на Курильских островах. Таким образом с 1753 года не стали уже более посылаться нарочные сборщики в Курилы.

Сторожев уволен в Курилы с тем, чтобы для пользы государственной он следовал до желаемых островов, до каких возможность допустит – привесть в познание Российской империи, а потом и в подданство тамошняго народа. Сторожев, совершивший поездку на дальние острова, для уговора тамошних жителей, называемых мохнатыми курильцами, первый подробнее знакомит с ними в представленном им в 1755 г. в Большерецкую канцелярию донесении: на 16–м (14–й) о. курильцов 25, природою весьма мохнаты; губы, руки и ноги, для красы, черною краскою расписывают; платье у них японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необходны; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача непонять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловыя покупают весьма дорого; владелец их (тоен), которому они оказывают честь и покорство, живет на 21–м острове; 10 человек из них уговорены в ясачный платеж; с 16 на 17 (14–15) остров, пустой, 15 верст; с 17 на 18 (15–16), Симусир, пролив 20 верст; жители, 40 чел., обходительны и благосклонны; тоен, родственник живущаго на 21–м острове подарил ему саблю с ножнами, оправленными медью с серебрянною насечкою, что у мохнатых означает великую честь и дарится в знак вечной дружбы; по платью видно, что торгуют с Япониею, но подвластны ли ей, не было разговора. Сторожев одарив *тоена* палаткою и уговаривал его принять подданство России. На это тоен, по наговору одного сошлаго, отвечал: *«еслибы русские не брали аманатов, то можно бы было иметь с ними дружбу; детей и родственников хоть и не жаль; но надобно больше дружбы, нежели аманатов, ибо а наш владелец держит подчиненных в великом озлоблении и тяжком житии; тоже разумеем о русских и аманатах».* Не смотря на то Сторожев уверял, что еслибы для уговора в подданство России мохнатых назначить людей достойных, с наставлением как вести дело и подарками для курильцев, то легко с ними подружиться и привести в подданство, но только бы они уверены были, что от них не будут брать аманатов; что для подарков им нужны табак, бобры; а паче они склонны к провианту и русским товарам; орловые ж хвосты за великое считают.

Попытка тоена Сторожева возвратить сошлых неудалась. Тоен Чикин, заступивший место умершаго Сторожева, чистый курилец, происходивший от мохнатых, тоже не мог возвратить сошлых, опасаясь угроз, испытанных Сторожевым, от народа, недавно еще миролюбиваго, но уже одичавшаго, для котораго, убийства были не новость. Так в 1754 г. они убили японцов с выбрашеннаго зимою на 12-й о. их судна, а пожитки их ограбили. Не опасаясь более угрозы от преследования, сошлые отказались от повиновения своему тоену, хотя при всем этом они помнили и подданство и ясачную повинность, как увидим далее.

В 1755 году дано позволение якутскому посадскому Семену Новикову отправиться на Курильские острова для разведки драгоценных камней. Достигнув 10–го о., он остался на нем, а далее отправил сына своего Егора, который доходил до 16–го о. и свободно собрал ясаки с найденных им там сошлых. В обратном следовании, на о. Онекотан явился к С. Никонову[4] Якруп, сошедший в 1752 г. с родом со 2–го о. и добровольно заплатил ясаки, обещаясь и впредь платить их ежегодно, только бы не принуждали его к-раззорительному переселению на 2-й о. и тем избавили его от неизбежных там притеснений. Якруп знал ранее Никонова, считал его добрым человеком, *какого небывало, ни от сборщиков, ни от прочих русских,* а потому свободно шел для свидания с ним. Несмотря на призыв Новикова, Якруп не пожелал возвратиться на 2-й о. В 1761 г. отпущен был Егор Новиков на 5–й о. для возвращения оттуда сошлых 30 человек; но и в этот раз они отказались, предпочитая остаться на свободе. Под предлогом возвращения сошлых, Новикову удалось удовлетворить собственным своим торговым выгодам, которыя и были главною целью его поездки потому, что частным лицам было строго запрещено посещать курильцов и выменивать у них бобров.

Попытки тоена Сторожева в заведении сношений с мохнатыми, обещали возможность подчинения России Курильских островов до самого Матмая и завести выгодныя связи с Япониею. Но для того необходимо было произвести положительный исследования о Курильских островах и живущих на них потому, что сведения собранныя от спасенных после крушения японцев были отрывочны, неполны, а изыскания сборщиков и других лиц далеко неудовлетворительны; да и самая японская экспедиция несовершила ничего положительного, хотя Шпанберг несколько раз проходил через Курильскую гряду и доходил до Японии – касался Матмая и Нипона.

Сибирский губернатор Соймонов, получил разныя темныя показания о Курильских островах и сопредельной им Японии и

ненаходя ничего положительнаго в перечитанных им нарочно журналах Японской экспедиции, в 1761 году представил в сенат о необходимости, во избежание расходов на новыя экспедиции, дозволения промышленным ходить на Курильские острова до последняго и разведать об островах, лежащих близ *Фигурных* – Цитроннаго, Зеленаго и Трех сестер (о. Чикотан и южная сторона Итурупа) – ибо близ них Матмай, свободный, на котором Вальтон был принят ласково жителями. В тоже время Соймонов поручил назначенному главным командиром Анадырьскаго, Охотскаго и Камчатских острогов, подполковнику Пленеснеру, узнать в Камчатке подробнее о южных Курильских островах.

В инструкции, данной Соймоновым Пленеснеру, 20 февраля 1761 г., относительно Курильских островов сказано: «Пункт 8, не без удивления, а притом и не без сожаления усмотрено о Курильских островах, которые по близости южнаго Камчатскаго мыса, Лопаткою называемаго, к югу, или между юга и запада простираются и, по достоверным известиям числом около 20, а не больше с оных, как с трех, или четырех ясак собирается, а с прочих по каким-то обстоятельствам несбирается; а в проезде с одного на другой никакой невозможности и трудности непредвидится потому, как от Камчатскаго мыса на 1 – й остров в лодках переезжают меньше половины дня, так по близости одного острова до другого, тот же способ быть может. А хотя в бывшую Кумчатскую экспедицию капитан Шпанберг и неоднократно сквозь все те острова проходил, однако из содержанных им журналов ни о народе на оных островах живущем, неудобностях в проходе между ими, ни о удобствах, о глубинах и грунтах ничего необъявлено и хотя о том, чтобы без казенных убытков позволено было ходить вольным промышленникам на те острова до последняго, а притом разведать же и о близ лежащих при оных Фигурных островах и под именем Цитроннаго, Зеленаго и Трех сестер, представлено в сенат, но еще на то указа неполучено; а в том такая нужнейшая надобность признается, чтобы проведать обстоятельнее прежняго к Фигурным островам по самой близости лежащий остров под именем Матмай, который к Японскому государству непринадлежит и на котором, как по журналу явствует, поручик Вальтон был и ласково от жителей принят. А понеже, как выше сказано, что о том в сенат донесено, то до получения указа и предприятия мне на то учинить невозможно; однакож что к известию предбудущаго предприятия следует, то в бытность вашу на Камчатке разведать и примечание учинить следующее:

п. 9). Справясь по канцелярии, с каких осторвов ясак собирается, каким и по сколько зверем, и для сбора по сколько человек посылается и по бытности бывших там разведать же о многолюдстве по тем островам, и какие промысла жители имеют, и с какою охотою ясак платят и что они слыхали о прочих островах.

п. 10). О занятии всех островов, или приведении их в подданство имелись ли указы и какия по ним исполнения, или посылки на те острова прежде сего были ль; а притом послать на Лопатке и взять к себе тамошняго знатного тоена (Бутина), о коем мне небызызвестно, что в 1759 году, для представлений ли каких, или единственно по своим нуждам, приезжал в Иркутск и, как слышно, без всякого удовольствия и с прискорбностию о убытках в проезде домой возвратился и когда он к вам прибудет, принять его с надлежащею ласкою, а в нуждах.обнадежить его высоч. милостию и тем нуждам взять от него записку. Притом разведывать, чрез его же, о всех Курильских островах, и жителях, и промыслах их и каким бы способом всех привести в подданство, понеже в том пути, т. е. в проезде всех островов никакой неудобности непризнается потому, что уже действительно на первые острова с Камчатки лодками переезжают, потому и на прочие острова, по близкому из разстоянию, на каких же лодках ехать возможно и страха никакого непредвидится потому, что жители с одного острова на другой нестолько в деревянных лодках, но и в кожаных байдарах свободно переезжают;

п. 11). А понеже для принятого намерения о осмотре и увольнении промышленных сенату донесено и притом, что до осмотра и приведения в подданство всех Курильских островов, без посылки некоторой команды быть невозможно; и для того, с получения указа, писано от меня в Большерецкую канцелярию о приготовлении из березового леса досок и кокор, называемых тугунов и о хранении их до указа под кровлею; о том и вам чрез сие подтверждается. В бытность вашу в Большерецком остроге осмотреть – исполнение в том учинено-ль, – а буди неучинено, тоб исполнить приказать; а заготовка тех березовых досок хотя и полезна потому, что прежде (во 2 –ю камчатскую экспедицию) и немалое судно из березоваго леса сделано было, однако за лучшее признавается, если вблизости сыскаться может лиственничный, то вместо березоваго из того те доски приготовить и вытесать так только, как на лодки потребно, или малым чем потолще, дабы из оных нетолько лодки, но и малыя скамповейки, или чайки[47] делать можно, кой покласть под кровлею и беречь до надлежащаго времени.

п. 12). А что тот тоен вам о интересных ли делах, или о своих народных нуждах, за чем он ездил в Иркутск, объявит, то все присылать ко мне; а между тем что из того в удовольствие его, или обще их народа, возможно будет, в том его удовольствовать по вашему разсмотрению, обнадежив притом, что и впредь во

всяких его нуждах, а паче в защищении от обид, всякое справедливое им удовольствие чинено быть имеет.

Когда Плениснер в 1764 г. прибыл в Какмчатку, тоен Камболиной реки, у Лопатки, Яков Бутин, вызвался исполнить его предложение – привесть в подданство жителей Курильских островов. Неоказавший еще никакой заслуги Бутин был пожалован Плениснером в сибирские дворяне, с жалованьем против якутских дворян, по 8 р. 81 к. в год, кроме провианта, к которому непривычен. Ему подчинены, как главному тоену, все Курильские острова, а два сына его назначены тоенами на 5 и 7 острова.

В 1765 г. Плениснер отправился в Охотск, предоставив выполнение поручения Соймонова Камчатскому командиру капитан-лейтенанту Извекову. Последний мало возлагал надежды на Бутина, но должен был подчиниться воле старшего. В 1765 г. Бутин прибыл на 2-й остров и, взяв с собою для толмачества здешняго тоена Чикина-Новограбленаго, знавшаго язык мохнатых, продолжал путь до 7-го о. Оттуда он возвратился 3 октября, без успеха, в Большерецк, где вскоре умер. Он не сделал даже описи пройденным им островам, для чего нарочно дан был ему пищик, отказался в доимке ясаков по своему острожку и даже не заплатил за себя. Природный камчадал, незнакомый с обрядами и обычаями курильцов, незнавший их языки, Бутин хотел выслужиться посредством тоена Чикина, происходившаго от мохнатых.

По смерти Бутина, Извеков охотно согласился на предложение тоена 2-го о. Никиты Чикина-Новограбленаго, следовать на дальние острова для возврата сошлых, 41 чел. кроме женщин и детей, а вместе с тем и для уговора мохнатых в подданство, в чем он несомневался потому, что в 1763 году ему прислал князец 23-го о. *тумакамей* (сабля), как обязательство неизменной дружбы. Чикин просил отпустить с ним в помощь – сотника Ивана Чернаго для совершеннаго призыва, по русскому обряду, тамошних народов, тоена 1-го о. Петра Чупрова, котораго желал видеть князец 23-го о., получивший от него какую-то услугу в бытность его там с покойным Сторожевым, курильца Причина, знавшаго и русскую грамоту и русские порядки и в гребцы камчадалов Авачинских, Озерных и 1-го острова, охотников, человек до 20, или более по пропорции байдар, которых Чикин намерен был иметь не менее четырех.

В 1766 г. генваря 25-го, Большерецкая канцелярия составила для руководства тоену Чикину инструкцию:

1). По изготовлении, не отлагая, идти на 2-й о. и в способное время на дальние Курильские острова, до которых Бог допустит, к мохнатым по крайнем мере на двух или трех байдарах с вольножелающими; а для замечания всех подробностей о тамошних народах, обращении их и прочем назначаются трое из служащих;

2). Во время следования по островам, стараться секретно, чрез разговоры, узнавать о числе островов и живущих на них, оружии их, имеют ли начальников, живут в довольстве ли, у кого в подданстве и какую дань платят, имеют ли с кем торговлю; стараться уговаривать в подданство, не оказывая притом нетолько делом, но и знаком грубых поступков и озлобления, но привет и ласку, чтобы от подданства не отвадить; каковые явятся склонны, тех обнадеживать высочайшею милостию, просить аманатов, или хотя охотников для приезда в Большерецк на короткое время, который с награждением отпущен будет обратно; а если охотников не будет, а аманатов недадут, то к тому непринуждать;

3). Сошедших со 2-го о. 40, а с детьми и женами 63 чел., приласкав и объявив, что неподвергнутся штрафу за уход, возвратить на 2-й о., а буди пристойно и есть звери, поселить и на 3-й (Онискотан}, определив над ними добраго и вернаго человека, чтобы они неотлучались без ведома его и неуходили;

4). С пришедших в подданство брать ясаки зверем, или вещами, а излишняго невымогать; а для подарков им закупить здесь потребные товары на их руку;

5). Если случится быть на 16-м о., то стараться обратить в исак по прежнему приведенных Сторожевым 10-ть чел., а прочих склонить; а переведенных со 2-го о. тоеном Бутиным на 5 и 7 взять опять в свое ведение;

6). Если где найдутся занесенные на судне, или другим случаем японцы, или иные незнакомые люди, то, ни мало неозлобляя, привезти в Большерецк; кроме того не будет ли где приезжих для торга, то обходиться с ними ласково и учтиво наведываться изподручно;

7). Для стрельбы птиц и зверей на пропитание выдать Чикину безденежно из казны пороху 2,5 ф. и свинца 4 ф., ибо он туда отправляется не для своей, а для государственной нужды, без казенного расхода.

Затем 22 мая 1766 г. в Большерцкой канцелярии определено: вразсуждении чаемой государственной пользы и сведения о всех тамошних обстоятельствах и для привода в подданство дальних, мохнатых курильцев послать, по желанию и прозьбе тоена Чикина, сотника Ивана Чернаго и с ним, для предусмотрения тамошних порядков и чтобы от него, при случае, каких непорядков произойти немогло, из казаков Ивана Секерина, пищика Семена Володнмирова, все трое приняли присягу в верности и подписались под указами о нелихоимстве, а о поступании в исполнение дана им следующая инструкция:

1). По прибытии на 2-й о., инструкцию прочитать тоену Чикину и истолковать, чтобы незабвенно он держал в памяти ея содержание;

2). Чтобы он приложил старание о взносе ясаков за свой остров;

3). По сдаче им ясаков, не мешкав нисколько, следовать на изготовленных тоеном байдарах на дальние острова, докуда время и случай допустит и по выступлении во всем вам поступать по сим прописаннаго, даннаго ему и вам указа; а одному сотнику без согласия казаков и прочих невходить, чтобы чрез такой общий консилиум всегда добрый порядок происходил и тамошние народы ваше согласие видеть могли;

4). При следовании на дальние острова и обратно, приставать к ним с острожностию и описывать, начиная с третьяго, величину их, ширину проливов, какие на островах звери, тож реки, озера и рыба в них; по сыске где сошлых, принимать их с ласкою, с обнадеживанием, что их вина прощена будет, коих и разселить на второй и третий (5–й) острова где для промысла ясаков и на пищу зверя доволно;

5). В бытность на дальних Курильских островах, живущих там мохнатых стараться призывать и склонять в подданство и к тому Чикину непременно побуждать и если они явятся склонны, то чтобы в знак прихода в подданство на первый случай из каких зверей, или вещей принесли в поклон ея величеству; им объявлять про русское обхождение и добрые порядки, показывая им своими поступками пример; усиленно и нагло ничего у них невымогать и ни под каким видом небрать; а во время призыва в ясак никому ничем не торговать и никаких непорядочных поступков неоказывать; при таких обращениях денно и нощно иметь присмотр, а в случае и каракул; а если кто из них захочет ехать в Большерецк, приняв с ласкою, объявлять, что они возвращены будут с подарками;

6). Разведывать секретно – ведут ли с кем торговлю и не состоят ли где в подданстве и платят ли подати; какое у них строение, обряды и обычаи, а в доме убранство и чистота, какое носят платье и вещи и оружие имеют ли, чем довольствуются в пропитании, какую веру содержат, есть ли у них начальники и в каком они у них послушании; особенно ж есть ли у них огненное и другое оружие и небывают ли у них японцы, в каком месте, судами и в многолюдстве ли и чем торгуются, японские вещи, разныя их платья, что принадлежит до куриозности, выменивать на данные русские и китайские товары; но пороху, свинцу и оружия неотдавать ни под каким видом; издержанное вами возвращено будет из казны деньгами с награждением;

7). Наведываться про золотую и серебряную руды и жемчуг и небывают ли их откуда в вывозе к ним; обид, налогов, грабежа и утайки при взятии ясаков и прочих противных указам поступков и грубиянства и блуднаго насильства неоказывать, ожидая за ревность высочайшей милости и награждения.

Тоены Чикин и Чупров, не желая терять удобнаго воемени, весною 1766 г. отправились на дальние острова одни, несождав обещаннаго им сотника Чернаго. Из них Чикин достиг 12–гр о. где раннею весною следующаго года настиг его Чупров, зимовавший на 7–м о. После долгаго, напрасного ожидания Чернаго, тоены отправились отсюда далее. В проливе между 14 и 15 островами одна байдара с 10 курильцами потонула в сулое, но прочия четыре благополучно достигли до 15–го о. (Усишир) и застали там двух мохнатских тоенов, Нишкорякота и Пуричара, ездивших с своими родниками на пяти байдарах за промыслами по островам. Встретились по приятельски и в знак дружбы взаимно дарились. Мохнатые, по уговору наших тоенов, дали в ясак 9 ясаков, 4 бобра и 5 лисиц и пригласили их отправиться вместе на о. Симусир для уговора в подданство живших там мохнатых. На Симусире получены в ясак еще два бобра и одна лисица. При разставании здесь, мохнатые приготовили прощальный обед и на нем Чикин, еще неотведав ничего, скоропостижно умер. В тот же день мохнатые отправились с 16–го о. на дальние острова, а тоен Чупров с своими курильцами пошел обратно для сдачи ясаков в Большерецке. На 11–м о. он встретил Чернаго и присоединился к нему.

Сотник Черный отправился из Большерецка, на собственной байдарке 17 мая 1766 г.; 1–го июня вышел из устья р. Большой в море и 8–го прибыл на 1–й остров. Отсюда Черный прошел на 7–й, застал байдару, шедшую на соединение к Чупрову и получивши известие, что на 12–м о., куда он намерен был следовать для зимовки, недостаток кормов, он, с разрешения Большерецкой канцелярии, пошел обратно. Черный 1-го ноября вошел в Тухурки[1] на 2–м о. и оттуда перешел для зимовки на 1-й остров. Команда изнемогала от голода, пока брат Чернаго, по его письму, не выслал припасов из Болыперецка.

В 1767 году Черный отправился 1–го июня на двух байдарах и на 11–м о., встретил Чупрова с тремя байдарами, от каторагo узнал о смерти Чикина. Таким образом Черный оставался теперь во главе предприятия.

Черный воротил Чупрова с собою и следовал далее. В пути до 14–го о. найдены им на разных островах 12 сошлых, которые и были отправлены им на 7 и 2 острова. Один из них, Красильников, скитавшийся по островам уже 30 лет, бежал с 7–го, был пойман на 14–м в обратном следовании сотника и, потерпев страшныя истязания, опять бежал. На 13–м и 14–м о. Черный нашел остальных сошлых, но опасаясь их

многолюдства, неупотреблял строгих мер к возвращению на прежнее место жительства и даже обещал оставить их на настоящих местах. Обрадованныя обещанием остаться на свободе, сошлые все заплатили ясаки и охотно согласились сопутствовать Черному на дальние острова, как знакомые с языком и обычаями мохнатых. Но с этого времени наступили тяжкие дни для всех вообще курильцов, сопровождавших Чернаго. Строгости его сперва обращались на каюров; но они пока невыдавали его сошлым. Они скрывали от них, что с 7 – го о. у него все вставали по барабану, при утренней и вечерней тапте все строились фрунтом и разводились потом по определенным каждому для занятий местам, что он взял у них всех бобров, уловленных ими на 5 – м о., что каюры, где была только возможность, мущины отправились ловить бобров, а женщины посылались за ловлею птиц в провизию и за сладкою травою, из которой потом Черный, останавливаясь на 9 и 12, курил вино. Но когда Черный остановился зимовать на 16 – м о., тут то вполне разоблачился его неистовый характер. Сошлые определены им к строению изб и работали, что называется без отдыха и день и ночь; а каюры таскали лес и промышляли морских животных для прокормления множества собак Чернаго, с которыми они и жили вместе под байдарами, терпя от голода и холода. Провинившиеся наказывались изготовленными нарочно плетьми, смотря по проступкам, одни жильными, другие ременными. Не видя ослушания, Черный стал строго обращаться и с сошлыми.

Весною 1768 г. Черный с Симусира поплыл далее. С 17 – го о. он вышел в море, против общаго желания, во время бури, которою байдары разнесло, причем одного курильца волною снесло в море, а другой замерз. Одна байдара, бывшая под управлением опытнаго сошлаго Чернаго, ходившаго с Чикиным на 18 – й о., во избежание видимой опасности воротилась назад. Опасаясь взыскания за ослушание и для избежания дальнейших строгостей от сотника, кормщик нарочно поворотил байдару к 16 – му о. и завел ее там в опасную и непроходимую бухту и затем сам с двумя товарищами скрылся.

2 – го июня Черный пристал на 18 – м о. Уруп, и когда вышел на берег, к нему явились пять князцов и их родники с 19 – го о. приехавшие сюда с своими семействами за промыслами зверей. Они, *по довольном* уговоре, заплатили ясаки; а для склонения в ясак прочих их родников, 11 – го июня, Черный поехал на 19-й о. Для большаго уверения родников своих, тоены, оставшиеся сами на 18 – м о., отправили с ним сына одного из тоенов. Черный оставался там по 18 число и привел в подданство всех мохнатых 19 – го о., в том числе двух князцов и кроме того двух приезжих с 20 – го о., хотя ни один из них не внес зверей по окладу. Сын главного тоена, или князца подарил Черному тумикамей, что в переводе значило – сильный военный враг. Это была сабля в серебряной оправе, которая, по словам мохнатых, так у них важна, что неимеющий ее князец, неимеет ни почтения, ни преимуществ. Кроме того Черный получил здесь довольно японских вещей, привозимых с 22 – го о. и японскую золотую монету в 3,5 зол. [отника] весом. Черный имел намерение ехать с 19 – го на 20 – й о. и далее; но как многие из бывших с ним камчадалов от тамошняго воздуха были в болезни, то для спасения их и всех прочих бывших с ним, неприключилось бы какой смертной опасности, по совету с Чупровым и прочими, он возвратился 18 июня на Уруп и оставался там по 9 – е мая 1769 г.

Главный тоен 19 – го о. обещал Черному к следующему его прибытию на 19 – й привести в подданство мохнатых 20, 21 и 22 островов и в присутствии его там отправил своего сына на 20-й о. или далее, где застанет японцов, для покупки у них хлеба, вина и табаку, чтобы *сделать потом угощение своим родникам и на нем всех, небывших теперь на лицо, склонить в ясачный платёж.* Тоен этот объяснял Черному, что далее 19 – го о. живут японцы и что теперь их уже довольно на о. Кунашире, где у них на дальней Лопатке[48] город с крепостию и постоянным гарнизоном; что с 19 – го о. курильцы пробегают байдарами на 20 – й и ближние острова, огибая мыс, в бухту Мелась, в которую пало шесть речек и где есть довольно народа; что за 22 островом небольшой островок, с котораго перебегают на большую землю, где для торга орловых хвостов, – которые ходят один за бобра, – живет множество японцов, имеющих жен от мохнатых; и что хотя на 20, 21 и 22 островах нет морских зверей, но жители могут платить ясаки соболями, лисицами и другим образом.

Нескорое удаление Чернаго, увлекшагося собственными выгодами, угроза, при возвращении с 19 – го о., что если мохнатые нестанут платить ясаки, или подадут какой повод к сомнению в верности и покорности, то от них станут брать аманатов, и слухи о неистовствах с сопровождавшими его курильцами и сошлыми были причиною, что начавшееся удачно сближение с мохнатыми разстроилось и навсегда.

Старшина 19 – го о., провожая Чернаго от себя, просил его не ходить на восточную сторону о. Уруп, где у них бобровыя промыслища, уверяя, что там и гавани удобной нет, а байдарная пристань на западной стороне острова[49], откуда переход к озеру – заливу[50]; оставшиеся на Урупе мохнатые также просили Чернаго неопромышливать их, как уже верноподанных. Сотник дал обещание не мешать их промыслам; но несмотря на то остался на Урупе нарочно с единственною целию добычи бобров, обязав между тем кормщиков подпискою, что остались здесь

зимовать по общему согласию за поздним временем. Как с 18 июня можно было пройти с Урупа в Большерецк, или по крайней мере на первые острова, то очевидно, что Черный имел свои особенные виды оставаться здесь на зиму. Оно так и было.

Гордый успехом приведения в подданство 83 мохнатых Черный уже не знал пределов своему самовластию, Снисходительный до того к своему тоену Чупрову, теперь и его заставлял терпеть не менее подчиненных. Для житья черному спутники его построили, избу; сошлые и каюры с их женами, также как и на 16–м о., занимались добычею бобров, выделывали полозья из китовых костей, шили парки из птичьих кож и пр.; а сам Черный пил с избранными вино своего изделия и в безумии от опьянения или наказывал плетьми курильцов, или наслаждался сладострастными удовольствиями камчадала в составленном нарочно для него гареме. Курильцы были до того порабощены, что наконец самые приближенные Чернаго, стали обнаруживать ропот на мучения курильцов и укоряли Чернаго в напрасной зимовке, когда, собравши ясаки с мохнатых, следовало возвращаться в Камчатку и еще во время можно было достигнуть Большерецка. Безпокойных связывали и наказывали, чтобы укоротить' язык; но ропот и затем неунимался. К довершению беды и мохнатые пришли в крайнее негодование от того, что Черный, оставшись зимовать на Урупе с четырьмя байдарами и множеством народа, тайно посылал своих каюров на их промыслища ловить бобры. Огорченные обманом, они бросили в занимаемых ими балаганах, данные им Черным квитанции[52] и сами ушли на 9–й остров.

1769 года 9 мая, Черный оставил наконец 18–й остров. Обратное плавание его совершилось не без приключений. Потеряв хорошее время в ловле молодых сивучей на 17–м о. он вышел оттуда в море, когда 16–й о. был закрыт туманом и от того байдары блуждали в море двое суток. Трое курильцов вынесли на своих спинах вину, что ненаходили долго скрывшагося в тумане острова; досталось особенно сошлому Новограбленому. Когда попали наконец на 16–й о., Черный осгался на нем для промысла бобров, которых курильцы поймали здесь гоньбою 37. Всего же они доставили ему в течении похода бобров до 600, кроме медведков и лисиц. Сошлые, напуганные самовластием Чернаго и угадывая, что ожидает их впереди, просили его еще на Урупе оставить их по прежнему на дальних островах. На 16–м о. они уже объявили ему, что только силою можно принудить их возвратиться на 2–й о.; что если и здесь им нечем платить ясаки, то на 2–м их совсем не будет. Оставшись на дальних, они обязывались представлять ясаки и даже современем возвратиться, когда русские станут обращаться ласково и дано будет прощение винам их. Черный, отказав сошлым в прошении, объявил им, что они могут быть уволены на желанные дальние острова только по дозволению Большерецкой канцелярии. Когда сошлые строгостию и силою были перевезены на 14–й о., здесь начались новыя мольбы оставить их на свободе и не везти далее, и за отказом последовало и явное сопротивление. Черный приставил караул к более настойчивым и начал совершать экзекуцию над прочими. При одном виде приготовлений к наказанию, сошлые пришли в ужас, а когда двум женщинам стали вязать руки назад, чтобы удобнее расправиться с ними, некоторые из сошлых убежали на неприступный утес, а один, курилец Панов, г 20 женщинами и детьми ушел на байдаре в море. В догонку ему послано с берега несколько пуль. Пять байдар бежавших, с оставшимся в них скарбом, созжены; одни котлы их поступили в собственность Чернаго. Неуспевших убежать женщин высекли, а мущин, 6 чел. взяли с собою на байдары, а чтобы воспрепятствовать побегу им связывали руки назад, но так немилостиво, что один из них, Фома Лукашевский, умер от того на байдаре. Когда его, распухшаго и как будто с обвареными руками бросили с камнем в море, Черный в назидание прочим его товарищам, проговорил: «у нас по-русски так водится». После смерти Лукашевского, сошлые днем были свободны и гребли, а ночью им связывали ноги. На 13–м о. найден, посредством собаки, скрывавшийся в потаенном месте кормщик Черный, бежавший с байдары на 16–м острове. Сколько он ни сопротивлялся, его связали и повезли с собою. На 11–м острове он успел бежать и опять пойман. На 5–м о. сошлые курильцы получили свободу и одарены; с прочими своими спутниками Черный помирился и взял с них расписку в молчании о его неблаговидных поступках. Вечевой барабан изломан, плети брошены.

Черный прибыл 9 сент. на 1–й остров, а 25 в Большерецк, и представил в канцелярию журнал своего плавания. Подробный рапорт о плавании в Курилы, который он подал в следственную подполковника Зубрицкого (якутскаго карабинернаго полка) комиссию в Охотске, составлял журнал, или записка, учиненная казацким сотником Иваном Чёрным, бывшему на Курильских островах, даже до 19–го острова, путеследованию усмотренных на оных примечаниях в разстоянии тех островов и живущих на оных народах и о прочем.

По представленным данным правительству известно было, что от самой Курильской Лопатки[53] простираются в полуденную[54] сторону острова даже до японских городов, т. е. до перваго Матмая, на которых живут – на ближних и следующих за ними, ясачные курильцы, а на самых дальних так называемые мохнатые. Мохнатые до 1768 года жили совершенно свободно на, 18 и южнейших 19, 20. 21 островах и на

северовосточной части 22–го в урочище Аткис[55] и сопредельных ему местах. С Японией они неимели других сношений, кроме торговли. Основываясь на этом показании, Русское правительство предприняло попытку подчинить своей власти мохнатых, а затем посредством торговых сношений сблизиться и с Японией. К несчастию выбор в это-; раз для совершения такого предприятия пал на ненадежного человека. Посланный в 1766 году из Камчатки в Курилы сотник Черный для сбора ясака с ближних курильцов и приведения в подданство прочих дальних мохнатых, а сверх того для описания и разведывания тамошних жителей, который был уже на 19 острове, не удовлетворил ожиданиям.

В реестре данном сотнику Черному из Большерецкой канцелярии, значилось сошлых, подлежащих возвращению на 2-й остров, кроме женщин и детей, ясачных 41 и неположенных в ясак 22 человека. Черный не задумывался над мерами возвратить сошлых на прежнее место их жительства и все-таки мало успел в том. Благодаря бедствию соседняго края, оспенной эпидемии в Камчатке, они оставлены были на 14–м о. на неопределенное время. Разсказы сошлых о грубых поступках Чернаго, о лишении их скуднаго достояния, уничтоженнаго на 14–м о. злостию Чернаго, возмутили мохнатых, которые, изведав и сами нахальство сотника, стали бояться вообще русских и избегать сношений с ними. Сошлые остались на постоянное жительство на 14–м о. и неподдавались приглашениям возвратиться на 2-й о. Предоставленные с того времени полной свободе, они не гибли ни от поветрий, как оспа, ни от междоусобий и потому естественно увеличивалось их число. Но важныя обстоятельства способствовали, оставив свою самостоятельность, соединиться с мохнатыми и они-то прибавили народонаселение на южных, ныне японских островах, а северные острова, принадлежащие России, из года в год пустели все более и более.

Озлобленные Черным мохнатые просили его толмачей объявить, секретно, в Камчатке, чтобы впредь присылали к ним людей хороших, обходительных, по отнюдь не Чернаго, или подобных ему, *которого они высмотрели весь нрав сердитый* и *во многих случаях непостоянство; да неужели же и все русские таковы?* Тоеон Чупров, старый верный камчадал, справедливо опасался, что скрывшиеся на 14–м о., во избежании дальнейших бед и изнурения, 21 чел. сошлых и с ними толмач мохнатского разговора Кантушка, уйдут к мохнатым и сообщат им новыя подробности о непорядках и строгостях Чернаго и что мохнатые, наученные бывшим с ними, на о. Уруп примером обмана Чернаго, поверят сошлым и откажутся навсегда от принятого ими добровольно подданства России, как то и действительно случилось. В надежде, что не все еще потеряно, Чупров предлагал оказать последнюю может быть на старости лет службу – идти на острова с тем, кто будет вновь назначен *в* экспедицию, для того, чтобы уговорить сошлых оставаться по прежнему верноподданными и убедить мохнатых, по крайней мере, неотказываться от прежняго дружества, если уже не будет возможности согласить их возвратиться в подданство.

Чупров и Черный, вытребованные в Иркутск для подробных объяснений о совершонном ими путешествии, оба там умерли от оспы и потому предложение Чупрова, осталось без исполнения.

Возбужденное Черным в мохнатых неудовольствие против русских было поддержано вскоре новым затем случаем. В 1770 г. пришло на Курильскую гряду, для промысла бобров, судно К° Якутскаго купца Протодьяконова «Прокопий». Оставив артель на 16–м о., судно пришло на зимовку на 18–й и остановилось в южной ее бухте[56]. Мореход, боцманмат Сапожников, с своими рабочими ограбил у находившихся здесь мохнатых промысла, корма и разныя вещи и требовал от них с азартом и угрозами ясак, причем поплатились жизнию тоеон и один курилец. Но это не прошло даром. Весною 1771 года передовщик Грачев собрал бывших на 17–м о. сошлых и всех привез в гавань на Уруп; отсюда вскоре он отпрвился с ними опять на 17-й о. для производства промыслов, но мохнатые совместно с сошлыми убили там на о. Маканрур[57] Грачева и бывших с ним 9 чел. рабочих, а затем пришли на 18–й и тут убили еще 4 чел., из команды «Прокопия»; следующею потом весною они убили в компании еще 5 мущин и 3 женщин. Оставшиеся в живых 18 чел. возвратились 12 сент. 1772 г. в Петропавловскую гавань с добычею 215 бобров и с потерею 21 человека.

Безчинствовавшие в Курилах подверглись наказанию, а пограбленное у них имущество возвращено им чрез ближних курильцов; но возможность сближения с мохнатыми была утрачена. Не *избежал* следствия и сотник Черный, ласкавший себя надеждою получить звание выше сотника за привод в подданство 83 мохнатых. Хотя вывезенные им из Курил бобры прикрывали по возможности его преступления; при всем том обнаружены его грабежи, буйство и намерение установить даже смертную казнь, для совершения которой определен был палачом камчадал Хмелевский, а казак Панютин барабанщиком. Следствие прекращено за смертию виновнаго.

О плавании Чернаго до 19–го о. с описанием островов от 3–го до 19–го оказался только черновой журнал и карты островам не приложено и потому, для лучшаго изъяснения, Черный потребован в Иркутск, но заболев в дороге оспою вскоре в Иркутске, умер и журнал его затем остался без изъяснения.

Принятое Черным исчисление *островов* Курильской гряды осталось неизменным до ныне.

Как в описании Курильских островов Чернаго не включены 1 и 2 острова и о. Алаид, то для пополнения пробела, мы предварительно представим их очерк и затем станем продолжать описание Чернаго прочих островов.

Северный конец Курильской гряды, прилежащий к полуострову Камчатке, отделяется от него весьма сулоистым и потому небезопасным для переездов в байдарах так называемым первым проливом 7,5 миль ширины, между камчатским южным мысом Лопаткою (50 градусов 57' сев. шир.) и 1–м островом, Щумшу.

1 – й о. Шумшу тянется в длину на 15 миль; шириною в южном конце до 7 миль, а северный конец узкий. Местоположение плоское и низменное с небольшими возвышениями, переходящими к восточному берегу в утесы и кекуры. На северной стороне к западу берег песчаный, где удобно приставать байдарами. Остров изобилует болотами и озерами, дающими исток значительному числу речек и ручьев. В речки заходит из моря рыба из породы лососей, а в море ловится удами треска, рямжа. Остров покрыт местами кустарником и сланцами, а на обширных на нем равнинах ростет превосходная трава. На острову водятся лисицы, волки и множество мышей, на лайдах (8) нерпы и сивучи, а на привальных льдах попадаются бобры, в утесистых берегах гнездится множество морских птиц, составляющих важный промысел жителей.

На ю – з. изголови острова, по речкам было три курильских селения. Шумшу-каган, на р. Педьпу, ныне поселение Российско –американской компании. Здешние курильцы из рода камчадалов, которые с прихода русских в Камчатку переселились сначала на Лопатку, а потом и на 1-й остров. Породнившись с курильцами 2 – го о., они приняли их язык и обычаи и составили особое поколение, более впрочем подходящее к курильскому.

Особую замечательность о. Шумшу составляла *часовня* св. Николая, построенная в 1757 г. по обещанию, купеческим прикащиком Семеном Кузьминым Ломом, который ранее чем в 3 года получил большия выгоды от промысла здесь бобров. Угодник был в особенном уважении у промышленых, посещавших 1 ^ й остров, и часовня оставалась в исправности еще в 1830 годах.

Во втором проливе, отделяющем Шумшу от Парамушира, находятся на обоих островах небольшия бухточки: *Чибуйны* на 1–м о. – хорошая судовая гавань и *Оттомай* на стороне 2 – го, при самом входе в пролив с океана. Последняя лучше первой, но обе не безопасныя; по сплошному, каменистому дну в проливе невозможно стоять на якоре, а лавировать трудно по быстроте течения и узкости пролива с каменистыми берегами: вся ширина пролива – около мили.

2 – й о. Парамушир, один из наибольших островов Курильской гряды, длиною 56, шириною 8 – 12 миль. При переезде с 1-го о., байдарами пристают у с.-з. оконечности, проехав вдоль берега около 5 верст. Остров, несколько вогнутый со стороны океана состоит из хребтов, которые особенно возвышены на ю.-з. его стороне. Между ними действующие вулканы *Чакунчки*[8] и Айсар-маке (пик Фус в ш. *50* градусов 15'6" д. 203 градуса 49'5"); последний дымится постоянно и временно горит пламенем. От хребтов простираются к востоку, местами до самого моря, широкия равнины, покрытыя роскошною травою и по количеству сенокосных мест и изобилию хорошей травы возможно огромное скотоводство. Вообще растительность здесь заметно богаче 1 – го острова.

Река *Тухурки,* обширнейшая из рек целой гряды, неширока и протекает, до впадения в океан, не более 20 верст; начало ея, в хребтах, на средине острова, из ключей и скопляющейся там воды от тающих снегов. *Петту*[9], небольшая речка у ю.-з. бухты выходит из озера, замечательного тем, что на самой средине его лежит небольшой гористый остров. В обе реки заходит из моря рыба, но запасают из нея юколу только в р. Петту.

В вершине Тухурки растет тальник, годный на неважныя строения, а ближе к морю только мелкий тальник и ерник, собираемые для топлива; на строение же юрт курильцы употребляют выкидной лес.

Жилье курильцов *Лайсас,* от названия прилежащаго мыса (графа Васильева), на ю.-з. оконечности острова, в бухте, у западнаго края озера вблизи р. Петту. При устьи Петту было также жилье, давно уже оставленное.

Жители, по ревизии 1766 г., 76 чел. одних ясачных, чистые курильцы, переселившиеся сюда еще до русских с острова *Оннекотана,* по причине частых нападений мохнатых курильцев, приезжавших туда с дальних островов, для отнятия, по обычаю, жон; *мохнатые* приходили на северные острова и при русских, но уже только для мены. Оставшись постоянными жителями на 2 – м о., курильцы непереставали посещать дальнейшие острова для промыслов и торговли с мохнатыми, жили там, под видом добычи зверя в ясак, целыми семействами по несколько лет, и наконец многие из них, известные потом под названием сошлых, отказались возвратиться на 2 - й остров.

Почти на одной паралели с северною оконечностию Шумшу лежит в Охотском море, в ш. 50 градусов 52', д. 204 градуса 18'[10],

8. Лайда - иловая прибрежная мель (Толк. сл. Даля). (Прим. ред.)

остров *Алаид*[61], в разстоянии от северной оконечности 2–го острова в 20, а от Камчатской Лопатки в 39,5 миль. По значительной своей высоте, до 6,000 ф., остров в ясную погоду виден даже с устья р. Большой. По поверью камчадалов, Алаид стоял на месте Курильскаго озера в Камчатке и по чрезвычайной вышине отнимал свет у соседних гор. Происходившия от того постоянныя ссоры и неудовольствия наконец заставили его удалиться на простор, в море. На месте Алаида образовалось в горах южнаго конца Камчатки обширное Курильское озеро, а по следу его потекла р. Озерная. На прежнем месте, в память своего там пребывания, Алаид оставил сердце (учичи) и пупковый камень (нухчунк), два острова в Курильском озере[62].

Курильское название острова, согласно его форме, *Уякужач* (высокий) у Шпанберга Дьякон, а казаки почему-то назвали его Алаид. Алаид имел форму высочайшей круглой сопки окружностию в основании, с подножием и лайдами, до 40 верст, которая горела временно огнем и курилась постоянно; но во время сильнаго землятресения, в 1778 г., острый верх сопки обвалился, а вулкан угас; теперь Алаид представляет плоскую, немного скошенную площадь, длиною 5,5 и шириною около 4 миль.

Остров не был обитаем, а только временно приезжали сюда жители Лопатки и первых двух островов для промыслов. Когда курильцы были многолюднее, то приезжая сюда с семействами, они оставались на целую зиму, не нуждаясь в продовольствии, по изобилию здесь морских птиц и зверей, особенно сивучей, которые лежали во множестве по кекурам и лайдам. Зимою приезжие промышляли лисиц, а весною, на привальных льдах, бобров, которые и теперь попадаются в пределах Лопатки, первых островов и Алаида. По записке Чернаго о последующих Курильских островах, 3-й о., по курильски *Ширинки*[63] (вдавшийся в Охотское море), разстоянием со 2–го о. чрез пролив например верст 20 (7 миль от подножия пика Фус)[64]; перегреб бывает в тихий день и в течение воды чрез 4 часа. На том острову имеется сопка круглая, каменистая; а вкруг всего острова утес и камень сыпучий; а песчаных мест, также и судовых пристойных гаваней и для приставания байдарами удобной мягкой земли не имеется; а хотя по нужде в байдарах и бывает пристань, но в самое тихое время, такое когда волнения с моря не бывает и то только для одного промысла зверей, так называемых сивучей и на платье птиц, по общему курильцов названию, ары. Остров в длину и ширину почти равномерный (2,5 мили), а весь окружностию напр. как верст с 20. На острову и около его водятся морские звери – сивуч, нерпа, а бобров не имеется; лисица ж красная заносима бывает с других островов в зимнее время льдами и то малое число, а натом острову неплодится; из птиц ара, кроме которой других не имеется; коренья, по камчатскому и курильскому названию, сарана, упява, усут, кутаж, – все оныя для пищи отважныя (полезныя); сладкой травы, из которой здесь курится вино, родится не мало, из ягод, по камчат. названию шикша родится годом и то не весьма довольно. Лес на том острове имеется кедровый небольшой сланец и ольховничок, да и того малое число; пресной воды весьма скудно, ибо текущих речек, источников и ключей нет, а во время дождей, когда наполняются сухия долины, ямы и рытвыны, то черпают из оных воду в посуды и тем довольствуются. Когда же приходят курильцы на остров для промысла зверей морских и птицы и приготовления себе на пищу кормов, жительство имеют с великою опасностию, ибо кругом острова всегда сыплются с утесов немалые каменья, которыми не только птиц, но и из людей убивает до смерти; зачем и жителей на том острове не находится.

4–й ос. *Макан рур асы.* Перегребу на оный с 3–го о. через пролив (четвертый, 23 мили шириною, лучший для пресечения Курильской гряды}, напр. верст в 60. Остров простирается в длину верст с 20, в ширину с 10 (3 – 2 м.). На нем на низменных местах имеются тундренныя или луговыя пространства, на которых и около подножия состоящей на том же острове на подобие хребта сопки по обеим сторонам родится ягода шикша и морошка, только не весьма довольно. Остров стоячаго годнаго никакого леса, кроме кедроваго и ольховаго малого сланца и рябинника, тоже и жителей никого не имеет; а коренья имеются сарана, упива, миту, кутаж, черемша и сладкая трава; да около его зверей – бобров, нерп и лисиц красных имеется ж, только не весьма довольно; а кругом того острова по обеим его сторонам ключей не мало, а для судов гаваней и байдарных пристойных пристаней не имеется (9).

Перегребу с 4–го на 5–й через пролив 35 верст (14 миль).

5–й о. *Аннакутан* (отделяющийся от 2–го – тем-же обширным четвертым проливом), разстоянием в длину на 100 (28 миль), а в ширину на 15 верст, а по другим местам более и менее (в южном конце 12, а в северном 6 миль). На острове состоит три сопки: 1-я курильскому названию *Асырминтар,* а по переводу – прежде горела – состоит на самой лопатке ко 2 острову; подле оной имеются небольшия сопки-ж и хребты; вокруг же той лопатки имеются утесы и горы превысокие, где плодится птица глупыш и ары. Берег весь каменистый при той лопатке и к восточной ея стороне на самом проливе отпрядной камень, что называется *кекур,* на котором потому ж плодится птица глупыш и топорки, но невесьма довольно. 2-я сопка

9. В 8 милях от ю.-з. оконечности Маканруиш, мыс Буш, находится отдельная скала Авось, носящая у курильцов название *Хай-нотко.*

званием *Амка–усыр,* состоит на средине острова (пик Креницына в ш. 49 градусов 20', д. 205 градусов 12')[65], которая наперед сего горелаж; возле сопки имеется озеро в длину на 4 и в ширину на 2 версты, безрыбное. Третья сопка близ лопатки к 6 острову, состоит посреди озера и называется от того Тао-русыр, против вышеописанных двух более. Вокруг озера разстояния верст на 15 и более, в ширину на 2, а местами более и менее и в нем, как и в первом, рыбы не имеется. Подножие сопки камень – утес.

На 5 острове стоячаго годнаго леса, кроме кедроваго сланца и небольшого ольховника, также и низменных мест[66] не имеется; для пищи коренья миту, осут и ягоды шикша, голубица, жимолость, рябина, морошка бывают годом, только не весьма довольно; трава шеламайник, кутагарник, а сладкой травы родится мало; из зверей лисиц красных годом бывает довольно, а морских бобров и нерп мало.

Бухт песчаных небольших имеется до шести на северной стороне и одна, посередь острова, на восточной; а по прочим местам и по обеим сторонам берега, бухты и пристани байдарныя каменистыя. По обеим же сторонам острова текут из гор и падей речки, в кои во время прибылых с моря вод заходит рыба двух родов, горбуша и гольцы, и то по малому числу.

К 6 острову состоит лопатка, и утесы и горы высокия каменныя. Перегребу с 5 о. на 6 –й чрез пролив (в 9 миль) до 20 верст.

6 – й о., *Аромакутан* т. е. саранный, разстоянием в длину верст на 20, в ширину на 10 и менее (6 –3 м.). На о. состоит по средине сопка, коя напред сего горела. На подножии ея к северной стороне имеется озеро в длину верст на 5 и в ширину на 2 с прибавкою, при коем имеются два островка каменистые, на коих всегда водится птица чайки и гуси, а рыбы в том озере и из него истока не имеется. На другой стороне, к востоку, на подножии той же сопки имеются два озера небольшия, по курильскому званию *Тонтоуируй,* что по переводу значит – небольшия озера; в них также рыбы и из них истоков не имеется.

На острове имеются коренья по тамошнему названию *ару,* т. е. сарана, миту, упег, кинту т. е. кутаж, трава сладкая и шеламайник, черемша, с довольством ягоды шикша, морошка, рябина, шишек кедровых и в них орехов мало; лес сланец кедровый, ольховник, рябинник небольшой.

К проливу к 5 о. к восточной стороне (в ш. 43 градуса 06' д. 205 градусов 18'}[67], состоит угасшая сопка, подножие и верх песок белый.

К северной стороне две речки небольшия, из коих одна в проливе к 5 о., где имеется бухта песчаная, а к восточной стороне лопатка низменная; вторая речка к западу и в обеих рыбы не имеется. Берега и прочия пристани каменистые. Звери на том острове: лисицы красныя, бобры, нерпы по малому числу.

Перегребу с 6 – г о о. на 7 –й чрез пролив, который весьма быстрый, до 50 верст (19 миль),

7 –й о., называемый *Сыаскутая* , разстоянием напр. в длину верст на 8, в ширину на 5, или более (6 – 2 мили). На нем имеются две сопки, из коих одна состоит к лопатке к 6 о. и называется по курильски *Синнарка;* к северной стороне она вышла на подобие хребта, куда и ходят пешие; сопка напредь сего горела, а возле нея имеются небольшия каменныя горы и места каменистыя, а к проливу 6 – г о о. лопатка острогористая и берег каменистый. Другая сопка, большая, по тамошнему названию *Кунтоминтар,* состоит близ лопатки к 10 проливу; по обеим сторонам сопки места каменистыя, да и от самого ея верху до низу и по подножию гористо же и каменисто.

По средине острова по обеим его сторонам имеются бухты песчаныя, кроме которых, прочих песчаных мест и способных байдарных пристаней и промеж гор низменных мест нет; по обеим же сторонам острова имеются речки небольшия, каменистыя, только безрыбныя. Для пищи человеческой родятся там коренья миту, рау, унег, усут, кинту, т. е. кутаж, ар или сладкая трава, черемша, пукшакту т. е. шеломайник. Лес сланец кедровый, на котором годом бывают и шишки с орехами, кои запаса приезжающие и запасали бывшие прежде здесь жители себе на пищу; есть ольховник и рябинник и бывают годом ягоды рябина, брусница, шикша, но не весьма довольно; зверей находится лисиц красных, бобров и нерп по малому числу.

На 7 о. состоит к проливу 10 – г о о. лопатка горелая и каменистыя, с которой совершается прямой перегреб на 10-й остров, миновав 8 и 9 острова, лежащие в стороне. С 7 на 10-й разстояние до 15 верст (6 миль) (10).

8 - й *Икарма* от 7 – г о о., прямым перегревом чрез пролив, отстоит верст с 12, а разстоянием в длину в. 8. На нем есть гора, которая горит временно; на подножии горы утесы и вокруг ея берега каменные; озер и речек нет, кроме нескольких источин; а для пищи родится корень упег, сарана, кутагарник, сладкая трава, шеламайник; леса сланцоваго, ольховнику и тальнику небольшаго и рябиннику несколько; ягода шикша бывает годом; птица водится гуси, чайки и по утесам глупыши, топорки, а зверей, кроме нерп и бобров, и то малое число, не имеется.

Перегребу с 8 – г о на 9 –й о. чрез пролив верст с 30 (17 миль).

9 – й о. *Чиринкутан,* круглый, разстоянием верст 15. На нем сопка каменистая, из которой идет дым, стоит по край моря и

10. При следовании на острова лежащие далее, переход на байдарах совершался с 7 – г о прямо на 10 – й , минуя 8 и 9 – й . Но как пролив этот, хотя и нешире 6 миль с опасными сулоями, а байдарныя пристани на том и другом острове неудобны, то приходилось простаивать на одном месте иногда по месяцу в ожидании благоприятнаго времени для переезда. Простои были особенно не выгодны, а иногда и бедственны для возвращавшихся с южных островов потому, что дрова и воду, по недостатку их на о. Мусире нужно было привозить с собою.

всегда сыплется с нея камень, от чего и сделалась в ней падь; вокруг острова горы и утесы и пристаней байдарных способных неимеется. Птицы на о. водятся глупыши, топорки, курукуры, ары, чайки; лесу, озер и речек неимеется, а на питье воду пресную черпают из ямок, в которыя она накопляется от дождей; зверей нет, кроме нерп, которыя бывают временно, а из коренья кутаж, да сарана и то малое число.

10–й о. *Муссыр,* по переводу птичий; возле него имеются два кекура, или отпрядные каменья, из коих на одном, Чаро-муссыр по курильски, плодится птица чайка, урил, а на другом по курильски Сыясо, сивучи.

Муссыр круглый и каменистый, версты 3 окружностию; воду пресную берут из ям, в которыя она наливается во время дождей и туманов мокрых; на тот остров пристань имеют по нужде. Зверей на нем, кроме однех нерп, кои бывают временно и мало, а также кореньев, ягод и лесу никаких неимеется.

С 10–го о. чрез пролив на 11 – й перегребу до 120 верст.

11–й *Ракхохкко.* На нем большая голая сопка, с которой каменья разметало по всему острову; травы и коренья, кроме кутажу малое число, неимеется, ибо напредь сего остров выгорел. Остров круглый, разстоянием до 20 верст; на подножии сопки горы и утесы каменные вокруг острова и пристаней байдарных неимеется, кроме одного места и то в малых байдарках, которыя с нуждою вытаскивают на высокие каменья.

Речек и источин неимеется, а воду берут дождевую и то с нуждою; зверей тоже никаких; только подле острова на восточной стороне есть камень, называемый по курильски *Пиаттусы,* на коем бывают временно сивучи (11). От того острова перегреб чрез пролив (Головнина) на 12–й о. верст до 45,(14,5 миль) к лопатке, где имеется пристань, к восточной стороне бухта песчаная по их названию *Комга ~ Омой.*

12 о. *Мутова* – крутой длиною верст 30. На нем сопка (Сарычева до 3 т. ф. вышиною, в ш. 48 градусов 6' д. 206 градусов 42')[44] , коя, по объявлению курильцов, в недавних годах преужасно горела, причем по всему острову разметало каменья так, что и летающих птиц во многом числе оными убивало; на подноже сопки горы и каменья. Лесу, кроме кедроваго сланца, ольховника и рябинника небольшаго, нет; коренья, кое там, как видно было, все выгорело и заметано камнем и ныне хотя тех кореньев и сланца несколько имеется, но весьма мало; из зверей изредка попадаются лисицы красный дикошерстыя, бобров и нерп тоже бывает малое число; озер и речек, кроме некоторых источин из падей, неимеется; по обеим сторонам острова пристани байдарныя – бухты песчаныя, неболыпия. По утесам водится птица разная, ары, курукуры, топорки, по курильски этупирка. Но о. имеется особая пучка, какой в Камчатке нет, на подобие сладкой травы; но лист на ней круглый, более чем на сладкой траве, а ствол с одной стороны раздвоился. Пучку жители употребляют в пищу и, по объявлению курильцов, ея довольно по всем островам, обитаемым мохнатыми.

(До 1770 г. на 12–м о. оставались на постоянном жительстве до 200 чел. обоего пола сошлых со 2–го о.).

На восточной стороне 12–го о. верст, в 3–х островок, версты 3 в дину, с каменистыми вокруг берегами. На нем плодятся чайки, топорки, курукуры, ары, гуси и растут коренья упег, кутаж, сарана, сладкая трава. И островок выгорел и потому, как и на большом, по нем разметало каменья; зверей на нем никаких неимеется.

Перегребу с 12–го на 13–й чрез пролив (Надежды) в. 40 (17 м.). 13–й о. Раса/у в длину напр. верст 30. Посредине хребет высокий; на хребте местами сопочки, а на подножии его горы и каменья. Пристань байдарная песчаная на восточной стороне в проливе к 12–го о.; а к лопатке к 14–му о. на восточной же стороне бухта песчаная; других нет и берег каменистый и утесы вокруг о. превысокие, на которых плодятся ары, курукуры, чайки; сланец, коренья, травы, ягоды, как и на прежних островах; но кроме того есть лес березовый, нетолст и невелик, годный только в дрова.

У лопатки к 14–му о. сопка црбольшая, у подножия которой горы и утесы; около сопки безрыбное озеро.

Перегребу на 14–й о. верст 17 (19 миль); в проливе, по близости к берегу 14–го о., имеются в двух местах два отпрядышные камня, или кекуры, из коих тамошние курильцы называют первый *Атуй – Оромису,* а другой *Капврыйсо.*

11. С 1777 г. последовал ряд землетрясений по Курильской гряде, продолжавшихся несколько лет. Во время сильнаго землетрясения в 1778, сопровождавшагося возгорением и извержением сопки, вершина ея разселась и треть сопки обрушилась в груды развалин, покрывших весь остров и засыпавших бывшия на нем бухты. При новом вскоре возгорении, ночью, еще обвалилась часть сопки и довершила опустошения. Под развалинами ея погиб сотник И. Черный с своими спутниками, (11 курильцов и 3 их женщины), следовавший осенью 1778 г. с 12–го о. и расположившийся здесь ночевать. В 1779 г. мещ. Никонов и тоен 2-го о. Соловьев дали знать в Камчатку о погибели Чернаго и начальствовавший там Рейникен послал в 1780 г. на 11–й о. сотника Секерина для описания и положения на плане – каким видом остров состоит от порыва горелой сопки. По донесению Секерина, около острова в прежнем его виде, были большие камни, на коих ложились сивучи, а на утесных завалах на острову плодились морские птицы; была байдарная пристань промеж лайд; лайда и по ней кекуры, а выше пристани, против лайды, место на берегу, где ставили палатки для ночевья; а ныне: сопку сорвало более к северу и верх ея сделался седлом: утесистые заливки песком и камнем засыпало и сделало гладко, что и птицам негде плодиться; байдарную пристань засыпало песком и стало там сухо; лайду с кекурами сделало песчаным берегом; наметало к югу песчаную лайду на 100 саж. длины и 100- 110 ширины и сделало две маленькия бухты; весь остров покрыт единственно песком; а сопка с ужасом гремит и ныне, но недымится.

(Постоянных жителей было мало; но остров обыкновенно посещали, для промысла бобров, курилыды с 14–го острова и временныя их юрты устраивались в бухте на западной стороне южнаго мыса).

14 о. *Усасыр,* в длину напр. верст 25, разделяется неширокимпроливом на два острова, кои тамошним названием различены. Состоящий к 13 острову (северный) называется *Рыпонкича* и представляет утес и около берега каменья, на утесах плодятся глупыши, курукуры, топорки; леса, а также зверей земных и около острова морских нет; сладкой травы, кутажу, упегу, шикши, морошки весьма мало. На одном утесе того острова имеется место гладкое и мох с ягодником, которым тамошние курильцы и мохнатые топят зимою шалаши, или барабары[69].

К сему острову пристойных байдарных пристаней нет. Другой остров (южный), называемый туземцами *Янкича,* имеет сопку, покрытую травою, на которой плодятся глупыши и топорки. На подножии этой горы и повсему острову и вокруг имеютя горы, утесы и сопки, на коих бывает годом птицы весьма довольно и в том числе плодятся гуси[70] в довольном числе. Лесу, кроме выкидного, неимеется, а коренья и травы столько-ж, как и на прочих.

При том *о-ве* имеется отпрядной камень, или кекур высокий (Бабушка), покрытый морскою травою, где плодятся ары и топорки в немалом числе; кекур стоит на восточной стороне, от берега саж. на 100. На восточной же стороне острова, имеется бухта на подобие озера в длину в. на 3, в ширину на версту; в бухте, в средине, два кекура, или отпрядыши каменные не весьма высокие, на коих плодится всяких морских птиц довольно. Устье бухты в ширину саж. 200, и когда прибывает морская вода, то бухта тогда бывает глубока, а когда убудет, то весьма обсыхает, так что едва байдарами войти можно. Около бухты низменное место, на котором накипает сера, горючая; по краю же бухты у самого берега два ключа выходят из под земли, которыя весьма горячи, кипят и серы горячей имеют довольно, и когда в ночное время молодые топорки чрез ключи летят в море, то от горячести их и от сернаго запаха падают в них и изопревают вскоре и остается одно их перье. И так их впадает довольно, ибо, как мною видимо было, сверх горячести тех ключек, как в них так и около всех тех мест накипной серы горючей имеется довольно, от запаха которой воздух над ними заражается, а из под земли бывает безмерный жар с великим звуком[71]. Одному из ключей, который имеют в почтении и называют по своему *карпи,* а по переводу, что из того ключа идет жар и дым; бывающие там сошлые и тамошние курильцы, когда жительство имеют, приносят по своему обычаю жертву и мечут в тот ключ каменья и сделанныя нарочно в запас из таловаго дерева стружки со своими клеймами, наговаривая всякий для себя, что кому прилично, призывая дьявола, причем чинят и шаманство – и оному обучаются таким образом: по край того кипящего ключа настилают доски и надевают на себя новую парку птичью, или азям шитый и потом тот, кто сие действует, ляжет к ночи на те доски, на которыя выплывают из ключа чрезвычайной величины черви косматые и поползут на человека и ползают по нем по всему; те черви подобны мухам и наводят великий страх, так что человек в безчувствие приходит; и так если, как курильцы объявляют, кто неустрашится сего действия по три ночи, тому якоб и диавол во всем служить станет и он великий будет волшебник[72]. Перегреб на 15 о. верст 36 (12).

15–й о. *Кетой* в длину на 30, а в ширину на 10 верст (4–5 м.), а местами и менее. По средине острова угасшая сопка, а на подножии ея хребты и горы; вокруг острова утесы, зачем и способных байдарных пристаней нет. Озер и речек, кроме малых ключей неимеется; коренья, травы и лес сланцовый, как и на прочих островах; а также березник и камышник мелкий; ягоды шикша, рябина.

Водятся лисицы бурыя, сиводушки и красныя, но весьма мало; бобров, сивучей и нерп бывает недовольно.

С 15–го о. на 16–й перегребу чрез пролив (Дианы) до 30 в. (9-миль).

16–й о. *Симусыр* в длину до 130 верст, в ширину на 10, а местами более и менее (30 м. – 7 и 5 м.). На нем 4 сопки. Одна состоит близ лопатки к 15 о. и называется по курильски *Тоэтокусыр* (Пик Прево до 3 т. ф. вышиною); на подножии ея горы и сопки и прегустой камышник и березник; 2-я сопка *Итанхиой,* верх у нея плоский, прежде горела и от того стоящий на подножии ея лес сланцовый и коренья все выгорело; 3-я *Икаймикот* к восточной стороне вышла гребнем, на подножии ея горы и каменья и 4–я Анейусы (в ш. 46 градусов 50" д. 208 градусов 04' постоянно горящая)[73] стоит близ лопатки к 17–му о.; на ней находятся каменья, кои употребляют вместо железцов к стрелам, а на подножии ея стоят горы и утесы превысокие. Вокруг всего острова и по берегу каменья и утесы; к восточной стороне три губы песчаныя небольшия, но для байдарной пристани, за отмелом и постоянным великим волнением, неспосыбная; а пристань есть в бухту небольшую. (Уратман – душная, вонючая от гниющих на берегу морских поростов), которая на северной стороне около средины острова[74]. У лопатки к 15–м о. бухта (Бротона гавань в ш. 47 градусов 11' д. устья

12. Усишир служил постоянным местом жительства сошлых курильцов, как центральный пункт, с котораго они производили торговлю с одной стороны с мохнатыми и с другой стороны с курильцами северных островов. Селение их находилось на сев.-вост. берегу севернаго острова у крайних утесов.

207 градусов 36')[73] подобна озеру, в длину верст на 10, в ширину на 2 и 3, устье шириною саж. 200 с прибавкою; в бухте, или озере есть нерпы.

Озер и речек, кроме малых источин, неимеется; коренье, травы; сланец, березник и камыш, как и на прочих островах, из зверей лисицы бурыя, сиводущатыя и красныя весьма недобротныя, есть морские бобры, сивучи и нерпы, только мало (13).

Перегребу на 17 –й о. через пролив (Буссоль) до 200 верст[74].

17 –й о. *Чирпоой,* разстоянием в длину до 15 верст (6 миль), разделяется на два проливом вер. 4 (2,5 м.), в котором близ берега кекуры, где плодятся ары и топорки.

На первом острове, по тамошнему названию *Репунки–Чирпой* (на курильской стороне), сопка горелая, с которой каменья по всему острову; мыс того острова высокий, кругом его утес, вытянулся к проливу 16 –го о., по тамошнему называется *Тонукарасы,* а по переводу значит, что смотрят с него чрез пролив; там на высоком месте, в память моего (Чернаго) там бытия, поставлен деревянный крест, с надписанием года, месяца и числа[77]. Тут же имеется губа песчаная, только в оной иметь пристань байдарную весьма опасно, потому что навсегда бывает волнение великое[78]. На острове лисиц красных, бобров, нерп весьма мало; черемша и коренья, что на прочих; а леса, кроме прутника рябиноваго, неимеется. За неимением речек, водою весьма скудно, а летом вода хотя и бывает, но только от дождей; а в озере небольшом, возле утеса, у морского берега, вер. в 6 от песчаной бухты, вода осолодковая, заходящая из моря, которую пить не можно. По утесам вокруг острова плодятся ары и чайки.

Отделившийся от перваго острова *Янги – Чирпой,* (на Мохнатской стороне) разстоянием в длину в. на 10 ть, на нем сопка горелая, вытянувшаяся гребнем, гладкая, а на подножии ея горы и утесы и вокруг острова пристаней байдарных не имеется, ибо берег каменистый и всегда бывает волнение. К проливу 18 –го о., на самой лопатке, состоит камень горелый небольшой, где зимою и летом бывает довольно сивучей. Лес, травы, звери, источины воды,[79] как и на прочих.

Сверх того, от мыса Тонукарасы к с.-з. верстах в 30 (10 миль) состоит островок *Макан˜рур* (Бротона)[80], круглый, в длину верст на 12. На нем сопка, у подножия которой, горы, хребты и утесы превысокие; лес сланец кедровый, ольховый, таловый и рябинник и годом бывает и орехов кедровых довольно; коренья, что и по прочим островам. Вокруг острова берег каменистый и утес высокий и около острова по берегу, по каменьям и по кекурам, сивучей весьма доволно, кои и летом там плодятся; почему о. и называется *Сивучёвой.* Бобров и нерп мало, других зверей вовсе не имеется. По утесам водятся ары, топорки, глупыши, чайки и гуси в довольном числе (14).

От южнаго Чирпоя перегребу через пролив на 18 – й о. напр. верст 25.

18 –й о. по курильскому названию Уруп, по переводу значит, что, в состоящем по средине острова, на северной стороне, озере называемом Голо[81], имеется рыба красная. Остров в длину на 20, а местами и более (55 в. – 8 и 11 м.). Вдоль по острову состоит три сопки; средняя называется *Атса–нупуры*[82], а прочих звание неизвестно. На подножии сопок хребты и горы превысокие, тож и по всему острову состоят не большия высокия сопочки и хребты, между ними имеются пади, из коих текут речки и источины и в них идущей из моря рыбы разных родов имеется довольно. По всему острову, кроме двух лопаток, прегустой камыш, по которому в летнее время пешим ходить невозможно; того камышнику имеется и по берегам, и над речками, и над морем на утесах довольно; а травы для покрытия жилых юрт и барабор весьма недовольно. Воздух летом там теплый и здоровый, но весьма оводно так, что с трудом великим от берегу отойти можно. На лопатке к 17 –му о. место тундренное, или полевое, на котором родится шикша, морошка, голубица, жимолость, но недовольно потому, что лопатка не весьма обширна и недлинна.

У той лопатки к восточной стороне состоят в проливе 4 островка, называемые *мусыр,* т. е. небольшие острова; между ими проливы по версте; на островках плодятся урилы, чайки, топорки, а также есть бобры и нерпы.

На острове имеется способная для байдарной пристани гавань, не далече от лопатки по северной стороне, в дресвяной бухте, называемой по курильски *Сиримку,* которая в длину напр. верст 10 и ширину на полверсты. От той бухты вперед, от берегу версты 1,5 стоят в море два кекура, или отпрядные каменья, называемые по курильски *Чене–мусыр,* т. е. юрта, потому из тех один кекур походит на их жилье, или юрту[83]. По северной-же стороне, к средине острова, имеется бухта песчаная большая с дресвою местами, по тамошнему названию *Ататну*[84], разстоянием в. на 10, и в ней речка небольшая, в которую летом идет довольно рыбы гольцов и горбуши. От той бухты вперед верст с 15 имеется песчаная бухта[85], в которую протекает из прописанного озера Топо речка, разстоянием от озера саж. на 300, в которой бывает довольно здешних родов рыбы: хайко по курильски сып, красной – уруп, горбуши – сакип, гольцов – усуркумо, кунжи – укус, белой – кирупра. К лопатке, стоящей

13. Для удобства в промыслах, курильцы жили по бухтам, а селение их находилось от бухты Уратман к востоку.

14. У Лаперуза Чирпой назван о-м 4-х братьев, Так как кроме тех островов им принята еще за отдельный остров южная скала Яван Чирпоя.

Ушим[86]. Кроме того вокруг острова, по северной и восточной сторонам, пристаней способных байдарных и речек небольших довольно, в коих и рыбы в летнее время бывает множество. На острову имеются лисицы бурыя, сиводущатыя и красный, добротою плохия, а по восточной стороне бобры и нерпы и для ловли их в летнее время приходят сюда с 19–го о. мохнатые курильцы.

Лесу березоваго и таловаго, годнаго для строения тамошних юрт, довольно; а прочий лес, как и на других островах; для пищи кореньев, трав и пучек, в том числе на лопатке морковных довольно; только ягод, кроме почти одной рябины нет. Вокруг всего острова, кроме утесов и каменья, а в море отпрядных от берега каменьев, или кекуров, низменных мест неимеется.

Пергребу с 18 на 19–й, чрез пролив (де Врис)[87], например верст 30 (13. 5 м.).

19–й о. *Этерпу* в длину напр. верст 300 с прибавою потому, что, по объявлению тамошних мохнатых главных курильцов, тот остров (с места, до котораго доходил Черный), будет еще разстоянием дальше того, как отстоит от того 19–й о. К 18–му о. к лопатке над морем сопка превысокая[88], которая и мною (Черным) видима была, что и полагают они за половину разстояния сего острова.

На северной стороне о. имеется пристань байдарная, называемая *Камуи–вамкуин* потому, что в ней имеется ключ кислой и вонючей воды, которую и пить невозможно; но курильцы употребляют ее в питье вместо вина и жертву по своему обычаю ей приносят. От той пристани вперед, разстоянием верст 10, речка по курильскому званию *Пинепет потому,* что тут бухта дресвяная, где и жительство мохнатых, да другая речка, павшая в озера *Димуято",* и при ней бухта же песчаная, а живет тут лучший князец *Цета окайку камуини ампи с* родниками; версты 3 от той речки на высоком месте, на горе, жилище детей бывшаго князца *Каткура симу,* место называется Хамарая потому, что близ берега стоит кекур. От того жилища вер. напр. в 20 бухта песчаная, называемая *Сотки*я[89] потому, что прямо губы в море удят рыбу треску, рямжу и палтуса; при той бухте есть речка небольшая и при ней жительство князца *Томимах кур.* Отсюда вперед вер. 8 небольшая речка *Поропеш* и при ней жительство князца Нижкуракут[90]. Отсюда Черный возвратился на 18–й остров.

А по объявлению князцов, по острову по разным местам, и к лопатке к 20–му о., и вокруг острова по восточной стороне живут мохнатые только не многолюдно; у лопатки к 20–му о. по речкам и около острова в море имеется довольно трески, рямжи и палтуса.

К лопатке к 18–му о. к восточной стороне стоит над морем немалая сопка, на подножии которой хребты и камененья; да и остров весь состоит в хребтах и горах. По северной стороне по край моря имеются места и берег возле моря весь в утесах и горах. На острове в горах и близ моря прегустой камыш, тю которому в летнее время и ходить пешком невозможно; к то муж и весьма оводно. Лес на острове березник, тальник, ольховник, рябинник и кедровник, притом имеется и другой тонкий лес, подобен таловому, который, по крепости его, употребляют на разные надрбныя поделки и называется *ушаки;* да другое дерево, подобное корою бересту, только та кора против береста столь крепка, что ее употребляют, отделяя тонко, на перевивку ножей и перевязку стрел, по их обычаю, разными фигурами; та кора называется по курильски *карымпини.* Звери обыкновенные и медведей черных, по курильски – *укуюк,* довольнож, .соболи – *оика,* лисицы бурыя – *систумпнери,* сиводущатые и красныя – *яяре,* выдры – *исаман,* россомахи – *томеира,* горностаи – *тинпикруму;* нерпы и сивучи, а бобров нет. Пучек, морковнику, также коренья и трав для пищи довольно; ягод, кроме рябины неимеется.

Лучшие князцы, о коих выше объявлено, чрез перевод бывших со мною и тоеном Чупровым толмачей, лучших ясачных: 1-го острова Петра Красильникова и 2-го о. Ивана Притчина – Руача и племянника бывшаго тоена Чикина Федора Притчина – Кокомшина, чрез коих и сие описание учинено, объявлял: имеют-де они на 18-м р. ловлю морских бобров, в летнее время, гоньбою и с упромышленными бобрами; в Другое лето перегребают в байдарах на 20-й о. *Кунасыр* и даже до 22 *Аткиса*[91], куда приходят два судна японския; а ныне, в недавних годах, и на 20-й о. стало одно судно японское ходить. Суда против российских промышленных, кои они видали, не весьма велики; а на судне у них людей бывает чел. по 16 работных, да кроме их первый главный над всем, хозяин судна, или командир называемый *тоно, по* нем другой *тойтонто,* третий *шендо* (штурман) четвертый толмач – ягунчи и того 20 чел., а на иных судах бывает людей и более. Живут японцы на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов и когда, по приходе их, поторгуются, тогда и отходят обратно; а покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебряные и зеленой меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры; а из других зверей никаких не покупают и для того курильцы кроме бобров и хвостов орловых никаких больше зверей и не промышляют. По объявлению же тех князцов, **по** прочим островам уже бобров, кроме 18–го о., нигде неимеется; а только соболи, лисицы бурыя, красныя, сиводущатыя, медведи, олени, бараны, волки, горностаи на 20 и 22 островах ловятся довольно; на 22 же о. есть и лес стоячий большой: бук, лиственъ, ель, также и прочаго довольно; в речке находится рыбы разных

родов в безчисленном множестве,, а при том для пищи коренья и трав немало.

Сверх выше описанного более ничего непримечено, а что по силе данной из Большерцкой канцелярии инструкции по разным пунктам следовало исполнить и что по ним исполнено и чего неисполнено и зачем, о том в рапорте" значится имянно.

Сие описание учинено при бывших при всем вышеописанном, тоене Петре Чупрове, с переводу вышеопис. толмачей, из коих тоен и один из толмачей, Алексей Притчин, за оставкою другого на 2–м кур. о. под сим подписуготся.

(Под черным журналом тоенской подписи не имеется).

По журналу сотника Чернаго значится разстояние от 3–го до 19–го острова проливами 805 верст и по протяжению островов в длину 1,066 верст, а в каком разстоянии и величиною о. Кунашир и Аткис не показано в журнале. О последнем бывшие тогда в Иркутске японцы[53], в' дополнение донесения Чернаго, показали, 19 янв. 1772 г., что из японскаго губернскаго города Матмая, в благополучную погоду, для торгу с находящимися на том острове мохнатыми курильцами, судном перебегают в Аткис в сутки, так равно и с той гавани Аткис в г. Матмай приплывают мохнатые в байдарах с Камчатскими бобрами и прочим для торгу.

В 1770 году было позволено Тюменскому купцу Якову Никонову следовать на байдаре на дальние острова, куда доходил сотник Черный, для собирания с приведенных им в подданство мохнатых ясака и для производства промыслов. Вместе с тем ему поручено позаботится и о возвращении оставшихся своевольно на 14 острове сошлых 21 человек с их семействами.

Никонов в 1770 г. прибыл на 1-й остров и остался на нем зимовать. Взяв с собою тоена Чупрова, он отправился отсюда 17 мая 1771 г. далее, 21 Июня пристал на 13 остров, где.застал сошлых, разселившихся на 13, 14 и 15 островах, которые пришли в ужас, ожидая встретить опять Чернаго; прочие все убежали в гору, а оставшийся, Кантушка, до того объят был страхом, что едва можно было понять его речи. На 16 острове Никонов нашол артель компаний Протодьяконова 9 человек, да штурманскаго ученика Измайлова и камчадала Паранчина с женою, оставленных Беневским[54]. По прибытии на 17–й о., Никонов ушол на островок Маканрур за промыслом сивучей на корм и там нашол 8 чел. русских, приколотых, лежавших на их постелях. Заготовив корма из сивучей, он пошолна 18–й о. и 21 сентября пристал к нему в одном удобном месте. Посланные в бывшее недалеко жилье мохнатых людей там не нашли, а принесли написанное на доске, знак, чтобы артели с 16 и 17 островов, приставши на Уруп, имели осторожность потому что в компании (Протодьяконова) убиты 2 человека. Затем Никонов отправился в гавань узнать о состоянии компании.

Никонов расположился на зимовку в 25 вер. от гавани на пустом, но удобном для промысла месте[55]. Во время пребывания его на Урупе происходили больший несогласия между им и Сапожниковым, мореходом К° Протодьяконова, который запрещал Никонову производить здесь промысла бобров на том основании, что он все лето объезжал кругом остров и очистил его от,неприятелей – мохнатых. В 1772 г. Никонов ушол на остров Маканрур для промыслов сивучей, чтобы не умереть с голода. Ва ним туда затем же прибыл и Сапожников. Отсюда Никонов прошел далее и зимовал на 13 – м острове. Здесь сошлые, 34 человека, заплатили ясаки Никонову и провожали его с своими семействами до 7 – го острова. На приглашение его возвратиться на родной свой 2-й остров, привыкшие уже издавна жить на свободе и большею частию непросвещенные св. крещением, они несогласидись.

Такими событиями мы заключим начальный период обследования Курильских островов. Правительство довольно теперь познакомилось с состоянием островов, служивших театром действий для посылавшихся туда случайных агентов, и могло уже, в замене неважных попыток, приступить к более смелым предприятиям.

Новый период начался тем, что Иркутский губернатор, генерал-поручик Бриль, при отправлении в Камчатку назначеннаго главным командиром премьер–майора Бема, в данной ему 28 ноября 1772 года, инструкции, пункт 28, предложил:

Когда он в определенное место прибудет и вступит в распоряжение краем, то, между прочими попечениями, неупустил бы случая для дбстоятельнаго проведания и описания всех Курильских островов, а в случае и Японских – отправить секретно одно партикулярное[56] небольшое судно. На нем идти, под видом промыслов, до последняго Курильскаго жилья *Аткис,* а если возможно, и до *Матмая,* японскаго города и других берегов соседних Курильским; на судно определить одного знающаго навигацию и толмачей, бывших с Черным; в инструкции им написать – описывать нравы жителей, положение островов, реки, леса и звериные и рыбные промысла на них и составить карту островов; а при сношении с японцами, узнать – какие им нужны российские товары и вещи и какие можно получать от них; не возможно ли сделать договора об обоюдном торге и установлении цен товаров, чрез что бы возъиметь дружеское с ними сношение; мохнатых и других приводить в подданство и не согласятся ли они отпустить одного в Россию для узнания российских обычаев, котораго держать в признании.

При инструкции приложена карта Курильской гряды.

Не смотря на все старание, Бем долго не мог отыскать желающих совершить такое предприятия. Наконец вызвался на то Якутский купец Лебедев–Ласточкин[57]. В 1774 г. он закупил в

Охотске потребные на такое предприятие материалы и отправил их в Камчатку на казенном транспорте «Екатерина». Судно подверглось крушению на Камчатском берегу, причем погиб и весь груз Лебедева на 10 т. р. и дело затруднилось от того./По настоятельному однакож убеждению Бема не оставлять предприятия, Лебедев, пригласил в участники Рыльского купца Гр. Шелихова[**], купил у компании купца Мухина,судно «Николай», исправил его и укомплектовал людьми, такелажем и товарами,- решил отправить его в секретную экспедицию и для промыслов на Курильские острова. В судне определено 45 паев валовых" и кроме того один на церковь и один на счастие генерал–адмирала. Сибирский дворянин Антипин, (знавший японский язык, назначен по прошению Лебедева – Ласточкина переводчиком со стороны компании и во всем секретном вояже начальником.

Команду бота составляли: Антипин и ученик японскаго языка Очередин, назначенные для толмачества при свидании с японцами, штурманский ученик Путинцов[100], боцман и 3 матроса для успешнаго плавания и 45 рабочих, в том числе 21 камчадал и один алеут. За урядника при Антипине, как в исполнении секретнаго поручения, так и в доставлении выгод компании, дан нарочно на судно Большерецкой команды капрал Иван Осколков, человек трезвый и грамотный, на том основании, «что в случае отсутствия, или смерти Антипина Очередин, по слабости разсудка, далеко неспособен вести дело, да и обязанности переводчика снести не может; а Путинцов охотник до шумственной (?) страсти, по привычке охотских морских служителей, в которых вкоренилось неумеренное невоздержание перед глазами начальства, а кольми паче в отдалении; у мохнатых же и японцев есть пьяные напитки и потому Путинцов и Очередин не оставят там. своей страсти». Бем приводит при этом в примере поступки боцманмата Сапожникова на о. Урупе в 1770 – 72 г. и разбитие шлюпа «Екатерина» в 1774, бывшаго под предводительством лучшаго штурмана Должантова, где пропало у Лебедева товаров на 10 т. р. От того он едва нашел средства снарядить ныне судно «Николай», что пригласил в компанионы -фелихова и при пособии самого Бема, в секретарской должности Батурина и подлекаря Робена. Этот откровенный отзыв Бема, рыцаря чести и прямодушия, был причиною возникших затем разных неудовольствий между ним и Охотским начальником[101].

Перед отправлением бота «Николай» в море, Бем нарочно прибыл из Большерецка в Петропавловскую гавань и 8 июня 1775 г. вручил Антипину следующую инструкцию:

1). Антипину принять в управление судно с артиллериею, припасами, снарядами, товарами, подарочными вещами, а мореходу и прочим находиться в полном его ведении;

2). Приготовить нужное к походу как в судне, так корма и воду, чтобы дойти прямо до дальних островов;

3). При первом ветре отправиться из Петропавловской гавани и следовать прямо на 18 курильский остров, не приближаясь к ближним, коих положение на карту и описание сделано будет в свое, время;

4) Приходя на острова, принимать все средства к сохранению людей,от нападений и под смертною казнию не обижать диких, как происходило на Алеутских островах от разных компаний;

5). На зимовке, или стоянках на якоре иметь Антипину, Путинцову и боцману, казаку Сермину, след. осторожность': а), быть готовым к отражению нападений, б), без осмотра байдарою гавани и способости грунта, судном к берегу не подходить, с), при осмотре берегов на 18 и других островах, с елбота выходить осторожно, чтобы не попасть в засаду, д). людей съезжающих с судна на берегу не оставлять, е). по находке гавани и узнания фарватера, поставивши судно на зиму, построить вблизи его на берегу возможную крепость, где быть всегда караулу;

6). Для разведывания о жителях посылать из защиты (крепость) по острову рабочих вооруженных; при свидании с дикими обходится ласково, ничего не требовать, не отнимать как компания Протодьяконова; но приласкать подарками, или съестными припасами, или товарами и когда приобыкнут и ознакомятся с русскими, тогда только посылать своих за промыслами; но чтобы промышленные; во время нечаянной встречи с островитянами, не надеялись на свою храбрость и безстрашие, но обходились с ними по совести; на промысла посылать половину людей, а^ другая должна оставаться при судне, чтобы не обезсилить ни той, ни другой стороны и не обнажить для нападения диким. При постоянной осторожности, узнать, какой народ на 18 – мо., постоянный ли, или приезжие, образ их жизни, а по острову какия реки, озера, леса, промысла, грунт земли, произрастения для пропитания – ягоды, коренья, травы, – гавани для отстоя судов, мысы, хребты, подводныя камни около острова и вообще все достойное замечания; наипаче же не найдется ли способное и от нападений безопасное место для построения крепости и основания русскаго поселения, для чего довольно ли леса, в каком разстоянии от крепости море, реки и озера; последнее внести в журнал со всею точностию.

7). Убедившись, что от жителей не может быть нападения и когда они станут приходить для торговли, для порядочнаго с ними поведения Антипину с Путинцовым, одним из мохнатых, знающим обхождение и разговор и одним из сошлых, по их желанию, без принуждения, следовать нынешняго лета байдарою на 19 – й о. где живут мохнатые; а при судне оставить капрала Осколкова, поручив ему в полную команду рабочих, имущество и оставив у него инструкцию.

(Окончание в следующем номере).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современное название – о. Хоккайдо.

2. Со времени экспедиции Ж. Лаперуза в географической литературе за восточными окраинами Сибири закрепились названия Татария или Татарский материк.

3. По Симодскому договору 1855 г. Япония получила от России южную часть Курильской гряды до Итурупа включительно.

4. По современным геологическим представлениям, Курильские острове являются звеном гигантской японо – курило– камчатской вулканической цепи.

5. Имеется в виду бухта Алеутка на о. Уруп.

6. Современное название – р. Тухарка на о. Парамушир.

7. По современным геологическим представлениям, образование водопадов связано с рельефом местности, который на Курильских островах обусловлен тектоническими и вулканическими процессами.

8. Это не совсем верно, т. к. многие реки на Курильских островах являются нерестовыми.

9. В круглых скобках приведены, по–видимому, айнские термины. Сладкая трава – это, скорее всего, борщевик.

10. Мнение о пригодности Курильских островов к землепашеству было довольно широко распространено в документах и литературе XVIII – XIX вв. В настоящее время Курилы относятся к так называемой зоне рискованного земледелия, и только энтузиасты занимаются там разведением огородных культур.

11. По инициативе Главного правителя русских владений в Америке Ф. П. Врангеля из Ново – Архангельска (г. Ситка) в поселения Российско – Американской компании на Курильских островах (Уруп, Симушир, Шумпгу| были посланы семена огородных и пропашных культур.

12. В настоящее время на Курильских островах волки не водятся.

13. Тарбаган – сибирский сурок (Marmois bobak).

14. В конце 20 –х годов XIX в. морские бобры (каланы) снова в большом количестве появились на центральных и северных островах гряды.

15. Ара – камчатская морская гагара (Columbus (Urla?) Troile).

16. Антипин Иван Михайлович – сибирский дворянин, служил передовщиком в компании П. С. Лебедева–Ласточкина – Г. И. Шелихова. Неоднократно посещал Курильские острова. Собирал естественно – научную коллекцию по заданию Российской Академии наук. Звание «сибирский дворянин* присваивалось сибирским губернатором за заслуги и не являлось потомственным. Дети сибирского дворянина должны были досуживаться до него самостоятельно.

17. В настоящее время рудопроявления золота обнаружены на многих островах. Наиболее значительные - на Кунашире и Урупе.

18. А С. Полонский базируется, по-видимому, на теории Л. Шренка о палеоазиатском происхождении айнов.

19. Имеется в виду, по-видимому, информация В. Атласова.

20. Новейшие исследования показывают, что, скорее всего, айны на юге Камчатки никогда не жили, и правомерно говорить только о влиянии айнской культуры на культуру ительменов южной Камчатки.

21. Камчадалы – бытовавшие *в* XVII) в. общее название камчатских народов.

22. Речь идет, по – видимому, об ительменах, под давлением русских пйреселившихся с Камчатки на северные Курильские острова и положивших начало метисацнн айнского населения.

23 Кожаные беспалубные лодки.

24. Имеются в виду периодически происходившие восстания местных жителей Камчатки против русского ига.

25. Имеется в виду информация японского купца Денбея. сообщенная В. Атласову и неоднократно цитированная в литературе.

26. Так. в конечном итоге, ужо в XX веке и произошло.

27. Здесь автор, скорее всего, не прав, т. к. происхождение японских халатов восходит к древней айнской традиции.

28. Примитивная ловушка.

29. КоекЧучи – особая категория мужчин в племени, предназначенных для гомосексуальных отношений.

30. Аманат – общесибирское слово, означающее «заложник».

31. Имеется в виду экспедиция сотника И. Черного.

32. Имеются в виду походы М. П. Шпанберга и В. Вальтона в составе второй Камчатской экспедиции В. И. Беринга.

33. Имеется в виду японское парусное судно типа джонка.

34. Описание Курильских островов, составленное И. Козыревским с чужих слов и в тройном переводе (с японского – на айнский, с айнского языка – на ительменский и на русский) довольно примитивно и изобилует вполне объяснимыми неточностями. В описание вошли 15 островов, включая Матмай:

грядковый вание)	Айнское название	Современное название
1	Шумшу	Шумшу
2	Парамушир	Парамушир
3	Мушю или Аникутан	Онекотан
4	Арамакутан	Харимкотан
5	Сияскотан	Шиашкотан
6	Шококи	Райкоке
7	Мотою	Матуа
8	Шатово	Расшуа
9	Ушишур	Ушишир
10	Китуй	Кетой
11	Шимусир	Симушир
12	Итуруп	Итуруп
13	Уруп	Уруп
14	Кунашир	Кунашир
15	Матмай	Хоккайдо

Таким образом, часть мелких и необитаемых островов, лежащих преимущественно в стороне от продольной оси Курильского архипелага, в общий счет не вошли, в том числе и остров Атласова с вулканом Алаид, который, по представлениям айнов, к Курильскому архипелагу не относился, так как «перешел» туда с Камчатки.

Козыревский Иван Петрович (1680-1734). Родился в Якутске, активный участник казачьего мятежа на Камчатке в 1711 г. Совершил два похода на Курильские острова (1711, 1713 гг.). В 1716 г. постригся в монахи. Умер в 1734 г, в московской тюрьме. См. подробнее: Колумбы земли Русской. Хабаровск, 1989. С. 255.

35. Левкашенная посуда – черно– или красно – лаковая посуда из дерева, японского производства.

36. Имеется в виду курильский бамбук.

37. Езо (Иесо) – в вольном переводе – дикий.

38. Имеется в виду город Мацмай (Мацумаэ) – центр одноименного феодального княжества на юго-западном побережье о. Хоккайдо.

39. Имеется в виду голландская экспедиция под руководством М. Г. Фриза на кораблях «Кастрикум» и «Брескенс».

40. Инструкция, написанная лично Петром I.

41. Юго-западное направление.

42. Рухлядь – пушнина.

43. Крупное айнское селение на восточном побережье о. Хоккайдо - центр меновой торговли хоккайдских и курильских айнов.

44. По–видимому, в этот период времени русские уже насчитывали в составе Курильской гряды 22 острова, и Симушир имел порядковый номер 16. Эта нумерация существовала на протяжении всего XVIII и первой четверти XIX века.

45. И –оцам – возможно, о. Сахалин.

46. По –видимому, в тексте опечатка. Следует читать «Новиков».

47. Скамповейки или чайки – небольшие лодки-дощаники, пригодные для плавания в прибрежных районах.

48. Тухурки – современное название реки Тухарка на океанском побережье о. Парамушир.

49. В районе современного поселка Головнино.

50. В районе современного мыса Этолина.

51. Имеется в виду оз. Токо.

52. Квитанция об уплате ясака.

53. В тексте, по – видимому, опечатка. Следует читать: «...от самой Камчатской лопатки...»

54. В полуденную сторону – в южную сторону.

55. 18 – о. Уруп; 19 – о. Итуруп; 20 – о. Кунашир; 21 – по –видимому, Шикотан; 22 – о. Хоккайдо.

56. Имеется в виду бухта Алеутка на океанской стороне о. Уруп.

57. О. Маканрур – современное название – о. Броутона.

58. Современное название вулкана – Чикурачки.

59. Петту – протока, вытекающая из оз. Лебяжьего.

60. Координаты о. Атласова – ш. 50°52', д. 155°351'.

61. Современное название – о. Атласова.

62. Заимствуя данный сюжет из описания Курильских островов Г. Стеллера или С. Крашенинникова, А. Полонский, по – видимому, ошибся. В центре Курильского озера находится только один остров, современное его название Сердце – камень.

63. Как указано выше, в журнале И. Черного опущено описание 1 и 2 островов (Шумшу и Парамушира). Далее следует оригинальный текст с описанием Курильских островов:

Русский порядковый номер	Айнское название	Современное название
3	Ширинки	Анциферова
4	Макан рур асы	Маканруши
5	Аннакутан	Онекотан
6	Аромакутан	Харимкотан
7	Сыаскутан	Шиашкотан
8	Икарма	Экарма
9	Чиринкутан	Чиринкотан
10	Муссыр	скалы Ловушки
11	Ракхохкко	Райкоке
12	Мутова	Матуа
13	Расагу	Расшуа
14	Усасыр	Ушишир
15	Кетой	Кетой
16	Симусир	Симушир
17	Чирпой	Черные братья
18	Уруп	Уруп
19	Эторпу	Итуруп

64. Здесь и далее А. Полонский в скобках приводит более точные расстояния между географическими объектами, почерпнутые, по – видимому, из лоции.

65. Координаты пика Креницина – ш. 49°21', д. 154°45'.

66. Так в тексте.

67. Координаты южной оконечности о. Харимкотан – ш. 49°41', д. 154°33'.

68. Координаты о. Матуа – ш. 48°05', д. 153°12'.

69. Барабора – в данном случае – полуподземноа зимнее жилище айнов. Аналог более часто употребляемому в тексте А. Полонского термина «юрта».

70. Гуси на Курильских островах встречаются только весной и осенью на пролете.

71. Имеются в виду термальные источники, солыратары и фумаролы.

72. Здесь, скорее всего, приводятся данные мифологического характера.

73. Имеется в виду вулкан Горящая сопка с координатами – 46°48', д. 151°47'.

74. Бухта Душная находится на ют – восточном побережье о. Симушир.

75. Координаты бух. Броутона – ш. 47°09\ д. 152°15".

76. На самом деле – около 35 миль.

77. Имеется в виду полуостров Лапка на о. Северный Чирпой.

78. Имеется в виду бухта Песчаная на о. Северный Чирпой.

79. На о. Брат Чирпоев пресной воды нет.

80. Имеется в виду о. Броутона.

81. Имеется в виду озеро Токо.

82. Имеется в виду вулкан Колокол.

83. Имеется в виду бухта Красных скал и острова Близнецы.

84. Имеется в виду зал. Наталии или зал. Смуглый.

85. Имеется в виду рейд Открытый.

86. Имеется в виду зал. Щукина.

87. Имеется в виду пролив Фриза.

88. Имеется в виду полуостров Чирип с вулканами Богдан Хмельницкий и Чирип.

89. Имеются в виду озеро и река Славная.

90. Возможно, имеется в виду одна из бухт в заливе Простор.

91. Возможно, имеется в виду бухта Оля в заливе Простор, в районе современного пос. Рейдово.

92. Аткис - современное название Аккеси, на юго – восточном побережье о. Хоккайдо.

93. Имеется в виду персонал Иркутской школы переводчиков японского языка, основанной в июле 1754 года и существовавшей до 1836 года.

94. Беневский – Бенёвский Морнц Август – руководитель бунта на Камчатке в 1771 году. На захваченном судне следовал вдоль Курильских островов в Японию и далее – на о. Мадагаскар. На Симушире, в бух. Броутона, он высадил трех человек, отказавшихся продолжать плавание с бунтовщиками.

95. Предположительно, в районе мыса Хива.

96. Партикулярное – частное.

97. Лебедев – Ласточкин Павел Сергеевич (ум. 1800) – якутский купец, глава торгово-промышленной компании, конкурент, а впоследствии – компаньон Г. И. Шелихова.

98. Шелихов Григорий Иванович (1746?, 1747?, 1748? - 1795) - купец г. Рыльска Курской губернии, участник и совладелец нескольких купеческих компаний (1790–1794), послуживших основой для создания Российско-Американской компании в 1799 г.

99. Паем русские называли прибыль, которая не покупалась, не продавалась и не представляла собой части капитала, а, скорее, являлась частью конечной добычи компании – мехов, пушнины. Были два вида паев: валовый, или основной, и Суховой. См. подробнее: «Русская Америка в «записках» Кирилл Хлебникова» (комментарии и указатели С. Г. Федоровой). М., 1985. С. 266.

100. Путынцов – Путинцев Федор, умер во время зимовки на о. Уруч 6 января 1780 г.

101. Бем, Магнус Карл – главный командир Камчатки в 1773–1799 гг., впоследствии казначей Коллегии иностранных дел.

Последний бой крейсера «Новик»

В этом году исполняется 90 лет со дня одного из самых ярких и героических событий в истории нашего острова – подвига в заливе Анива крейсера II ранга «Новик» 7 августа 1904 года. Его не зря называют сахалинским «Варягом». Во время боя 28 июля 1904 года в Желтом море, когда русская эскадра из Порт-Артура пыталась пробиться во Владивосток, «Новик» сумел прорваться сквозь строй японских кораблей и уйти от преследования. Зайдя на бункеровку в пост Корсаковский на Сахалине, крейсер встретился здесь с двумя японскими боевыми судами. С честью выдержав бой с одним из них, экипаж «Новика» решил затопить имевший серьезные повреждения крейсер, но не сдавать его в руки врага.

Гибель крейсера «Новик», бывшего в то время одним из самых боевых и известных судов российского флота, болью отозвалась в сердцах россиян. Для Сахалина же, слабо подготовленного к обороне, трагическая участь крейсера имела большое значение, так как корабельная артиллерия и часть экипажа «Новика» (45 человек) принимали самое активное участие в отражении японского десанта в июле 1905 года.

Предлагаемые ниже материалы являются фрагментом выпущенной в 1908 году в Санкт-Петербурге книги «На крейсере "Новик". Дневник лейтенанта А. П. Штер». Их автор, лейтенант Андрей Петрович Штер, до последнего боя крейсера служил на нем артиллеристом. В своих воспоминаниях он рассказывает об участии крейсера «Новик» в обороне Порт-Артура, его последнем бое в заливе Анива и дальнейшей судьбе его команды. Книга была издана уже после смерти автора – А. П. Штер был убит матросами во время революционных событий во Владивостоке в 1907 году.

Эта давно уже ставшая библиографической редкостью книга, конечно же, не претендует на полноту и объективность описания. Написанная «по горячим следам», она интересна прежде всего тем, что раскрывает «вид с палубы» на далекие события их непосредственного участника, и, отсюда, своей документальностью. Очевидно, именно это обстоятельство послужило причиной того, что дневник лейтенанта был переиздан в 1913 году во Франции. В России же книга больше не издавалась, и, думается, сахалинский читатель с интересом прочтет «сахалинские странички» дневника лейтенанта А. П. Штера.

Вступительная статья и примечания И. А. Самарина.

А. П. Штер

Конец "Новика"

В то время как броненосцы, после неудачного боя 28 июля, повернули в Артур, нами был замечен сигнал на крейсере I ранга «Аскольд», гласивший «Следовать за мной». Принадлежа к крейсерскому отряду, мы тотчас же вступили в кильватер «Аскольду», совершенно не зная его намерений. Обойдя кругом нашей эскадры, «Аскольд» дал полный ход и бросился по направлению к японским миноносцам, которые в громадном количестве начинали стягиваться к месту боя, как хищные птицы, почуявшие падаль. При нашем приближении миноносцы бросились врассыпную, но на их место спешили японские крейсера. Насколько мне помнится, справа от нас находился один крейсер 1 ранга, а слева 5 или 6 крейсеров разных типов – вот между ними «Аскольд» и выбрал дорогу.

Солнце садилось, темнота наступала довольно быстро, что, конечно, способствовало прорыву, но силы были слишком неравные, чтобы можно было надеяться на благополучный исход.

Крейсера «Диана» и «Паллада» пытались следовать за нами, но, обладая гораздо меньшим ходом, очень быстро отстали. Удачный залп «Аскольда» заставил отойти находившийся справа крейсер 1 ранга, который тогда же прекратил преследование, остальные же крейсера гнались за нами до полного наступления темноты, все время осыпая наш путь снарядами. Обычное счастье продолжало нам сопутствовать: ни один снаряд не нанес нам серьезных повреждений, хотя расстояние до неприятеля было чрезвычайно мало. Осколками разорвавшегося снаряда убило двух матросов и ранило доктора, который из любопытства вышел на мостик полюбоваться на это редкое состязание в скорости, продолжавшееся около часа.

С облегчением стали мы, наконец, замечать, что японские крейсера не в состоянии следовать за нами и что расстояние, хотя и медленно, но увеличивается, а затем наступившая темнота окончательно скрыла нас от погони.

Прорыв этот был, так сказать, лебединою песней «Новика». Надо сказать, что сложные современные котлы требуют очень внимательного ухода, постоянной тщательной чистки, а кроме того, имеют определенный срок службы, сравнительно очень небольшой, по окончании которого необходимо менять в котлах трубки, а их насчитывают тысячи. На крейсере «Новик» котлы к началу войны уже кончали свой срок службы и требовали существенного ремонта, между тем за 7 месяцев в Артуре нам с трудом, изредка, удавалось отвоевать какие-нибудь сутки для самых неотложных исправлений. Почти все время «Новик» держали под парами или в полной готовности их развести. Конечно, это являлось необходимым в силу обстоятельств, но тем не менее котлы с каждым днем разрушались все более и более.

Последний прорыв, когда пришлось дать самый полный ход, чтобы вырваться из неприятельского круга, окончательно надорвал котлы, и с этого момента начинается медленная агония «Новика», для которого ход был – все. Скрылись мы в темноте от неприятеля совершенно своевременно, так как пришлось остановить машины для прекращения течи в холодильниках.

«Аскольд» в это время скрылся из виду, предоставив нам действовать самостоятельно, хотя мы и просили его сигналом подождать. Офицеры «Аскольда» утверждали, что они этого сигнала не видели (1).

Чтобы продолжать путь к Владивостоку, нам необходимо было зайти куда-нибудь принять уголь. Эта необходимость многих приводила в недоумение, и мне часто задавали вопрос, как могло случиться, что на «Новике» оказалось мало угля, когда он только что вышел из Артура; кто-то обвинял даже командира в непредусмотрительности, а между тем объясняется это очень просто.

В Артуре, перед выходом в море, был погружен полный запас угля, что составляет 500 тонн: запаса этого хватает с небольшим на одни сутки полного хода – с момента выхода из Артура прошло более 15 часов, из которых половину надо считать на долю полного хода. Отсюда нетрудно вывести, что угля у нас оставалось недостаточно, чтобы идти во Владивосток. Для среднего (экономического) хода, при котором расход угля в 10 – 12 раз меньше, его бы, может быть, и хватило, но мы должны были рассчитывать встретить неприятеля, в каковом случае понадобилось бы снова давать большой ход.

Итак, необходимо было принять уголь: командир решил зайти к ближайшим соседям – немцам, у которых мы могли встретить радушный прием. Подошли мы к Кяо-Чау (2) к вечеру и, по исполнении необходимых формальностей, приступили к погрузке: грузили уголь всю ночь, но все-таки полного запаса принять не успели, так как нам надо было до восхода солнца выбраться в открытое море.

На рассвете мы были уже далеко от Кяо-Чау, направляясь кругом Японии во Владивосток, так как Корейский пролив был занят японскими судами, переговоры которых по беспроволочному телеграфу мы долго принимали на свой аппарат.

Переход этот был самым неприятным воспоминанием за всю войну: десять дней неизвестности и ожидания, десять дней полной готовности и днем и ночью вступить в бой, при сознании, что угля может не хватить до наших берегов и что придется, может быть, остаться в беспомощном положении среди океана или выбрасываться на японский берег.

Странным может показаться эта неизвестность. Казалось бы, на военном корабле должно быть точно известно, сколько может быть израсходовано угля, сколько его осталось и какое расстояние можно пройти с имевшимся запасом. Все это так, но после 6 – 7 месяцев постоянного напряжения механизмов и котлов все данные настолько изменились, что определить свое положение точно стало совершенно невозможным. Для примера скажу, что при произведенных испытаниях крейсера «Новик», в начале его службы, было определено, что при среднем экономическом ходе расходуется около 30 тонн угля в сутки: при таком расчете, идя 10 –узловым ходом, угля должно было за глаза хватить до Владивостока. Можно себе представить наше неприятное изумление, когда в первые сутки было истрачено 50 тонн, на вторые – 55, на третьи – 58: при таком расходе мы должны были оказаться без угля, подходя к северным японским берегам.

Я не берусь точно объяснить причину такого явления, но по отзывам нашего механика понял, что расход угля увеличивается в зависимости от увеличения расхода пара, что, в свою очередь, произошло от изношенности механизмов и котлов (3). Исправить это в море было немыслимо, и вот мы 10 дней находились под дамокловым мечом: дойдем или не дойдем? Приняты были все меры, чтобы уменьшить расход угля: прекратили действие всяких вспомогательных механизмов, вентиляторов, динамо-машин и т. п., жгли в топках мусор, смешивая его с масляной краской, паклю с маслом, различные деревянные части, одним словом, изобретали всевозможные способы довести крейсер до русских берегов. Кто –то предложил даже высадить десант на остров Иезо –Мацмай (4} и нарубить дров. Вначале явилась злость на изменившую нам фортуну, потом ее сменила полная апатия - все валялись по разным углам, терпеливо ожидая своей участи, вся работа ложилась только на механиков.

Для сокращения пути держались возможно ближе к берегам Японии: прошли в виду Токио, ожидая, что нас заметят и вышлют погоню, встречались с коммерческими пароходами, но останавливать их, дабы отнять уголь, под самым берегом Японии было бы безрассудно. Это было возможно, пройдя Сангарский пролив, но там мы уже ни одного парохода не встретили.

Забыл я упомянуть про нашу встречу в океане с крейсером «Диана», который шел с миноносцем, пробиваясь из Артура. Увидев в море два дыма, мы приготовились к бою, но затем, узнав свой миноносец, пошли к нему навстречу. Командир наш приказал передать на «Диану», что мы идем во Владивосток, и предложил идти совместно, но на это предложение ответа мы не дождались – «Диана» вместе с миноносцем скрылась на юге (5).

Не могу не вспомнить по этому поводу статьи в одной из южных газет некоего господина Парфенова, который обвинял командира «Новика» за то, что тот «посмел» идти во Владивосток на таком слабом крейсере, а не укрылся, подобно некоторым судам, в одном из иностранных портов для того, чтобы разоружиться. Мы имели полную возможность остаться в Кяо – Чау, под защитой немцев, но подобный исход не только командиру, но и никому из нас даже в голову не приходил потому, что мы считали позорным прятаться от врага, как цыплята под крылышко матери: даже больше, считали подобный поступок нисколько не лучше сдачи, так как в большинстве случаев сдаются врагу при очевидной невозможности бороться, тут же, то же признание своего бессилия, та же сдача, только не лицом к лицу с неприятелем в открытом море, а в спокойном и тихом порту нейтральной державы.

Адмирала Небогатова будут судить за сдачу эскадры (6), а по –моему первыми надо судить тех, кто позорно бежал от сражения и спрятался где –то на Манилле. Мы все искренне возмущались, как повернулся язык у господина Парфенова обвинять командира «Новика» за то, что он не пошел на такой компромисс, а решил честно выполнять приказание *Государя Императора* – идти во Владивосток.

Дойти нам не было суждено. Судьба, покровительствовавшая «Новику» в течение семи месяцев, по –видимому, отвернулась, но совесть у командира и экипажа чиста: было сделано все возможное.

Подходя к Курильским островам, выяснилось, что угля может хватить только до поста Корсаковского (на юге Сахалина), где придется пополнить запас.

Утром мы должны были проходить мимо японского маяка на одном из Курильских островов. Проходить мимо него при дневном освещении было очень рискованно, так как маяк соединен телеграфом со всей Японией: ожидать же в море наступления темноты не было возможности из – за того же угля. Поневоле надо было выбирать первое: маяк был покрыт густым туманом, но как только мы подошли к нему ближе – туман

сразу рассеялся, и мы очутились на виду, как на ладони (7). Понятно, с маяка сообщили о нашем проходе куда следует, и за нами была выслана погоня (8).

В Корсаковке (так в тексте. – И. С.) немедленно приступили к погрузке угля: приготовленного, конечно, не было, приходилось подвозить его на пристань в телегах, нагружать на баржи, а затем снова перегружать уже на судно, я был послан руководить погрузкой на берегу. Не могу описать достаточно ярко то радостное чувство, которое охватило меня при съезде на берег после 10-дневного томительного перехода очутиться на берегу, на своем, русском берегу, с сознанием, что большая часть задачи уже выполнена, с надеждой, что через несколько часов мы будем на пути к Владивостоку, уже без опасения быть запертыми, все это наполнило меня каким–то детским восторгом. Роскошная природа южного Сахалина еще больше способствовала этому настроению, команда, видимо, испытывала те же ощущения, потому что все весело и энергично принялись за грязную работу погрузки угля.

Работа близилась к концу, оставалось дослать только две баржи, как вдруг доложили мне, что с крейсера по семафору получено приказание немедленно прекратить работы и возвращаться на корабль, так как аппарат беспроволочного телеграфа принимает японские депеши; сразу точно что–то оборвалось внутри, мелькнуло сознание чего–то безвыходного, и настроение, надо сознаться, круто переменилось из радостного в высшей степени угнетенное. Очень не хотелось покинуть этот уютный и веселый на вид уголок, чтобы пуститься в такое сомнительное предприятие, как бой с неизвестным пока противником. Если слышны японские телеграммы, то ясно, что неприятель не один, тогда ему не с кем было бы. разговаривать, а сколько и кто именно? Все японские крейсера даже в одиночку сильнее «Новика», а тут еще полного хода дать нельзя, так как в двух котлах лопнули трубки. Залив Бенива (9), в глубине которого расположен Корсаковск, имеет вид мешка: из него трудно благополучно выскочить. Несомненно, близилась развязка.

Пока такие невеселые думы бродили в голове, команда уселась в баркас, и через несколько минут мы были уже на крейсере, который тотчас же снялся с якоря и пошел навстречу дымку, показавшемуся на горизонте.

Тяжелое ощущение решительной минуты, видимо, подействовало на всех: не слышно было обычных шуток, все сосредоточенно делали последние приготовления к бою и напряженно всматривались в приближавшегося неприятеля, стараясь определить, какого противника нам придется иметь. В скором времени удалось уже настолько рассмотреть его, чтобы определить тип: оказался один из крейсеров «Ниитака» или «Тусимо», на котором по шести орудий в 6 дюймов и 10 по 75 мм (10), тогда как у нас было всего шесть орудий по 4,7 дюйма, что составляло довольно невыгодное для нас соотношение, в особенности при сознании, что в Лаперузовом проливе стоит еще один крейсер, если не больше. Дали возможно больший ход и быстро стали сближаться: уже хорошо стал виден весь крейсер, видны были простым взглядом надстройки, в бинокль можно было рассмотреть людей, японский крейсер повернул и пошел на пересеку – блеснул огонек, на который мы разом ответили всем бортом, – завязался бой.

В начале, как всегда, были перелеты, затем снаряды стали ложиться ближе и, наконец, раздался первый тревожный крик: «Пробоина в каюте старшего офицера!» Назначенные люди с инструментами бросились заделывать, насколько возможно, повреждение, но в это время уже неслись возгласы: «Пробоина в жилой палубе! Пробоина в кают–компании». Людей разделили в разные места, орудия между тем продолжали действовать безостановочно, и снаряды наши ложились достаточно правильно. Уже нами было получено несколько пробоин, но не в жизненных местах, жертв еще не было, когда из машины передали неприятное известие, что еще в двух котлах лопнули трубки, ход сразу уменьшился, невольно в груди закипала бессильная злоба, подкатывалась клубком к горлу и разражалась грубыми ругательствами. Против кого была эта злоба – отчета я себе не давал, но старался излить ее на противника. Небольшого калибра снаряд упал на корму, убил комендора юсового орудия, разорвал его почти пополам и тяжело ранил двух человек из прислуги. «Началось!» – пронеслось в голове. «Сейчас будет моя очередь». А между тем язык по привычке продолжал отдавать необходимые приказания. Комендор орудия противоположного борта сам прибежал заменить убитого и, расставив ноги над его трупом, хладнокровно посылал один снаряд за другим, стараясь отомстить за смерть товарища.

За спиной у меня раздался страшный взрыв, в ту же секунду я почувствовал удар по голове и сильнейшую боль в боку, дыхание захватило, и первое впечатление было, что у меня вырвало кусок бока, так что я начал осматриваться, куда удобнее будет падать, через несколько времени дыхание возвратилось, и только тогда я заметил, что ранен в голову, а бок только контужен, кругом меня лежали убитые и стонали раненые, барабанщик рядом, держась за голову, плачевным голосом доложил: «Ваше Высокоблагородие, у Вас мозги вылезли». Это

меня заставило даже рассмеяться: вряд ли бы я мог стоять, если бы у меня мозги полезли, на всякий случай пощупал рукой, попал, действительно, во что–то теплое и мягкое, должно быть, сгусток крови, но так как особенной боли не чувствовал, то перетянул голову платком и начал подбирать раненых. Этот снаряд сразу выхватил десять человек.

В это время сообщили, что получена серьезная пробоина в рулевом отделении, крейсер сильно сел на корму и накренился, механик прислал сказать, что еще два котла выведено, итого уже шесть котлов были приведены в бездействие, ход уменьшился больше чем на половину. Становилось ясным, что уйти не удастся, а тут еще из рулевого отделения передали, что вода быстро прибывает и рулевая машина не может действовать. Без руля же крейсер не только что сражаться, но и ходить не может. На корме почти все снесло, кормового мостика точно не существовало, его окончательно разметало. Только орудия, по счастью, не были тронуты и продолжали по-прежнему поддерживать быстрый огонь, из кормовой прислуги остались целыми всего два или три человека, так что заменять приходилось первыми, попавшимися под руку.

К удивлению нашему заметили, что неприятель, вместо того, чтобы еще упорнее поддерживать бой, видя наше не совсем исправное состояние, начал быстро уходить в море и прекратил огонь (11) у послали ему вдогонку еще несколько снарядов и, управляясь одними машинами, повернули обратно в Корсаковск, чтобы осмотреться.

Вода быстро наполняла кормовые отсеки и появилась уже в кают–компании. Мы настолько не были уверены, что дойдем с нашими повреждениями до Корсаковска, что держались возможно ближе к берегу, чтобы легче было спасать команду.

В Корсаковске стали на якорь, осмотрели повреждения и пришли к заключению, что спасти крейсер нет никакой возможности. Пробоины были настолько велики и многочисленны, что за ночь их не только что зачинить не поспеешь, но даже воду из отсеков не удастся откачать, тем более, что в Корсаковске нет для этого никаких средств, а свои или затоплены, или повреждены. Напомню, что в Артуре одну пробоину, полученную нами 27 января, чинили в доке, при спешной работе мастеровыми, десять дней. В таком виде вступать в бой не было возможности, уйти также, тем более, что в проходе сторожили японцы со свежими силами. Свет их прожекторов мы видели всю ночь. Оставался один исход: затопить крейсер, вернее, носовую часть, так как кормовая была почти под водой.

Погрузили крейсер на дно, на мелком месте (12), потому что мы находились в нашем, русском порту и думали, потребовав средств из Владивостока, поднять его впоследствии и исправить. Не могли же мы предполагать, что по Портсмутскому договору южная часть Сахалина, вместе с «Новиком», будет передана японцам!

К утру команда была свезена на берег, а от крейсера видны были только трубы и верхние надстройки.

Жаль было видеть «Новик» таком беспомощном положении, но что делать: потерял «Новик» свой ход в непрестанной работе - укатали Сивку крутые горки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крейсер «Аскольд» был интернирован и разоружен 30 июля в Шанхае.
2. Иначе – Циндао, военно-морская база Германии в Китае.
3. Большой перерасход топлива обуславливался также отсутствием на главной машине разобщительной муфты. Из–за этого, даже идя экономическим ходом, корабль «вхолостую» вращал все винты (при работе только одного), это приводило к перерасходу угля на 20 – 30%.
4. Остров Хоккайдо.
5. Крейсер «Диана» был интернирован и разоружен 28 августа в Сайгоне. Бывший с ним миноносец «Грозовой» – в Шанхае.
6. Командующий Отдельным отрядом судов контр-адмирал Н. И. Небогатое сдалсябез боя на следующий день после Цусимской катастрофы. В 1906 году военно-морским судом был приговорен к смертной казни, замененной десятилетним тюремным заключением.
7. Крейсер «Новик», прошедший Куншаирским проливом и проливом Измены, мог быть замечен с маяка Керамой Заки на мысо Весло (о. Кунашир) и с маяка Ношап Заки на восточной оконечности п–ова Немуро (о. Хоккайдо).
8. Получив известие о том, что крейсер «Новик» прошел Куншаирским проливом, начальник штаба Соединенного флота адмирал Ито приказал командующему 2-й эскадрой адмиралу Камимура послать на его поиски два быстроходных судна из состава 4–го боевого отряда. Однако, очевидно, решив, что входившие в состав отряда крейсера «Нанива», «Акаси». «Такачихо» и «Ниитака», построенные в 80 — 90—е годы, не смогут выполнить поставленную задачу, прихаэ был отменен. По личному распоряжению командующего Соединенным флотом адмирала Того, на поиски «Новика» был отправлен бронепалубный крейсер «Читосе» из состава руководимой им 1-й эскадры и новейший бронепалубный крейсер «Цусима».
9. Залив Анива.
10. Бронепалубный крейсер «Цусима» вступил в строй в феврале 1904 года. По своим тактико–техническим данным превосходил крейсер «Новик» (его ТТД даны в скобках). Водоизмещение – 3366 (3180) т, длина — 102(106) м, мощность - 9500 (17800) л/с. скорость - 20 (26) узлов, броня-скосы 37 - 63 (30 - 51) мм, рубка 102 (30) мм, вооружение - 6 - 152 (6 - 120). 10 - 76 (6 - 47), 4 - 42 (2 – 37) мм, экипаж - 320 (328) человек.
11. Один из снарядов пробил борт «Цусимы» ниже ватерлинии, и крейсер получил значительный крен. Выйдя из боя, командир крейсера Сенто Такео передал на стоявший в проливе Лаперуза крейсер «Читосе» радиограмму с просьбой продолжить бой ему, но наступившая темнота развела противников.
12. «Новик» был притоплен в 4,5 кабельтова к юго-западу от Корсаковского маяка на мысе Эндума.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Б. П. Полевой

Первое известие с Амура о японцах (1652 г.)

В богатейшем Российском государственном архиве древних актов (бывш. ЦГАДД) (1) издавна проводилась большая работа по реставрации старинных русских документов. Благодаря этой важной работе удалось сохранить для историков множество ценных исторических документов. В качестве примера я хочу обратить внимание дальневосточников всего лишь на один реставрированный лист! А вот его расшифровка:

ан
[гу]бам людно
зо, а хто де ими владе[ет не]
ведают, а ими нихто не [владе[ет]
государя царя и великого князя [Алексея]
Михайловича всеа Руси
по морю живут чижемы, а от чиж[ем]
идет к гилякам железо и медь и серебро, –
[ро]дитца ли в чижемах или нет того оне
не ведают, а поймал де их гиляков
в аманаты Стенька Поляков, да Ко –
стька Иванов с товарыщи девять человек,
Ярофеевы де поймали гиляков четыре
человека и с теми, что сами два человека
пришли в острог, а золото и серебро и вся-
кие узорочные товары идут из Никанской земли.
162 сентября 2 де[нь] Дмитрей Иванович [Зи] –
новьев роспрашивал жонку Моголчаку
[про ко]торую писал к государю царю
му князю Алексею Михайловичу
Ярко Хабаров выкупил де тово...

Текст этот видели несколько исследователей. Однако они не придали ему значения, а между тем он представляет исключительно большой интерес для историков Дальнего Востока, особенно историков русско–японских отношений.

В самом деле, о каких «чижемах» идет речь?. Вне всякого сомнения, о японцах – именно так их издавна называли амурские гиляки–нивхи и нанайцы. В гиляцком словаре Грубо японцы названы «sizem» (2), а в гольдском словаре того же Грубе японцы именуются «sizem» (3). Этноним «чижом» слышал в 1849 году и Г. И. Невельской (4).

Нижняя часть этого реставрированного документа позволяет достаточно точно датировать этот документ: 2 сентября 162 г., т. е. 1653 г., когда на Амуре посланец царя Д. И. Зиновьев уже вел следствие по делу Ярофея Хабарова и возникшего в его войске «бунта», который возглавляли Степан Васильевич Поляков и Константин Иванов Москвитин.

Напомним кратко эти события. Еще весной 1652 г., после блестящей победы над маньчжурами под Ачанским городком в нанайском селении Оджал–Болонь (5), многие участники амурского похода Я. П. Хабарова потребовали от своего атамана начать на Амуре создавать русские пашни. Но Хабарову было гораздо выгоднее не распылять свои силы и до поры до времени ходить по всему Амуру всем своим «войском». К тому же Хабаров чуть ли не все свое войско опутал долгами, организовав запрещенную торговлю алкоголем. Это вызвало недовольство у многих рядовых участников похода, и они стали открыто заявлять своему предводителю: «От тога себе ты, приказной Ярофей Хабаров корысть получаешь велику...» (6). Когда же Хабаров не захотел прислушаться к голосу рядовых участников похода и грубо ответил: «Вы де мне не указывайте и не бейте челом и подите де вы куда хотите...» (7), 136 участников похода во главе со Степаном Поляковым и Константином Ивановым решили отделиться от Хабарова и ушли от него в низовья Амура (8). Произошло это выступление 1 августа 1652 г. около устья Зеи, и уже в октябре они оказались в низовьях Амура, где и смогли захватить в аманаты гиляков селения Маго («Махонского улуса»), от которых услышали впервые о народе «чижем» – японцах. Это за 45 лет до того, как русские впервые узнали о японцах на Камчатке (9).

Совершенно очевидно, что этноним «чижем» произошел от айнского наименования японцев – «шишам» (10), «висам» (11), «шиша» (12), «сишам» (13), «сизам» (14) и др. Существуют разные версии происхождения этого айнского этнонима, но о них писать не следует, поскольку их достоверность весьма сомнительна.

В 1674 г. Степан Поляков беседовал в Москве с русским дипломатом Николаем Спафарием, и именно тогда сведения о «чижемах» уже были совершенно правильно отнесены к японцам (15). Поэтому Н. Г. Спафарий и стал считать, что Япония находится недалеко от устья Амура (16). Все это показывает,

что некоторые японисты допускали серьезную ошибку, когда считали, что Н. Г. Спафарий пользовался лишь зарубежными источниками о Японии и японцах (17).

Каким же образом С. В. Полякову и его товарищам еще осенью 1652 г. удалось на Амуре получить самые ранние на Дальнем Востоке краткие сведения о японцах – «чижемах»?

Безусловно, здесь русским оказали свою существенную помощь нивхи – гиляки из нижнеамурского селения Маго, издавна ходившие с Амура через Сахалин на север острова Иедзо (Хоккайдо). Еще в 1652 г. японец Каннемон в своем сочинении отмечал, что туда с севера приходили «разные люди – некоторые носят кольца в ушах, другие в носах, третьи взрослыми не носили бород, другие не имели никаких домов, кроме землянок» (18). Среди них, несомненно, были нивхи – гиляки, которые действительно тогда еще носили и в .ушах, и даже в носах, различные кольца. В XVII в. сюда доходили некоторые тунгусы – эвены, орочи и ороки. Эти данные показывают, что Л. Я. Штернберг ошибался, когда склонен был думать, что нивхи стали общаться с японцами только в XVIII в. (19).

Из источников XVII в. видно, что уже тогда от японцев на север вывозились железные и медные котлы, что подтверждает и найденный реставрированный листок: «...от чижем идет к гилякам железо и медь...»(20).

Есть все основания считать, что в этом листке были упомянуты и островные айны: почти, наверное, можно сказать, что именно к ним относятся слова: «а хто де ими владе[ет не] ведают».

Все это ясно показывает, как важно исследователям весьма внимательно изучать буквально все недавно реставрированные документы XVII века.

Одно очевидно: сообщение о «чижемах» 1652 – 1653 гг., полученное от нижнеамурских гиляков – нивхов селения Маго («Махонского улуса»), является самым ранним известием о японцах, которое было услышано русскими землепроходцами на нашем отечественном Дальнем Востоке. И уже поэтому оно заслуживает совершенно особого внимания всех историков ранних русско–японских отношений.

Несмотря на то что я впервые упоминал в печати о «чижемах» – японцах еще в 1959 г.(21), затем еще два – три раза позже (22), и об этой важной находке уже упоминали Акира Такано (23) и К. Е. Черевко (24), к сожалению, историки ранних русско – японских отношений, привыкнув к определенному стандарту в перечне основных фактов из истории взаимоотношений между Россией и Японией, обычно об этом самом первом русском известии о японцах, полученном на Амуре еще в 1652 – 1653 гг., до сих пор не упоминают (25). Это и побудило меня еще раз обратить особое внимание на находку столь любопытного листка времен Амурского похода 1652 – 1653 гг. Хочется верить, что историки ранних русско – японских отношений впредь не будут игнорировать этот важный документ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Сибирский приказ (фонд N214). Столбец 460, л. 102. Об этой находке появлялись уже краткие сообщения в газетах: Пиккиев И. Интересная находка ленинградского историка //Вечерний Ленинград, 13 сентября 1958 г.; Кривошеин В. О чем рассказывал полуистлевший листок.// Сов. Сахалин, 2 октября 1958 г.; Вопросы истории. 1958. N12. С. 210.

2. Grube W. Linguistische Ergebnisse. 1. Giljakisches Worterverzeichniss nebst gramm. Bemerkungen. //Anhang zum III Bande Dr. Leopold v. Schrenck's Reisen und Forschungen in Amur. Lande in den Jahren 1854-1856, St.-P., 1892. S. 98.

3. Grube W. Goldisch – deutsches Worterzeichniss //Schrenck's Reisen und Forschungen in Amur–Lande in den Jahren 1854 – 1856. Anhang zum III Bande, zweite Lieferung (по данным К Максимовича). St.–P., 1900. S 93.

4. Полевой Б. П. Подробный отчет Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к острову Сахалин и устью Амура //Страны и народы Востока. Т. XIII. С. 140.

5. См. Полевой Б. П. О местонахождении Ачанекого городка. //Советская археология, 1960. N3. С. 328 - 333.

6. РГАДА. СПб. Ст. 460. Л. 12.

7. Там же. Л. 13.

8 Наиболее подробно об этом сообщалось еще в статье: Чулков Н. П Ерофей Павлович Хабаров. Добытчик и прибыльщик. //Русский архив. 1898. Кн 2. С. 177-190.

9. Оглоблин Н. Н. Первый японец в России. 1701 - 1705 гг. //Русская старина. 1891. Октябрь. С. 11 - 24.

10. /Kannemon/. Jeso – ki ou Description de l'Ile d'Jesso avec une Notice sur la révolte de Samsay – in, compose par l'inpretee Kannemon et Publiée le huitième mois de la seconde année du Nengo Forrkki on 1652 //Annales de voyages, publ. par Malte-Brun, Paris, 1814. T. XXIV. P. 148.

11. Добротворский М. М. Айнско – русский словарь. //Приложение к Ученым Запискам Казанского университета к тому XI. Казань, 1875. С 431 и 446 (по данным Г. И. Давыдова. 1807 г.).

12. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М. - Л., 1946. С. 68 (ссылка на статью: Toni R. Journ. Coll. Sci. Univ. Tokyo. XLII. п. 1. 1919, p. 89-90).

13. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883. С. 200; Т. 2. СПб.. 1899. С. 294-298.

14. Там же.

15. Арсеньев Ю. В. О происхождении «Сказания о великой реке Амуре...» //Известия Русского географического общества 1882. N4. С. 285.

16. Там же.

17. См. Куликова.

18. /Каппетоп/. Указ. соч. С. 160.

19. Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

20. См. сноску 1.

21. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно – Сахалинск, 1959. С. 31.

22. Полевой Б П. К истории открытия Татарского пролива. // Страны и народы Востока. Вып. 6 М-, 1968. С. 70; Полевой Б. П. Первые известия сибирских казаков о японцах (1652 – 1653 гг.)// Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1970., Л., 1971. С. 55-57; Полевой Б. П. Экспедиция Е В Путятина и ее задачи. // Римский – Корсаков В. А- Балтика – Амур. Повествование в письмах о плаваниях, приключениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, 1980. С. 369.

23. Такано А. Б. П. Полевой и его критика Мамия Ринзо. Доклад, сделанный в университете Васеда в Токио 29 октября 1971 г. |на японском языке). //Бюллетень японской ассоциации русистов. Токио. N5. Октябрь 1973 г., с. 1-12.

24. Черевко К. Е. XVII международная конференция аостоковедов (И - 12 мая 1972 г., Токио). //Вестник Академии наук СССР. 1972. N11. С. 98-100; Черевко К. Е. Как в Россию проникали первые сведения о Японии. //Проблемы Дальнего Востока. 1976. N4. С. 129-130.

25. В статьях и книгах Л. Н. Кутакова, в статьях сотрудников Института востоковедения, в переводной книге С. Накамура, посвященных ранним русско – японским отношениям, амурский документ о «чижемах» 1652 - 1653 гг. ни разу не упоминался.

Т. П. Роон

Традиционная система оленеводства ульта

Традиционно ульта (ороки) проживают на Сахалине и разделяются на две территориальные группы: северную (дороннени), занимающую северо-восточные районы острова, побережье Охотского моря, и южную (суннени) в районе залива Терпения и рек, впадающих в него. В лингвистическом отношении ультинский язык входит в тунгусо-маньчжурскую семью языков. По мнению лингвистов, это один из самостоятельных и достаточно древних языков данной семьи. В антропологическом облике ульта имеются признаки байкальского антропологического типа североазиатской малой расы большой монголоидной расы.

I. История исследования традиционной культуры ульта

От ближайших соседей нивхов и айнов ульта отличались, в первую очередь, отраслью хозяйства – оленеводством. Однако проникновение на остров оленеводов – эвенков в середине прошлого столетия, длительное их общение с ульта порождали у многих путешественников и исследователей иллюзию полного сходства культур этих двух народов, особенно в оленеводстве.

Л. И. Шренк одним из первых российских ученых кратко описал основные хозяйственные занятия ульта, маршруты кочевий, отметил уникальность ультинского оленеводства (1). Интересные наблюдения были сделаны Л. Я. Штернбергом во время первого путешествия по острову (1891 г.). Он побывал в самом крупном летнем стойбище на восточном побережье – Даута (109 человек} и сделал записи относительно летних хозяйственных занятий. В его дневниках остались записи об организации рыбного промысла, короткие заметки по оленеводству у представителей северной территориальной группы (2). На рубеже XIX – XX вв. другой исследователь традиционной культуры аборигенов Сахалина Б. О. Пилсудский собрал значительный материал по традиционной материальной и духовной культуре ульта, проживающих в районе залива Терпения. Несмотря на фрагментарность описания оленеводства, в нем есть интересные замечания автора о приемах и методах ведения данной отрасли. Сам же исследователь не имел

возможности наблюдать за организацией оленеводства, так как в тех селениях, где он был, оленеводством либо уже не занимались, либо олени находились на летних пастбищах вдали от стойбищ. Ограниченность времени не позволила Б. О. Пилсудскому посетить северные районы проживания ульта, где оленеводством занимались практически все семьи (3).

Довольно интересный этнографический материал об оленеводстве северной группы ульта содержится в неопубликованных полевых записях врача Штейгмана и отчете В. Н. Васильева, которые побывали в районах кочевий северной группы ульта в начале нынешнего столетия. Особенно глубокий материал в дневниках врача Штейгмана, возглавлявшего экспедицию 1908 г. по медицинскому осмотру «инородцев» Северного Сахалина. В полевых тетрадях есть точные данные о количестве летних стойбищ ульта, численности в них семей с перечислением полных имен жителей, возраста и родственных связей, переписаны роды, отмечены количество оленей в каждой семье, количество лодок, рыболовных снастей, нарт, собак, огнестрельного оружия, заготовок лосося, границы охотничьих угодий, маршруты сезонных миграций и т. д. (4).

В работе Б. А. Васильева дано хорошее этнографическое описание оленеводства в летний период, хозяйственных занятий, транспортных средств, предметов материальной и духовной культуры северной группы. Ценность работы в том, что в ней показано состояние традиционного оленеводства досоветского периода, т. е. до создания артелей и колхозов на Северном Сахалине (5). Материалы Б. А. Васильева перекликаются с данными уполномоченного Сахревкома А. Ильина, проводившего обследование сахалинских аборигенов зимой 1925/26 г. сразу после установления советской власти на острове, и Е. А. Крейновича, жившего среди сахалинских нивхов в конце 20–х годов, но интересовавшегося численностью всего аборигенного населения острова. К сожалению, сведения по оленеводству у этих авторов довольно скудные (6).

В последующих публикациях Г. М. Василевич, М. Г. Левина, А. В. Смоляк, Ч. М. Таксами, Ю. А. Сем и других авторов высказаны гипотезы об этногенезе и этнической истории данного народа, представлены материалы по материальной и духовной культуре, имеются сведения о традиционном оленеводстве ульта и современном развитии этой отрасли. По принятой в отечественной науке типологии оленеводство ульта сближается с алдано – аянским типом транспортного оленеводства эвенков (7).

К сожалению, в имеющейся литературе по транспортному оленеводству практически не рассматривалась система организации данной отрасли хозяйства. Г. М. Василевич в своих работах изложила классификацию транспортного оленеводства, имевшегося у *народов Сибири* – эвенков и эвенов. *Согласно* ей, оно подразделяется на «эвенкийский» и «орочонский» типы, распространенные у различных территориальных групп этих народов. Однако основные положения данной классификации требуют уточнений и дополнений (8). Для сравнительных исследований можно использовать и материал, изложенный в монографии М. Г. Турова, об организации транспортного оленеводства у эвенков Средней Сибири (9). Из зарубежных исследований представляют интерес работы С. Ямамото, Т. Исида, С. Нагане, Р. Танака и Д. Гендану, Д. Икегами, К. Иноуэ и других японских исследователей, а также работы европейских авторов (10).

Несмотря на существующую литературу, нужно отметить, что традиционное оленеводство, как и другие аспекты традиционной культуры этноса, не исследовались должным образом. В настоящей работе ограничимся исследованием системы оленеводства в общем объеме хозяйственного комплекса ульта, реконструкцией традиционной системы оленеводства и его трансформации во времени под влиянием постоянно изменяющихся факторов, выявлением того, насколько глубоки этнические стереотипы, выработанные вековой оленеводческой практикой. Основная цель – сопоставив различные материалы, воссоздать общую картину традиционной системы оленеводства ульта прошлого столетия, ввести в научный оборот новые материалы полевых исследований и архивные источники. Такая работа необходима для того, чтобы понять современные проблемы, существующие не только в данной отрасли хозяйства, но и вообще в современном мире, где традиционное хозяйство народов Севера подвергается натиску индустриальной цивилизации.

В данной статье использованы публикации вышеперечисленных исследователей, полевые материалы автора, собранные в экспедициях 1989 – 1993 годов у северной группы ульта (Ногликский район, оленеводческая бригада малого государственного предприятия «Вал») и у представителей южной группы ульта (г. Поронайск), архивные материалы дореволюционного и советского периодов.

II. Ранние сведения об оленеводстве на Сахалине

На страницах статьи мы не станем анализировать проблему происхождения оленеводства вообще, ибо это отдельная тема исследований. Переходя к изложению основного материала, необходимо коснуться вопроса о древности оленеводства ульта на Сахалине. Данная проблема, равно как и вообще проблема этногенеза ульта и появление их на острове, является открытой в науке. На сегодняшний день совершенно отсутствуют какие-либо письменные источники, указывающие точную дату появления сахалинского оленеводства или хотя бы относительно раннее историческое упоминание о нем. У исследователей нет единого мнения на данные проблемы. Некоторые отечественные авторы полагают, что ульта появились на острове в XVIII веке, перекочевав с материка вместе с оленями; другие считают ульта своеобразным конгломератом, который соорминровался довольно поздно и вобрал в себя и амурских ульчей, и негидальцев, и эвенков, а влиянием последних объясняется появление оленеводства в хозяйственном комплексе ульта (11).

Из маньчжурских и западноевропейских источников известно, что уже в XVIII веке на Сахалине жили люди, занимающиеся оленеводством. Любопытную информацию предлагает японский этнолог К. Иноуэ: в японских хрониках клана Мацумае (1781), в докладе чиновника, посланного на остров в 1715 г., упоминается о народе orikata/yrakata. Известно, что этим этнонимом айны называли людей ульта (12). В конце XVIII – нечале XIX в. описания встреч с ульта появляются в трактатах японских путешественников Т. Могами и Р. Мамия. Последний оставил полезные сведения о кочевом быте оленеводов –ульта, о взаимоотношениях и торговле народов Амуро –Сахалинского региона (13).

III. Расселение, численность и родовой состав ульта

По различным источникам можно реконструировать территории расселения ульта на острове во второй половине XIX века. При этом нужно отметить, что четкой границы ареала не было. Самой северной территорией острова, которую посещали ульта для охоты, был полуостров Шмидта, а самой южной – залив Анива, куда они приезжали с торговыми целями Северная территориальная группа занимала земли Северного Сахалина, имея определенную периодичность смены территорий промысловых угодий: в весенне-летний период – прибрежную охотоморскую зону от залива Уркт до Луньского, в осенне-зимний период – Северо – Сахалинскую равнину и Восточно-Сахалинские горы, останавливаясь в верховьях, рек. Южная территориальная группа занимала земли вокруг залива Терпения: в весенне-летний период – прибрежную зону, район озера Невского, устья рек, впадающих в залив, в осенне-зимний период они откочевывали в верховья рек в Восточно – Сахалинские горы. В целом, ульта осваивали довольно значительные пространства острова, свободно кочевали в отдаленных таежных и горных районах, на побережье Охотского моря, не занимая территории нивхов и айнов, а соседствуя с ними на местах летних поселений.

В больших территориальных группах можно вычленить локальные (или кочевые), которые были малочисленны и состояли, как правило, из одной–трех семей, часто одно–, двухпоколенных. «Средним числом в одной юрте жило 6 человек (максимум 12 и минимум 2); обыкновенно же от 3 – 9 человек. На севере средняя на 1 юрту дает 7,3 человека» (14). По-видимому, у ульта не был завершен процесс окончательного распада рода, т. к. род играл важную роль в регулировании брачных отношений, в вопросах наследования имущества. Возможно, что род, существовавший у ульта, был вторичным образованием, далеким от классической формулы (15). Кочевая группа и отдельная самостоятельная семья занимали преобладающее место в структуре традиционного общества и в экономической деятельности. Нагляднее всего это проявлялось во время летних хозяйственных занятий, когда в одном стойбище собирались семьи многих родов (именно о таком крупном стойбище Даута в Ныйском заливе писал Л. Я. Штернберг: «Юрт в нем 13, населения 109 человек... принадлежат к пяти разным родам».), и зимой, когда в период охоты на лесного, морского зверя мужчины из разных родов иногда собирались для групповой охоты. Традиционно сложившиеся маршруты кочевок и промысловые угодья существовали у каждой из таких групп. Они кочевали по древним родовым тропам, т. к. члены локальной группы чаще являлись потомками того рода, который жил на данной территории в древности, и по традиции продолжали носить родовые названия и осваивать те же местности в разные сезоны года. Но процесс образования соседских общин все более углублялся. Проиллюстрируем материалами врача Штейгмана. В летнем стойбище на о. Сонэги в заливе Чайво он насчитал 4 хозяйства: семья русского Николая Попова (3 чел.), семья Сидора Сиккиану из рода ДайТориса (4 чел.), семья Владимира Оопуна из рода Дай Баяуса (6 чел.), семья Антона Туксилтгану из рода Валетта (3 чел.) (16). Соседство представителей различных родов отмечалось повсеместно.

Е. А. Крейнович выделил всего шесть кочевых групп у северных ульта: 1) в районе Луньского залива – род Муйотта; 2) районы Набильского и Ныйского заливов – роды Сюкта иТориса; 3) район р. Даги – род Гетта и Дагинен (существование такого рода вызывает сомнение); 4) район залива Чайво – роды Синахудо и Баяуса; 5) район залива Чайво – роды Гетта и Баяуса; 6) район залива Кекрво (Пильтун) – роды Баяуса и Намиса, упоминался вымерший род Тугаса (Тувэса/Тувэсэ). Идентичные родовые названия содержатся в статье Б. А. Васильева и других исследователей (17). Среди южных ульта отмечали следующие подразделения: Варабайннени, Найпутуннени,Ториса, Муйка, Валетта, Гета, Сюкту. У обеих групп были сходные родовые названия, но были и отличные. В представленных выше этнонимах имеются названия локальных групп, т. е. более поздних образований (Варабайннени – люди, жители места Варабай: Варабай – название ультинского селения, а –ннени/–ннэни – составной суффикс, обозначающий принадлежность к чему–либо, в основном используется для обозначения людей, возможно, первоначальное значение – люди, ибо созвучно нанайскому, ульчскому и др. – нани (человек, люди); Найпутуннени – люди из местечка Найпуту; Дахиннени – люди с реки и залива Даги) (18). Существование одновременно родовых названий (Сюкту,Ториса и др.) и вновь образованных названий (Варабайннени и пр.) подкрепляет точку зрения о том, что у ульта к началу нашего столетия шел процесс распада рода и образования соседских групп. Однако родственные и брачные связи между северной и южной территориальными группами поддерживались на протяжении всего времени их существования, вплоть до закрытия границы между Россией и Японией в советский период.

Анализируя родовой состав ульта, можно сделать вывод о том, что ранее, возможно, *в* начале прошлого вока, существовало больше родов. Поскольку существовала градация родовых названий (Большой – Dai, Маленький – Nuti), по сути, члены данных подразделений не состояли в родственных связях. Например, DaiТориса не родственны NutiТориса, Dai Сюкту не родственны Nuti Сюкту и т. д. Возможно, это были самостоятельные роды, составлявшие некогда сложную социальную организацию ульта (19).

Многие роды были когда–то многочисленны. Одной из причин, влиявшей на сокращение родового состава, и, вообще на численность, могли быть эпидемии болезней, которые на рубеже нашего века довольно часто вспыхивали среди аборигенного населения. Так, в народной памяти ульта сохранились воспоминания об эпидемии черной оспы 1908 – 1909 гг., от которой вымер целый род. А по данным Штейгмана, у северных ульта умерло 100 человек, и численность их упала до 122 (до эпидемии в 41 юрте проживали 322 человека). Как правило, оставшиеся в живых меняли места стойбищ и никогда не возвращались на старые, некоторые присоединялись к другим семьям или уходили работать по найму на путину. Возможно, подобные явления случались и раньше. Однако столь глубинные процессы могли быть обусловлены и другими причинами: экономической экспансией соседних народов, вовлечением ульта в межэтнические процессы, происходившие в Амуро–Сахалинском регионе.

Многие представители южной территориальной группы в конце прошлого столетия не занимались оленеводством и целиком переключились на рыболовство и промысел ластоногих, выбрав оседлый образ жизни. В районе озера Тарайка (Невское) были известны полиэтнические поселения, где жили айны, нивхи, ульта, ульчи, эвенки и другие. Согласно данным С. Патканова, общая численность ульта обеих групп в конце прошлого столетия составляла 749 человек (20).

Определенные коррективы внесло переселение на остров эвенкийских и негидальских семей в конце XIX в. Они со своими численно превосходящими стадами, конечно, теснили ульта и занимали некоторые их пастбища, несмотря на то, что представители этих народов первоначально разделили сферы влияния на острове. Кочевые маршруты эвенков пролегали по рекам, впадающим в Татарский пролив и Амурский лиман (р. Лак, Ныш, Вагис и др.). Однако постепенно они продвигались на восточное побережье острова, на полуостров Шмидта, в Тымь–Поронайскую низменность, оттесняя ульта на летниках и занимая их традиционные территории. Активизация этого процесса приходится на рубеж XIX – XX веков. Одновременно на остров проникают небольшие группы оленных якутов. Один из них, купец Винокуров, оставил заметный след в сахалинской истории.

В меньшей степени на оленеводство в то время влияли индустриальное вторжение на остров и российская колонизация. Отдельные элементы одежды, предметов быта проникали культа через торговцев. Из–за труднодоступности, суровости климата локальные районы ульта практически не заселялись выходцами из России. Специфика кочевого хозяйства не располагала к вмешательству извне со стороны административных или

хозяйственных организаций. Нефть и другие полезные ископаемые, обнаруженные на территориях природопользования ульта, на рубеже веков только начинали разведываться.

Таким образом, сохранившиеся, вплоть до начала XX в., постоянство ультинских кочевых территорий, сравнительно небольшая поддерживаемая численность, названия родов (некоторые из которых имеют аборигенное происхождение) и многие другие факторы, не упоминаемые здесь, свидетельствуют о длительном стабильном проживании ульта на острове. Кроме того, этнокультурное взаимодействие с соседними народами, участие в торговле с народами Дальнего Востока (в том числе с японцами и маньчжурами), территориальная экспансия эвенков в конце прошлого столетия, эпидемии и другие факторы способствовали происходившим у ульта изменениям не только в социальной организации, но и в традиционном оленеводстве.

IV. Оленеводство в хозяйственном комплексе ульта

Далее мы приступаем к изложению основной части исследования системы оленеводства ульта. Предположим, что территории проживания южной и северной групп в течение последних двухсот лет являлись относительно постоянными и изменялись незначительно вплоть до конца прошлого столетия, Значит, за предыдущий длительный период времени предки ульта должны были выработать такой хозяйственный комплекс, который отвечал бы определенным экологическим условиям острова, был максимально приспособлен к природно-климатическим условиям и обладал бы относительной устойчивостью, позволившей существовать целому этносу.

Известно, что в климатическом отношении Северный Сахалин достаточно суров: холодная и долгая зима с глубоким снежным покровом от 50 до 100 см, прохладное лето с частыми туманами, дождями, тайфунами. Колебания температур могут составлять до -55 – зимой и 4-30 – летом (среднеянварская – -19,7, среднемесячная августа – + 13). Самая низкая летняя температура воздуха наблюдается на восточном побережье, где сказывается влияние холодного Восточно – Сахалинского течения. Разнообразие ландшафтных зон обусловливает видовое разнообразие растительного и животного мира (21).

В данных условиях естественно, что предки ульта организовали комплексное традиционное хозяйство, куда входили охота, рыболовство, собирательство. С наступлением зимы в таежных районах они занимались пушной и мясной охотой на медведя, дикого оленя, лисицу, соболя и т. д., с приближением весны кочевали на промысел морского зверя – нерпы, сивуча, летом занимались рыболовством и собирательством трав, кореньев. В XVIII – XIX вв. они принимали активное участие в торговле с другими народами Амура, Сахалина, Японии, Маньчжурии, что приносило определенный доход ультинским семьям (22). В общем объеме хозяйственной деятельности оленеводство занимало более половины и имело двойную функцию: с одной стороны, оно обслуживало эти отрасли хозяйства, т. к. оленеводство было исключительно транспортного направления, а с другой – оно являлось самостоятельной отраслью и требовало определенных производственных отношений, сложившихся между людьми, специализированных предметов, профессиональных навыков, знаний людей.

Цикл кочевания проходил в несколько этапов: зимний период времени ульта со своими оленями проводили, как правило, в верховьях рек на Северо – Сахалинской равнине и в Восточно – Сахалинских горах. В горных распадках, небольших долинах, защищенных лесом, на невысоких сопках для оленей было достаточно корма, можно было укрыться от сильных буранов. Как правило, в истоках, даже в самые сильные морозы, реки не покрываются льдом и служат источником питьевой воды для людей и животных всю зиму. На некоторых из них можно было заниматься рыбной ловлей. В это время мужчины занимались промыслом пушных зверей, охотой на диких оленей, медведей. Они уходили на несколько дней в тайгу – 2 – 3 человека (или группа), в зависимости от вида охоты. Семьи оставались подолгу на зимниках. С приближением весны семьи перекочевывали ближе к морскому побережью Охотского моря. С зимних пастбищ олени перемещались на весенние, а затем и летние.

В феврале – марте на морских заливах (Пильтун, Чайво, Даги, Набиль, Луньский, Терпения) мужчины охотились на ластоногих – нерпу, сивуча. Их мясо шло в пищу, шкура – на изготовление предметов оленеводства, одежды и обуви и т. д. На охоту отправлялись на оленях, попутно промышляя водоплавающую дичь.

В конце апреля – начале мая у домашних оленей начинался отел. Семьи подкочевывали ближе к прибрежным зонам, подыскивая специально наиболее сухие и свободные от снега места. Контролировали отел важенок мужчины и женщины. В каждой семье существовало строгое распределение функций между ее членами. Соблюдалось половое и возрастное

разделение труда: мужская половина семьи оберегала стадо от хищников, женщины ухаживали за важенками и телятами, лети и подростки были на подмоге. Все стремились сохранить поголовье.

Затем наступало короткое сахалинское лето. Ульта подкочевывали совсем близко к морю и приступали к рыболовству, которым занимались практически весь сезон до наступления осени. Заливы и реки Охотского моря изобиловали рыбой и морзверем. Основу рыбного промысла составляли лососевые породы, которые в больших количествах заготавливались на зиму. Женщины знали несколько способов заготовки лососевых рыб: вяление, сушка, изготовление рыбной муки и т. д. В это время олени находились на вольном выпасе на летних угодьях прибрежной зоны, богатой разными травами. Летний период был исключительно важен для оленей – они нагуливали жир для предстоящей зимовки.

С началом осени люди на оленях перемещались в предгорья на осенники для заготовки ягод и других дикоросов. У оленей проходил гон. Затем кочевали в верховья рек, в тайгу – дальше от морских берегов, где уже были холода. В тайге был урожай ягод, съедобных растений, обновление потомства у зверей и птиц. Вскоре наступал сезон охоты. С выпадением в октябре первого снега *наступала* долгая зима. Годичный цикл хозяйствования и кочевания повторялся вновь.

В пределах этих территорий были распространены различные поселения с хозяйственными и жилыми постройками. Условно их можно подразделить на сезонно – постоянные зимние и летние, и временные. Первые, как правило, располагавшиеся в сопках или горных районах острова, концентрировались на небольшом удалении друг от друга (к ним примыкали и осенние стоянки). Места стойбищ были относительно долговременными и посещались группой в течение многих лет (3 – 4 поколения, возможно, дольше). Летние, находившиеся в прибрежной зоне, представлены долговременными и кратковременными промысловыми поселениями, также населяемыми из поколения в поколение в течение длительного промежутка времени. Здесь поблизости располагались места отела, летние пастбища, рыболовные промысловые угодья. Поэтому сюда необходимо отнести и весенние стоянки, располагавшиеся па незначительном удалении от летников. Общее название сезонно - постоянных селений – gasa. Кроме того, имели распространения и временные стоянки, используемые в течение нескольких дней или только для ночевок (dujal, avku, bipce).

В ультинском языке существует общее название жилища дома) – duxu. В типологическом отношении ультинские постройки обнаруживают аналогии в культурах других оленеводческих народов Сибири. Таков переносной конусообразный чум (aundau), используемый в качестве постоянного осенне-зимнего жилища. В ходе полевой работы и из опросов пожилых информаюров выявлен специфический тип зимнего жилища – землянка, устраиваемая в склонах сопок (dala). Однако не установлено время их появления в жилищной практике ульта. Известно, что активное использование землянок некоторыми коллективами северной группы приходится на начало нынешнего столетия (23).

Некоторым своеобразием отличаются постоянные летние жилища (kaura) каркасного типа, крытые корой хвойных пород деревьев. Элементы их конструкции находят параллели в культурах оседлых рыболовов Нижнего Амура – нанайцев и ульчей. Столь своеобразный тип *жилища свидетельствует о* древности происхождения. Кроме того, у южных отмечена каркасная постройка – seereni bujaa (duxu). Традиционные типы жилищ постепенно вытеснились универсальной палаткой, принесенной на Сахалин переселенцами – эвенками (24).

Хозяйственные постройки – деревянные амбары на сваях для хранения продуктов питания – dalu, строились как в таежных участках на незначительном удалении от основных троп миграций, так и рядом с сезонными жилищными комплексами. Использование лабазов характерно для многих народов Сибири, занимающихся оленеводством (эвенков, эвенов, кетов, селькупов и других). Ульта строили своеобразные лабазы – paule, вешала для вяления рыбы – saap, которые входили в летний жилищно –хозяйственный комплекс.

Таким образом, хозяйственный и жилищный комплексы ульта были ориентированы на кочевой образ жизни. Домашние олени осуществляли перевозки людей и имущества в течение всего года по территории острова и при этом обеспечивали занятие людей пушной и мясной охотой в тайге, промыслом морзверя и рыболовством, участие в торговле с другими народами региона и посещение торговых центров на Нижнем Амуре (Кизи) и Южном Сахалине (Сирануси, Маока). Транспортные перевозки – важнейшая функция оленеводства. Однако для успешного функционирования хозяйственного комплекса само оленеводство должно было быть четко организовано, и внутренние механизмы его системы должны были быть обусловлены и подкреплены деятельностью человека. Ведь

именно он организовывал и направлял оленеводство в нужном ему направлении, учитывая при этом биологические особенности домашнего животного.

Как отмечалось ранее, в имеющейся общей литературе по оленеводству практически не рассматривалась система организации этой отрасли. За пределами исследований оказались центральные проблемы, такие, как система выпаса и ухода за оленями, численность, структура и регулирование домашнего стада, приемы и методы дрессировки животных и т. д. Знание подобного материала помогает восстановить традиционную систему транспортного оленеводства, которая отличалась региональным своеобразием от оленеводства эвенков близлежащего материка.

V. Организация оленеводства

Проанализируем систему транспортного оленеводства ульта по следующим позициям:

1. Кочевание и система выпаса домашних оленей.
2. Структура, численность стада, принципы его регулирования.
3. Уход за животными, их дрессировка.
4. Традиционное отношение к домашнему оленю членов семьи, вопросы собственности.

Согласно типологии, предложенной Г. М. Василевич, транспортное оленеводство ульта может быть отнесено к «орочонскому» типу, распространенному у некоторых групп эвенков и эвенов Сибири. Однако данная градация весьма относительна по многим позициям. У ульта наряду с общетунгусским комплексом в культуре ведения данной отрасли хозяйства присутствовали отличные черты, методы, составлявшие существо системы. Они были продиктованы местными специфическими природно-климатическими условиями и сложившейся в течение более длительного времени хозяйственной практикой, имевшей, вероятно, более древние корни и устойчивую традицию в культуре этноса.

Одна из основных региональных черт – сложившаяся система кочевания, о которой уже было упомянуто. Тем не менее нужно более подробно рассмотреть данную систему не только с точки зрения промысловых занятий, но и с точки зрения вышеперечисленных аспектов.

Для представителей северной территориальной группы кочевание осуществлялось по оси восток – запад, для южной территориальной группы – север – юг. В обоих вариантах оно предполагало смену ландшафтных зон по сезонам года: прибрежные равнинные летники, горные зимники, между ними осенники и весенники. Для домашнего оленеводства такой оборот предпблагал перемену кормовых участков и пастбищ для домашних оленей. Выше кратко описана географическая схема кочевания ультинеких семей. На местности она напоминала вытянутый эллипс, который составляли кочевые тропы, используемые из года в год. Большую часть года (7 – 8 месяцев) осуществлялось верховое передвижение, в зимний период (4 – 5 месяцев) использовался нартенный транспорт.

Северный Сахалин представляет собой холмистую равнину, расчлененную долинами небольших рек. В пределах Северо–Сахалинской равнины протянулись два ряда параллельных хребтов с высотами 100 – 250 м и останцовых гор высотой 538 и 601 м (Оссой, Даахурия и др.). В основном произрастают лиственничные леса с кедровым стлаником, сплошным покровом лишайников. В этих районах олени находились зимой. Почти весь период практиковался вольный выпас, который предполагал автономное содержание оленей на пастбищах, располагавшихся в окрестностях зимних стойбищ ульта. Горные районы северной части острова богаты не только лишайниковым, но и веточным кормом, т. к. в данной таежной зоне произрастает множество пород деревьев (хвойные, лиственные), годных для питания животных. Но основным кормом домашнего и дикого оленей остается ягель, произрастающий на большей части территории Сахалина. Однако даже приблизительно сложно подсчитать объемы кормов на зимних пастбищах. Так, биолог И. П. Мишин писал: «Площади, занятые лишайником, исчисляются многими сотнями тысяч га. Естественными запасами лишайников возможно обеспечить неизмеримо большее количество оленей, чем их имеется на острове в настоящее время. Зимние пастбища выбираются на пологих скатах и увалах, хорошо обдуваемых ветрами, в непосредственной близости с таежными участками, распадками и ключами» (25). Известно несколько разновидностей ягеля, потребляемого оленями: кладония оленья, кладония лесная, кладония приальпийская и другие. В ультинском языке имеется одно общее название ягеля – лавикта. Однако пастухи различают три вида ягеля, различая их по цвету и месту произрастания. В среднем за зиму олень потребляет ягеля на площади около 15 га.

Из–за расчлененности рельефа и сильных ветров снежный покров залегает неравномерно, в отдельных долинах рек и ручьев, в распадках его высота достигает несколько метров.

Глубокий снег не препятствует кормежке животных, а лишь ограничивает их подвижность на локальных участках. Отмечено, что популяции лесного северного оленя могут находиться на одних и тех же участках несколько недель – до полного выедания кормов. Нужно отметить, что маршруты миграций домашнего и дикого оленей проходят по разным тропам, и места их выпаса, как правило, не совпадают. В настоящее время также отмечаются подобные различия в расположении естественных ниш обитания двух пород северного оленя. Хотя оленеводы отмечали случаи, когда дикие приходили в домашнее стадо и уводили оленух. Были случаи появления полукровок, отличающихся более свирепым нравом и плохо дрессируемых. Их старались выбраковывать.

Удачно было то, что, несмотря на суровую зиму, источники воды были открыты и доступны. Как отмечалось, истоки горных рек не замерзали даже в лютые морозы. Однако были участки с глубоким ледовым и снежным покровами – и людям приходилось выбивать много лунок в толстом льду для того, чтобы напоить животных. По нашим наблюдениям, это требовало большого труда, т. к. олень – чистоплотное животное и дважды из одного и того же места пить не будет, а тем более если в этом месте побывал другой олень и оставил там свой запах.

Малочисленность ультинских стад предоставляла больше маневренности и подвижности и позволяла длительное время использовать одни и те же пастбища в течение нескольких лет подряд. Даже олени эвенков, прибывших на остров в XIX веке, не повлияли на сложившийся баланс. Кроме того, на острове практически не было эпизоотии. Особенностью островной экологической ниши являлось отсутствие хищников (волков), приносящих немало потерь оленеводческим хозяйствам материка. Все эти факторы благоприятствовали развитию домашнего оленеводства, способствовали сохранению постоянного количества животных в хозяйствах.

Для ульта зима – сезон пушной и мясной охоты. Мех пушных зверей (соболь, песец, лисица и др.) высоко ценился и скупался китайскими, нивхскими, русскими торговцами. Несколько раз за зиму мужчины совершали поездки в торговые центры на Нижний Амур. Однако торговля не обеспечивала в полной море, и большое значение имела охота на дикого оленя, медведя. Во время охоты ездовые олени использовались в качестве манщика и своеобразного скрада. Прячась за оленем, охотник подходил как можно ближе для стрельбы. После свежевания мясо убитого животного увозили на нарте в стойбище.

Интересные сведения об использовании ездовых оленей на охоте сохранились в некоторых легендах. В одной их них рассказывается о том, как во время охоты встретились впервые на острове эвенк и ульта. Эвенк шел на лыжах по тайге, выслеживая зверя, и увидел бегущих навстречу оленей. В центре стада был человек, ехавший на нарте с одним оленем и одетый в одежду из звериных шкур. В руках у него был лук со стрелами, с которым он охотился на бегущих оленей. Подъехав ближе, эвенк спросил: «Ты откуда?» Охотник –ульта показал рукой на восток, а эвенк на аналогичный вопрос кивнул в сторону запада. Место, где произошла встреча эвенков и ульта, находится на Северо – Сахалинской возвышенности в верховьях рек Вал, Комулан и др. и называется Киян, что значит по–эвенкийски «чистое место» (26).

Однако ездовые олени не всегда применялись в охотничьем промысле. Из–за глубокого снега охотники часто использовали лыжи для опромышления своих угодий. Тем более, что охота на пушного зверя производилась традиционными способами, характерными более для пеших форм промысла, с применением активных и пассивных типов орудий и устройств.

Таким образом, зимний период, наиболее сложный для оленей, использование их в промысле и условия их содержания отвечали естественным потребностям человека и животного. Стадо было обеспечено кормовой базой, защищено, приближено к жилью. Ряд перечисленных факторов (отсутствие волков, эпизоотий, обилие кормов) являлся благоприятной предпосылкой для развития домашнего транспортного оленеводства.

Следующий период кочевания и выпаса оленей начинался с приближением весны. Когда снег в марте начинал насыщаться влагой, заканчивалась относительная зимняя оседлость ульта. Мужчины участвовали в охоте на морского зверя (нерпу, сивуча). Миграции к местам охоты на морские заливы они совершали на оленях (расстояние до 70 – 100 км).

На весенних пастбищах, которые располагались ближе к прибрежной зоне, происходил отел важенок. Это время приходилось на конец апреля – май, в зависимости от погодных условий, перезимовки и других причин. Кочевая группа выбирала наиболее подходящие места для проведения отела и подкочевывала к ним.

Немалая заслуга предков ульта в том, что весенники располагались в прибрежных районах. По – видимому, в процессе доместикации северного оленя был использован один из важных признаков поведения – ориентир в пространстве.

Известно, что олень всегда возвращается на те места, где он появился на свет, и важенки стремятся туда, чтобы произвести потомство именно там. Используя данный инстинкт, предки ульта приучили своих оленей телиться в прибрежной зоне и проводить лето на охотоморском побережье. Изменение поведения еще больше отдалило домашнего оленя от дикого. Последний обитает круглый год в таежных горных или холмистых районах Сахалина, имеет свои миграционные тропы и сезонные места пребывания, в том числе и для отела, и отличен породными признаками: имеет более крупные размеры в сравнении с домашними (по высоте в холке, косой длине, обхвату груди) (27). В летнее время дикие сахалинские олени поднимаются в горы, где более прохладно. Чрезвычайно редко отдельные особи летом появляются у морских заливов, недолго побыв, вновь уходят в сопки, в тайгу. Домашний же олень имеет абсолютно отличный маршрут сезонных миграций, во многом сконструированный предками ульта. Таким образом, человек приспособил таежное животное к своим нуждам и потребностям, при этом соблюдая должный уход за ним и отдавая дань уважения его труду и служению людям.

Весна для оленей – также сложный период в выживании. За зиму в организме животного резко падало содержание жиров и минеральных веществ, происходили истощение и потеря веса. Поэтому маршруты миграций на пастбища выбирались там, где было больше лишайников и деревьев, т. к. в эту пору олень активно питался ветками деревьев, молодыми побегами. Кочевья проходили по южным склонам сопок и распадков, более удобных для передвижений и кормежки.

Места отела, как правило, совпадали с постоянными участками, выбираемыми в течение многих лет. Поскольку отел проходил весной, когда еще лежал снег, часто в ненастную погоду с ночными заморозками, то такие места выбирались на сухом возвышенном месте, защищенном от ветров и с учетом состояния почвы, толщины лишайников, наличия удобных водопоев и ключей. Лучше, если это были поляны со сплошным покровом ягеля и свободные от снега (в районах рек Сабо, Оссой, Гарамай, Вал, Асхасай, Даги, Тымь, Ноглики, Набиль, Рукутама и других).

Период отела – наиболее ответственный этап в домашнем оленеводстве, ибо от его проведения и ухода за животными зависят сохранение и увеличение поголовья. Практически на всем протяжении отела семьи были заняты уходом за оленями. Необходимо отметить большую роль женщин, которые принимали в этом самое активное участие. По сообщениям

информаторов, уход за животными заключался в проведении следующих мероприятий. С момента появления на свет телят привязывали к дереву или закрепленной палке (вбитой в землю), надев узду из мягкой нерпичьей шкуры, и некоторое время содержали на привязи вблизи жилища. В первые дни теленок большую часть времени проводит во сне. Вначале его привязывали ненадолго, но постепенно удлиняли время. Важенок, особенно первотелок, на 10 – 15 часов привязывали за узду около своего теленка, чтобы они привыкли к месту его нахождения. После того как молодняк окреп, изменялся режим привязывания: важенок привязывали на ночь, а телят освобождали. Днем важенки паслись свободно вдоль ключей, питаясь ягелем, и посещали телят для кормления. С появлением травы они охотно поедали этот корм. «Особенно охотно кормящие важенки поедают вахту трехлистную и ирисы. Эти травы считаются прекрасным нажировочным и молокогонным кормом. В течение дня кормящие важенки приходят к своим телятам от 10 до 30 раз (тем чаще, чем пастбища обильны кормом)» (28). Если важенка отказывалась выкармливать теленка, то ее привязывали, и фиксировали ноги так, чтобы она не могла оттолкнуть его. Так удавалось приучать важенку нормально вскармливать теленка. У безмолочных важенок отбирали молодняк и выращивали под другими, дающими много молока. В это же время женщины практиковали доение оленух, чье молоко, очень жирное и питательное, использовалось в пищу в сыром виде, из него готовили сметану и масло. От одной оленухи можно было получить до 0,5 л молока.

Через 10 – 12 дней новорожденные начинали питаться подножным кормом. С этого времени их надо было перемещать с места на место, по мере выедания корма (до 10 раз в сутки), и не менее трех раз в день поить. Такая работа требовала очень много времени, поэтому подростки и дети помогали взрослым в уходе за молодняком. Так, В. А. Васильев наблюдал на острове Даги место привязи важенок и телят. «Перелесочек из лиственниц, нижние сучья которых были обчищены топором, служит местом, куда олени собираются в полдень. К деревьям привязывают самок. Вокруг них бегают телята» (29).

При отсутствии на острове волков все же существовала опасность нападения на домашних оленей медведя и росомахи, а также собак, принадлежавших соседним айнам и нивхам, т. к. последние часто отпускали их на вольное пропитание. Те же, бегая от стойбища к стойбищу, нередко нападали на пасущихся оленей и загрызали их. Поэтому охрана стада также была важна. Ею занимались мужчины.

В вышеперечисленных способах ухода за оленями со всей очевидностью проявляются общетунгусские черты организации данной отрасли (содержание телят и важенок на привязи). В работах японских авторов описываются изгородные способы содержания оленей в весенне–осенний период, использование дымокуров, публикуются документальные фотографии 20 – 30-х гг., отмечается идентичность этих элементов у ульта и якутов, также кочевавших на острове в конце прошлого столетия, как и эвенков (30). Однако в оленеводческой традиции ульта изгородное содержание животных не стало распространенным. Первоначально ульта не строили навесов и изгородей для содержания оленей весной и осенью. Под влиянием скорее эвенков, а позже и оленных якутов некоторые ульта начали делать осенние *загоны* – курей, которые широко распространены в практике эвенков и эвенов. Термин «куре» имеет широкое распространение в тунгусо-маньчжурских языках и обозначает загон для оленей, для скота (курала – в маньчжурском). В бурятском, монгольском и якутском языках (хуреэл/куруо) идентичный смысл – загон для скота, огораживать (31). Техника строительства изгородей также однотипна и свидетельствует о едином центре возникновения и широком распространении у многих народов Центральной и Северной Азии, хозяйство которых было связано с коневодством, разведением крупного рогатого скота и оленеводством.

Б. О. Пилсудский отмечал, что во время путешествия по острову видел в изгородях дымокуры. По нашим полевым наблюдениям, северные ульта в редчайших случаях устраивали простые дымокуры (поджигали сухой болотный торф) для того, чтобы отогнать комаров и гнус от жилищ. По–видимому, первоначально у ульта отсутствовали навыки строительства подобных сооружений, ибо небольшое поголовье в островных условиях можно было содержать без изгородей и дымокуров. Ведь во время отела до последнего времени они не строили курей. Возможно, что увиденные Б. О. Пилсудским загоны принадлежали стадам эвенков и якутов, т. к. располагались в глубине острова (32). Известно, что эвенкийские маршруты кочевий отличались от ультинских в географическом отношении.

Итак, наблюдение за важенкаи, уход и привязывание телят почти до полуторамесячного возраста (до появления травы) давали хорошие результаты в приручении оленей, в сохранении молодняка. С момента рождения олени были под вниманием и заботой человека. Они привыкали к запаху и голосу человека, становясь совершенно ручными. Запоминая место своего рождения, постепенно осваивая местности и пастбища во все сезоны года, они запоминали места стоянок людей, кочевые тропы и т. д. Кроме того, весенняя привязь молодняка способствовала приручению их к поводу, делала смирными, что впоследствии облегчало работу по обучению под верх и вьюк.

С окончанием отела ульта подкочевывали ближе к морским заливам, устраивали стойбища в устье рек, готовясь к рыбной путине, продолжавшейся до сентября. В течение 2 – 3 месяцев ульта жили относительно оседло в летних жилищах, выстроенных из коры лиственниц, располагавшихся в приустьевых участках рек, на морских островах, косах, на побережье заливов Охотского моря (Пильтун, Чайво, Набиль, Луньский, Терпения и другие). Добыча и заготовка лососевых на зиму отвлекала практически все летнее время. Поэтому места отела были максимально приближены к районам летнего промысла* что позволяло экономить время. Кроме того, стада оленей находились опять же недалеко от жилья человека на летних пастбищах.

Летние пастбища, расположенные на морских террасах шириной в 10 – 15 км, тянулись вдоль побережья Охотского моря (около 150 – 200 км протяженностью на восточном побережье, немного меньше – в районах залива Терпения). Так же, как и зимние, летние пастбища богаты кормовой базой. Встречаются редколесья лиственницы и кедрового стланика. Местами ландшафт напоминает лесотундру с чередованием мелких озер и морей. В районах оз. Невского и зал. Терпения произрастают ольхово–ивовые леса с заливными лугами, смешанные хвойно–лиственные леса.

В летнем рационе оленя ягель составляет незначительную часть, а основу составляют зеленые корма, травы, грибы. По пастбищам протекают реки, многочисленные ключи. По берегам рек (Вал, Аскасай, Эвай, Гарамай, Тымь, Оленья и др.) растут высокоствольные ели, лиственницы, по прибрежным кромкам – ивовые заросли с примесью рябины, черемухи, шиповника. Открытые пространства покрыты разнотравьем: вейник Лангсдорфа, разные виды осок, вахта трехлистная, болотный ирис, болотный хвощ, камыш и другие. Зеленые корма содержат высокий процент растительных белков, витаминов и минеральных веществ. В конечном итоге от качества летнего питания животных зависело общее физическое состояние популяции (ускорение линьки, рост рогов, здоровье приплода и пр.). Нажированность оленя помогает пережить зимний период (33).

Олени содержались на вольном выпасе. Важенки с телятами питались зелеными кормами, с появлением грибов активно потребляли их. Стадо разбредалось на мелкие группы. Самки с телятами держались маленькими табунами отдельно от ездовых и хоров – производителей. Превосходно зная эти биологические особенности, поведение оленей на местности, повадки и привычки каждого из них, ульта всегда определяли место их нахождения. Так, известно, что олень, как и некоторые другие виды животных, во время выпаса совершает большой круг в течение суток. Если с вечерней привязи ездовых отпускали на восток, то на следующее утро их искали в северо-западной стороне. При этом учитывали направление ветра, состояние погоды (дождь, солнце, жара и прочее), наличие комара и овода. Кстати, ульта довольно редко на летниках устраивали дымокуры, лишь в засушливые жаркие дни разводили гнилушки. Дело в том, что на летниках олени сами находили спасение от кровососущих, используя при этом естественные условия. Как правило, с их появлением табун оленей передвигался навстречу дующему ветру. Комары и оводы выдувались ветром. Поскольку смена ветров постоянна в одно и то же время, ульта хорошо ориентировались в направлениях миграций своих стад.

Появление овода (подкожного и носового) отражалось на состоянии животных, в поведении начинало проявляться беспокойство: подпрыгивание от укусов, мотание головой, чтобы освободиться от личинок, откладываемых в носу и в теле оводом. Б. О. Пилсудский замечал: «Ороки спешат со стадами к морю, где частые ветра, туманы, а может быть, и насыщенная солью растительность уменьшают количество летних мучителей людей и животных. Олени любят скопляться около берегов морских на какой-нибудь песчаной отмели и тут целыми днями простаивают, наслаждаясь ветром» (34). В более северных районах острова на прибрежных охотоморских косах в летнее время довольно прохладно, даже при свете солнца температура воздуха может быть всего 7 – 1 0 тепла. Летом эта зона – одна из самых холодных частей острова.

Содержа оленей на вольном выпасе, ульта все же наблюдали за их передвижениями по пастбищам. Особое внимание уделялось ездовым: если долгое время не было кочевок, оленей привязывали рядом со стойбищем на ночную или дневную привязь, затем отпускали, повторяя так много раз. Это способствовало сохранению и концентрации стада.

Кроме того, вольный выпас имел свои особенности. Когда оленей отпускали выпасаться на длительное время, применялось так называемое спутывание ног: на шею оленя надевали жесткий деревянный ошейник (чингей) с привязанным поводом, к которому подвязывалась небольшая палка (кандал) длиной 40 – 60 см, толщиной 1 0 – 2 0 см. Она, находясь посередине, стесняла движения, путалась между передними конечностями, мешая быстро передвигаться, но позволяла животному беспрепятственно кормиться и отдыхать. Этот один из древнейших способов ухода за животными практикуется и ныне не только у ульта, но и у некоторых групп эвенков, тофаларов и других оленеводческих народов (35).

С существованием больших летних стойбищ возникали проблемы с выпасом оленей. Из литературных источников известно, что на рубеже XIX – XX веков ульта стали использовать пастухов из числа родственников, которые следили за тем, чтобы олени не терялись и не приставали к чужим эвенкийским стадам. Случалось, что эвенки намеренно уводили оленей со своими стадами, о чем писал Б. А. Васильев. Кроме того, он отмечал, что ульта поступают беспечно, отпуская своих оленей на вольный выпас. Но он до конца не разобрался, зачем ульта применяют данный способ и позволяют своим оленям разбредаться. Очевидно, в этом была определенная логика. Вольный выпас являлся составной частью системы оленеводства. Превосходно ориентируясь в тайге, зная свою землю, места летних пастбищ, кочевые тропы в зонах летнего и зимнего пастбищеоборота, биологические особенности оленей, характер и повадки каждого из них, ульта сознательно, так же, как и их предки, отпускали животных после совершения какой – либо работы (перекочевка, перевозка на охоте и прочее) на отдых и вольный выпас. Олень – животное таежное, стойловое, его содержание невозможно в данных условиях и при подобном цикле хозяйственных занятий. Усиленное и полноценное питание обеспечивал только вольный выпас, который не требовал специальной заготовки кормов для оленей, а следовательно, не отвлекал основные силы коллектива от сезонных хозяйственных занятий, обеспечивающих дальнейшее существование людей. Кроме того, животные, прирученные с первых часов рождения человеком, знали все миграционные маршруты, летники и зимники, знали стоянки людей, были совершенно ручными и настоящими домашними животными. В силу инстинкта они не уходили далеко от тех мест, где родились, и были приучены летом пребывать на морском побережье. Этому способствовала хорошая кормовая база летних пастбищ. Поэтому при необходимости оленей можно было найти и использовать в летних транспортных работах.

Смена летних стоянок отдельных семей происходила по причинам смены режима хода лососевых (горбуши, кеты), а также с выеданием корма на прилегающих пастбищах (последнее случалось реже и отмечалось в случаях с большим поголовьем оленей). Большое значение имели и санитарные нормы (зараженность личинками овода, грызунами и т. д.). Однако летом не было значительных перемещений на дальние расстояния. Максимальные кочевки составляли *7* – 15 км по побережью Охотского моря.

С появлением грибов, которые активно потреблялись в пищу, олени набирали необходимый вес, становились упитанными. Этот вид кормов способствовал нагулу жира, накоплению в организме животного минеральных веществ и других необходимых компонентов, позволяющих пережить сложный зимний период.

С началом похолодания ульта начинали кочевать в предгорья на осенники. Обычно это происходило в начале сентября. Транспортные работы по перевозке в тайгу рыбных запасов на зиму были в основном завершены. У оленей приближался гон, который так же, как и отел, проходил на определенных местах. Семья следовала обычным традиционным маршрутом в предгорные районы. Как правило, кочевали в течение одного – двух дней по тропе, ведущей на осенние пастбища. Если стадо было невелико, то важенок и телят просто привязывали в общий цуг. Часто важенок также использовали под вьюк.

Осенние *пастбища богаты* лишайниковыми и зелеными кормами. Олени свободно добывали корм. В это время все стадо находилось вместе. Этому способствовали необходимые мероприятия, которые проводили оленеводы. Осенью так же, как и весной, осуществляли привязь важенок и телят. Для более – менее крупных стад строили специальные деревянные загоны – курей, в которых привязывали по очередности на день важенок, на ночь телят. Важенки находились рядом с телятами, быки–производители были там, где важенки. Стадо, особенно в несколько сот голов, разбившись на небольшие группы, находилось рядом со стойбищем. Здесь же доили оленух, из молока которых готовили молочные продукты (масло, сметану).

Перед началом гона олени начинали чистить рога. Места проведения гона отличались постоянством. Однако таковые были различны у дикого и домашнего оленей. Бывали случаи, когда дикие олени покрывали особи домашних важенок. Потомство с примесью дикой крови отличалось независимым поведением, труднее поддавалось дрессировке, с опаской относилось к человеку. Если же от полукровок вновь рождались подобные особи, такое потомство либо уничтожали, либо при дрессировке олени погибали сами. Такие примеры были хорошо известны ульта. Поэтому во время отела предпочитали не допускать случек домашней и дикой особей.

Продолжая разговор о породе домашнего оленя ульта, нужно отметить, что многие авторы в публикациях неоднократно указывали на то, что ранее, возможно, несколько десятков лет назад, ульта имели другую породу оленей. Животные были более мощные, с темным окрасом шерсти. Так, Б. О. Пилсудский писал, что современные олени маленькие, низкорослые. В стадах много оленей белой и серой масти, что было характерно более для стад эвенков. Олени ульта были, напротив, большие, крепкие, выносливые, с томно – коричневым окрасом и несколько диковатые. Б. А. Васильев также собрал материал у северных ульта в пользу данной гипотезы, приведя в пример существование широких ездовых седел, предназначенных для более крупных животных, существующих ранее. Авторы по-разному объясняют этот феномен. Одно из объяснений в том, что постепенно ульта выменяли своих темно–коричневых оленей на эвенкийских белых. Им очень нравился светлый мех, используемый в качестве украшений одежды и предметов быта из меха и ровдуги.

По мнению зоотехника колхоза «Вал» М. Плотникова, олени ульта отличались крупными размерами. По свидетельствам пожилых информаторов ульта, еще во времена колхоза действительно олени были другие, более выносливые и покладистые, смирные, более высокие и сильные (36).

В современном развитии северный олень домашней породы еще более потерял свои качественные признаки, воспитанные предками ульта. Собранный полевой материал свидетельствует о том, что некомпетентное и грубое вмешательство в систему организации традиционного оленеводства в советское время привело к значительному ухудшению свойств породы: одичание, боязнь человека, кровосмешение с дикими, чье потомство плохо поддается дрессировке, невозможность применения на транспортных работах и пр. Подобные изменения в поведении домашних оленей могут происходить за относительно короткий срок – до 20 лет, если не соблюдать основных принципов традиционной системы ухода. Именно за подобный промежуток времени (начало 60 – х – конец 80 – х годов настоящего столетия) из–за запрещения традиционной весенне–осенней привязи

произошла полная деградация ультинской породы домашнего оленя. Полностью сменилось поголовье общественного стада, и новые животные, не знавшие приручения и опеки человека, стали носителями совершенно противоположных признаков. Они стали символом вырождения оленеводства у ульта. С принудительным введением нетрадиционных для ульта форм ухода за оленями произошло одичание большей половины совхозного поголовья. Накопленная в генофонде информация повлияла на изменение поведения у домашнего оленя по отношению к человеку и послужила причиной трансформации породы (частое смешение с дикими особями и пр.). Возможно, раньше ульта замечали, при каких обстоятельствах происходит у оленя смена поведенческих инстинктов. Именно поэтому в системе традиционного оленеводства весенняя и осенняя привязь имела ключевое значение, как постоянные приемы доместикации, повторяющиеся из года в год для новых особей и закрепления привычек для старых.

К сожалению, доподлинно выяснить этот вопрос пока представляется весьма сложным в силу отсутствия биологических исследований по сахалинскому домашнему оленю. Проводившиеся в конце 50–х годов промеры важенок показывают, что данные особи отличаются большой высотой и длиной тела, высота в холке колеблется от 101 до 115 см. Однако полных исследований (промеров, изменений веса, серологического и других анализов) не проводилось (37).

Таким образом, осенняя привязь животных позволяла сохранить не только все стадо в целости, но предусматривала подготовку молодняка к дрессировке, которая начиналась со следующего года.

Хозяйственные занятия ульта на осенниках определялись проведением привязи, гоном животных. В это же время производилась кастрация молодых особей, предназначенных для разряда ездовых. Занятием женщин считались собирательство и заготовка на зиму различных ягод, корнеплодов, лечебных растений и т. д., шитье одежды и обуви. С выпадением снега мужчины уходили охотиться на медведя. С наступлением ранней сахалинской зимы и после выполненных на осенниках занятий семьи ульта откочевывали на зимние пастбища в горные таежные районы. Там же располагались их охотничьи угодья, где начинался промысел пушных зверей.

По сообщениям информаторов, структура и численность домашнего стада были различными в разных семьях. На первом плане в стаде были ездовые, как правило, кастрированные олени,

выполнявшие основной объем работ. Затем отмечали важенок, их количество колебалось от 2 – 5 голов до 10 и более. Далее по важности – телята и быки – производители. Количество тех или иных оленей варьировало в разных хозяйствах. Часто оно зависело от состоятельности и работоспособности членов семьи: чем больше было мужчин и сыновей, тем лучше обеспечивался уход за оленями и тем богаче была семья. За счет естественного прироста и падежа происходило ежегодное обновление либо пополнение стада.

Как правило, в хозяйствах ульта имелось от 10 до 80 ездовых оленей. Но отмечались совсем малооленные: так, в с. Тарайка семья Нвенгара, состоящая из 6 человек (3-х мужчин, 3-х женщин разного возраста), имела всего 5 голов оленей. А в хозяйстве Владимира Оопуна из с. Сонэги имелось 100 голов ездовых (38). Помимо ездовых, были и важенки с телятами. Кстати, оленухи также использовались в транспортных перевозках. Владимир Оопун был самым зажиточным хозяином среди ульта. По рассказам оленевода А. Н. Макарова, оленье стадо старика Оопуна стало основой при организации колхоза «Вал» в начале 30–х годов. По данным Штейгмана, у северной территориальной группы ульта всего было около 760 голов домашних оленей. Но, возможно, не все кочевья ульта были учтены. Так, мы не располагаем достоверной информацией о количестве поголовья у обитателей Луньского залива, а также залива Терпения.

По сообщениям пастухов, средняя продолжительность жизни ездового оленя 13 – 15 лет. Ульта различают возрастные категории для домашних оленей (ула), которые имеют свои названия: 1) теленок до 1 года – сондо; 2) олень от 1 до 2 лет: самец – апала, самка – сате; 3) олень от 2 до 3 лет: самец – иктэнэ, самка – тулу; 4) олень от 3 до 4 лет, самец – нотоно; 5) олень от 4 до 5 лет, самец – хаматана; 6) олень от 5 до 6 лет – дубчи, затем считали по годам (геда ди дубчи – 1, дуди дубчи – 2, илади дубчи – 3, дина дубчи – 4, тунда дубчи – 5–летний олень в возрасте дубчи); 7) старый, смирный олень – сагдаку; 3) важенка – нами; важенка с теленком – сору; важенка, не приносящая потомство, – вангай. Взрослый олень после 4 лет, способный к воспроизводству, т. е. некастрированный олень, называется корбо. Кастрированный олень назывался хакта. Олень, еще не обученный для транспортной работы, именовался дэлэмичэ. Для обозначения дикого оленя в ультинском языке существует другое название – сиро.

Достаточно дробная возрастная градация домашних животных свидетельствует о развитой системе определения возраста оленя,

применявшейся в течение постоянного процесса доместикация и дрессировки, о глубоких народных знаниях биологии оленя, о длительности процесса воспитания ездового оленя, ибо она характерна более для самцов. Для важенок выделены всего три возрастные категории доотелочного периода (Б. А. Васильев записал пять возрастных названий важенок). Часть таких названий оленей коррелирует с другими, принятыми у тунгусоязычных оленеводческих народов Сибири – эвенков разных групп, эвенов, негидальцев, но с некоторыми изменениями в произношении и в обозначении возраста (так, у эвенков, эвенов и др. амаркан – 3-летний олень, у ульта - хаматана, 4-летний олень и т. д.). Это свидетельствует о древности отпочкования отрасли ульта от общетунгусского оленеводческого комплекса. Многие термины являются чисто ультинскими (особенно категории от пятилетнего возраста). В обозначении дикого оленя подобное слово встречается еще в эвенкийском (ирэ), орочском (и}у), нанайском (сиру) и ульчском (сиру) языках. Общее название домашнего оленя 2 – 3 лет «иктэнэ» у некоторых групп эвенков, эвенов, якутов, ульта, негидальцев известно в маньчжурском языке. Так называли 2-летнего жертвенного теленка с большими рогами (39).

Таким образом, на лексическом материале прослеживается общетунгусский пласт оленеводческой культуры, но с более упрощенными и приспособленными к своему языку терминами, собственно ультинские элементы и древние маньчжурские. Можно предполагать о существовании очень древних этнокультурных, возможно, этногенетических контактов предков ульта и древней прототунгусо – маньчжурской общности на территории Восточной Азии.

Более подробно рассмотрим, каким образом распределялись обязанности между членами семьи в отношении оленей, методы и способы дрессировки животных. Как правило, большую нагрузку по уходу и дрессировке домашнего оленя несли мужчины. В процесс подготовки и дрессировки были вовлечены подростки, сыновья, которые, находясь рядом, постоянно выполняли различные поручения взрослых, постепенно познавая все законы, правила и методы ведения оленеводства. Таким образом, проходила своеобразная социализация подрастающего поколения, которое затем становилось носителем профессиональных знаний и навыков. Глава семьи (чаще отец) и его сыновья следили за состоянием животных в стаде, зимой и летом осматривали пастбища, а для того чтобы олени не терялись и не уходили слишком далеко, применяли прием спутывания ног (или кандаление). В мужские обязанности входили племенная работа по улучшению породы оленя, кастрация нужных особей, дрессировка ездовых под верх, вьюк, в нарту, обучение передовых. Приемы подобной работы передавались от отца к сыну, из поколения в поколение. Кроме того, необходимым условием было изготовление специализированных транспортных предметов и средств передвижения (верховых и вьючных седел, нарт, вьючных сум, узды, арканов, чингей и т. д.).

Основные способы приручения и дрессировки состояли из нескольких последовательных этапов. На начальном этапе, как отмечалось, использовалась весенняя и осенняя привязь телят, которая способствовала приучению к узде и выработке смирного поведения, повиновению воле человека в первый год жизни. В следующем возрастном классе *«апала»,* когда олень отделялся от важенки, его начинали постепенно обучать. Чем моложе животное, тем легче оно поддается обучению. По полевым материалам автора, молодого оленя за 4 – 7 дней можно приучить к транспортировке нетяжелого вьюка. Нужно взять оленя на привязь и наблюдать за его поведением: как он переносит подневольное положение, как питается подножным кормом, как реагирует на приближение человека, как ведет себя с навьюченной сумой и т. д. В течение суток его несколько раз водят на водопой, меняют места привязи. Рели животное не проявляет признаков *беспокойства, то на* спину ему кладут мягкие мешки с ветками стланика, имитирующие вьючные сумки. Если же животное достаточно беспокойно, напряженно держит шею, прыгает, то его выдерживают на привязи более длительное время, делают укороченный повод, иногда содержат без пищи и воды. Постепенно олень смирнеет. К непривычной ноше он привыкает обычно несколько дней (2 – 4 дня). Затем у вьючных сумок увеличивают вес, набивая их песком, и совершают передвижения в течение 2 часов по разным маршрутам недалеко от стойбища. Через несколько дней, после того как животное привыкнет к вьючным сумкам, наступала новая фаза дрессировки.

Следующий этап – обучение двигаться в цуге (гилбэне). Это необходимо делать для того, чтобы молодой олень не боялся других, не сбивался, не путался в поводе. Для этого к двум опытным и смирным животным по центру припрягают молодого [передовой олень верховой, на нем сидит обучающий) и совершают 2 – , 3 –часовой выезд по таежным тропам. Данное упражнение проводится много раз в течение нескольких дней, в зависимости от поведения особи. Если подходил срок

кочевания, то старались к этому уже подготовить молодого оленя. В период дрессировки обычно готовят несколько ездовых, Поэтому те же приемы отрабатывают и сыновья, но уже под присмотром более опытных взрослых и отцов. По–прежнему утром и вечером осуществляется перевязывание: смена места привязи и водопоя дрессируемых животных.

Летом в период дрессировки и тренировок обучающиеся олени постоянно находятся на привязи и лишь через определенные промежутки времени при спокойном поведении отпускаются на вольный выпас, но с применением деревянных кандалов. В семье во время разговоров на темы дрессировки старики отмечают правильные методы и приемы, обсуждают поведение отдельных особей, делают замечания молодым членам семьи и подсказывают порядок обучения. Для закрепления необходимых привычек дрессируемых оленей стараются использовать в челночных коротких перекочевках, при этом на него немного вьючат и ставят в центр гилбэна, чтобы молодой олень не сбивался с ритма движения и привыкал к постоянным маршрутам. Постепенно олень привыкает к работе. Одновременно хорошую практику проходят и молодые люди.

Зимой продолжалась дрессировка оленя для перевозки нарты. Начинали с того, что при перекочевках молодого оленя привязывали сзади нарты. Через некоторое время его припрягали впереди нарты вместе с передовым опытным оленем (слева), знающим все команды на повороты, которые производятся с *помощью повода* (силма) и хорея, маршруты движения, кочевые тропы, места постоянных и временных стоянок и т. д.

Самое важное в транспортном оленеводстве – подготовка ездового оленя, т. е. дрессировка под верховую езду. Ездовые считаются самыми ценными, поскольку они заняты на основных транспортных перевозках, в охотничьем промысле и поэтому требуют большой и длительной постоянной работы по дрессировке. Как правило, ездовые олени отличаются покладистым поведением, знают все кочевые тропы, места временных и постоянных сезонных стоянок. Последнее обстоятельство легко объясняют ульта тем, что в копытах оленя находится железа (сая), выделяющая при ходьбе неуловимый запах, который остается на тропе. Учуяв его, *животное* без труда пойдет в нужном направлении и вернется на прежнее место. Среди домашних оленей наблюдается определенная специализация при использовании: хороший ездовой олень всегда использовался только по назначению, под вьюк могли

использоваться животные, находившиеся на разных ступенях дрессировки, в том числе и важенки.

Дрессировка верхового оленя происходила *поэтапно* в течение 5 лет: 1-й этап – приручение к человеку, к узде, к привязи; 2-й этап – дрессировка под вьюк (как указано выше), затем приучение к вьючному седлу, выработка поведения оленя во время кочевок в цуге (гилбэ),'привыкание к кандалению при вольном выпасе в течение всего года; 3-й этап – дрессировка для запрягания в нарту (проводится зимой). Однако нарта используется и летом, в хозяйственных работах (возможно, раньше первоначально оленя обучали для нарт, а затем для других видов работы); 4–й этап – дрессировка под верх, воспитание восприятия команд управления при верховой езде (посадка, движение, галоп, стоять, влево, вправо, поворот назад и т. д.), свободная ориентировка на местности, на пастбищах, знание своего хозяина и т. д. Последний этап наиболее сложный и длительный. Дрессировка под верховую езду начиналась с привыкания к верховому седлу и всаднику. Как и вьючное, верховое седло укрепляется на лопатках и затягивается подпругой с правой стороны. Особую роль здесь играют приемы, связанные с посадкой на оленях (она осуществляется также с правой стороны животного при помощи посоха – чинапу). Дрессируемого оленя с наездником припрягали к двум другим, также верховым, по центру и ехали так некоторое время: молодой – в центре, опытные олени с пастухами – по краям слева и справа. Во время движения они оценивали посадку самого наездника, достаточно ли натянут повод (силма), правильно ли делаются команды для оленя и т. д., потому что в таких случаях участвовал молодой и начинающий пастух. Убедившись, что все в порядке, тренируемого оленя отпускали на самостоятельное движение, а обучающие дальше со стороны наблюдали за ходом и делали замечания по управлению оленем. Это упражнение называется «открыть глаза» оленю. Так происходило одновременно обучение юноши и оленя.

Существовали и другие способы. Безусловно, все виды дрессировок происходили в разные сезоны года. Тренировка под верх и вьюк проводилась в основном в бесснежные сезоны. Чем моложе была особь, тем быстрее она поддавалась дрессировке. Но только в возрастных категориях «дубчи» и «сагдаку» олени обычно становились настоящими верховыми и приобретали особую ценность у сородичей ульта. Благодаря постоянным тренировкам олень становился настоящим домашним транспортным животным. На охоте, при различных кочевках мужчины наблюдали за рабочими качествами, за

выносливостью и поведением оленей. Во время свободного выпаса они отмечали повадки и привычки, места лежек, водопоев и прочее. Обсуждая это со старшими членами семьи, последние подсказывали приемы, стимулирующие навыки, полученные оленем при первоначальной дрессировке (40).

На исходе короткого лета или на осенниках, когда становилось прохладно и исчезали кровососущие насекомые, ульта совершали выбраковку и кастрацию животных. Прием кастрации описан в статьях Б. А. Васильева и М. И. Плотникова (41). До настоящего времени применяется древний способ прокусывания зубами (testicula). В этой операции, которая длится 2 – 3 минуты, принимают участие 3 – 4 человека. Сначала оленя привязывают к дереву, закрепляют на одной задней конечности веревку, с силой дергают за нее и валят животное на бок на землю, затем наваливаются на его холку, на туловище и на другую свободную конечность, не забывая держать рога. Животное сковано в движении: в это время происходит кастрация. После оленя на время привязывают, а потом отпускают на вольный выпас.

Выбраковка проводится также традиционным способом: животное, непригодное к обучению по породным или этнологическим качествам (часто полукровки), убивают ножом.

Как уже отмечалось, в сохранении поголовья были заинтересованы все члены семьи, ибо олень – это богатством достаток. Рассмотрим место домашнего оленя в отношениях традиционной собственности ульта. Как у многих народов Сибири, у ульта не было письменного юридического права, закрепляющего частную собственность. Тем не менее традиционное право, по моим наблюдениям, отмечало особую форму собственности на данное домашнее животное. С момента надевания уздечки, т. е. почти с рождения, теленок становился собственностью хозяина – мужчины, главы семьи. В данном случае узда используется в качестве первого показателя собственности, принадлежности определенному лицу. Поскольку каждый хозяин имел свои навыки изготовления узды (свой «почерк»), то каждая такая вещь отличалась от подобных, сделанных другими мужчинами. Далее глава семьи сам распределял, кому из членов семьи будет впоследствии принадлежать животное. Подростки или дети давали ему кличку, которая могла закрепиться сразу. Вообще выбор клички зависел от многих обстоятельств и признаков самого животного: необычного окраса, других внешних особенностей, кличек родителей, особенностей поведения и пр. Кличку могли давать и позже, когда теленок подрастал, в процессе обучения и использования на работах. Больше распространены клички по окрасу (пемура – пестрый, тагда – белый, карау(–в) – черный), по поведенческим инстинктам (нивалу – олень, который не чистит осенью рога, и пр.).

Как правило, хозяин ставил на олене свой знак собственности - тамгу–саве. Каждый взрослый мужчина – *глава* семьи – имел свой знак собственности. Метку делали на ушах животного. Обычно это различные сочетания вертикальных, горизонтальных, треугольных, полукруглых и других видов надрезов на внешней стороне ушной раковины. Либо это сочетания надрезов и срезов верхней части уха, либо в нижней части и т. д. Обычно семьи знали метки оленей, принадлежащих соседям. Если олень отбивался от своего стада или попадал к соседям, или в эвенкийский табун, то по меткам узнавали его принадлежность определенному владельцу. Чужого оленя всегда возвращали хозяину. Случаев кражи животных среди ульта не зафиксировано ни одним исследователем. Кража оленя табуировалась традиционным правом. Кроме того, на каждом животном было ботало – кангальта, звон которого был слышен далеко. Для каждого оленя кангальта изготавливались отдельно и имели специфический звук. Привычное ухо пастуха улавливало приближение оленя благодаря боталу, причем по характеру звона определяли даже его кличку. Традиционно ульта делали кангальта из высушенной прочной дощечки прямоугольной формы, к которой с внешней стороны привешивались тонкие деревянные палочки. Эта конструкция подвешивалась на шею, и при малейшем движении палочки, ударяясь о дощечку, издавали сильный звук, который был далеко слышен. Позже, с приходом эвенков, ульта стали применять железные ботала – кунгилэн, в виде колокольцев, которые у них же и выменивались. Постепенно мужчины самостоятельно стали изготавливать железные ботала, которые в конце концов вытеснили традиционные деревянные. Закрепилось и их эвенкийское название – кунгилэн. По звону, издаваемому железными кунгилэн, также можно различать оленей. Использование описанного элемента также благотворно сказывалось на приручении животных. Так, телята с рождения привыкали следовать за звуком (ботало вешалось всем домашним животным, в т. ч. важенкам), издаваемый звук облегчал поиск животных и одновременно отпугивал хищных зверей.

Таким образом, домашний олень – объект собственности, который охраняется многими символами, начиная от уздечки и заканчивая меткой. Другие члены семьи, в том числе женщины, не имели своих знаков собственности, но имели оленей для кочевания, которых приводили с собой как приданое или

впоследствии давал муж. Кроме того, домашние олени, распределялись между членами семьи: старшим детям а пользование (во время кочевок) давали оленей, за которыми они ухаживали и которых дрессировали. Если старшие сыновья отделялись, то они брали себе новую метку, но чаще сыновья наследовали тамги отцов; т. к. домашние олени передавались по наследству. Забота об оленях в разной степени лежала на всех членах семьи. Количество оленей – показатель достатка и зажиточности данного коллектива (чем больше вещей у семьи, тем длиннее гилбэ (цуг) при перекочевке, а значит, и больше нужно оленей). Таким образом, глава ультинской семьи выступал в качестве персонифицированного владельца собственности, которая, по сути, принадлежала всей семье (также и детям), члены которой участвовали в уходе.

По сообщениям информаторов, ездовой олень выступал в качестве объекта купли – продажи. Правда, в таких ситуациях существовала опасность возвращения оленя к прежним хозяевам в силу инстинкта. С активизацией обмена и торговли в Амуро-Сахалинском регионе ульта все более оказывались в центре этого процесса. С появлением пришлых торговцев за приобретенный товар они расплачивались и оленями. Хороший ездовой олень имел высокую цену (олень мог стоить более 100 рублей, такую стоимость предлагали сами ульта, когда врач Штейгман спрашивал цену, определяемую хозяином за животное). Известно, что сами ульта два раза за зиму совершали поездки на ярмарки в селения Нижнего Амура. По сообщениям пожилых информаторов, очень часто торговцы из амурских нивхов, да и некоторые из соседей восточно – сахалинской группы нивхов, при обменных и торговых операциях принимали домашних оленей в качестве оплаты за товар. Но нивхи, как правило, не забирали их, а оставляли в том же стаде. Ибо не имели навыков ухода за оленями, да и в силу хозяйственной и иной специфики не имели возможности содержать оленей близ своих жилищ и использовать их как транспортных животных. Однако при встречах нивхи всегда интересовались состоянием «своих» оленей и старались напомнить ульта о своей собственности. Оленеводы чаще снисходительно относились к подобного рода интересу и часто подсмеивались над незадачливыми «хозяевами» оленей, отвечая им, что тот олень уже умер. Но с интенсивным развитием транспортных перевозок нивхи в 20 –х годах использовали оленей, купленных у ульта (42).

Отмечено, что домашних оленей отдавали в качестве приданого при выходе дочери замуж. Имел место обмен молодыми телятами и некастрированными животными, последние использовались для улучшения породы. Но чаще всего домашних оленей не продавали, а использовали для промыслов и транспортных нужд.

Однако отношение к домашнему оленю со стороны членов коллектива, отношения между сородичами – это одна сторона исследования в системе традиционного оленеводства. Другую сторону отношений данной системы представляют территории, на которых находятся сезонные пастбища, охотничьи районы, места рыбного промысла. В данном случае пастбища, которые имели свою систему оборота, сообразно смене сезонов года, – еще один объект системы оленеводства. Можно полагать, что ульта не имели четкого фиксированного представления о праве частной собственности на те или иные территории, как и многие другие народы Сибири. Однако у них было достаточно развито понимание «своей» и «чужой» земли. В пределах «своего» замкнутого района ульта совершали циклы сезонных кочеваний, осуществляли опромышление угодий, поддерживали таким образом жизнеобеспечение всех коллективов, составляющих большую территориальную группу и этнос. Определенную упорядоченность в схему вносили потребности оленеводческого хозяйства (условия сезонного содержания животных, места отела и гона и пр.).

По материалам наших полевых наблюдений, неписаное традиционное право издавна закрепляло за определенной патронимией необходимые земли и пастбища. В общественном мнении этноса за определенной локальной группой (в прошлом родовой) фиксировалась своя территория. Как и в первом случае, глава семьи более других являлся носителем собственности на пастбища. При соблюдении традиционной патрилинейности, характерной для социальной организации ульта, передача пастбищных и других угодий осуществлялась от отца к сыну. Последний оставался жить на этих землях. Таким образом, поддерживалась преемственность в их эксплуатации. Как уже отмечалось, в начале нынешнего столетия большинство коллективов дороннени совершили сезонные (и челночные) перекочевки по районам в бассейнах рек акватории Охотского моря, на которых жили в древности их предки. Часть суннени в заливе Терпения, где отмечены безоленные семьи ульта, занимавшиеся рыболовством, промыслом морского зверя, кардинально изменили свой образ жизни под влиянием японской цивилизации. Некоторые из них работали по найму на предприятиях города Сикука (Поронайск), на железной дороге, нанимались в армию (43). Большинство аборигенов были собраны

в деревне на о. Отасу в устье Пороная. С течением времени под влиянием изменений в самой структуре оленеводства и с изменением расселения людей, с отходом от данных занятий понятия о бывших родовых территориях были нивелированы и искажены, о чем свидетельствуют документы последних лет (список родов и закрепленных за ними территорий в Ногликском районе, составленный в 1992 г. на собрании коренных жителей с. Вал).

Таким образом, в системе традиционного оленеводства ульта необходимо обозначить следующие составные: 1) отношения собственности, сложившиеся в данном социуме (объекты – домашний олень и земли, пастбища), проявлявшиеся через семейный строй и символы; 2) приемы ухода, подготовки и использования домашнего оленя, изготовление специализированных предметов транспорта; 3) связь и взаимозависимость годового хозяйственного цикла и системы оленеводства, обусловленной биологическими особенностями домашних животных; 4) воспитание профессиональных, трудовых навыков у ульта, их межпоколенная передача, психологическая ориентация на оленеводство как единственно возможное занятие; 5) отношение к домашнему оленю через призму духовной культуры (участие его в погребальном, свадебном обрядах). (Этот пласт материала в данной статье не используется).

VI. Заключение

Оленеводство представляет собой специфическую систему с особенным набором культурных ценностей в области материальной и духовной культуры, языка. Оленеводческая традиция органично влилась в островную экологическую нишу, которая в свою очередь предопределила необходимую корректировку. Организованная система оленеводства, функционирующая у подавляющей части этноса на рубеже XIX – XX вв., была завязана на определенной территории. Существовала постоянная экономическая зависимость группы от осваиваемого ареала (жизнеобеспечение: потребность в пище, сырье для домашних промыслов и пр.), с одной стороны, а с другой – удовлетворение потребностей домашних животных в кормовой базе, учет их биологических особенностей. Стимулирующим фактором развития данной отрасли хозяйства было отсутствие хищников и эпизоотий. В комплексное хозяйство, предполагавшее смену отраслей сообразно временам года, транспортное оленеводство органично влилось на правах самостоятельной отрасли со специализированным набором предметов. Оленеводство, достаточно четко внутренне организованная система, требовало определенных профессиональных навыков у членов социума, предполагало изменение образа и ритма жизни всего этноса.

Рассмотренная традиционная система оленеводства ульта с определенным ритмом кочевок, освоением и оборотом пастбищ, традициями ухода и доместикации, использованием оленей для хозяйственных нужд, стабильной численностью и составом домашних стад, довольно дробной возрастной градацией животных подтверждает версию о достаточно давнем времени проникновения домашнего оленеводства на Сахалин (задолго до первых упоминаний о нем на острове, см. п. II). Косвенным подтверждением этого являются значительная устойчивость этнического сознания в отношении домашнего оленя, участие его в обрядах жизненного цикла, легенды, связанные с оленем, и т. д. О конкретном времени говорить пока сложно, ибо нет у исследователей единой точки зрения на предмет времени возникновения вообще оленеводства и распространения у народов Сибири.

Традиционная система ультинского вьючно – верхового и упряжного оленеводства носила более архаичные черты. Положенные в ее основу составные принципы были адаптированы к местным островным природно-климатическим условиям: сезонный и челночный ритмы кочевий, выбор и устройство летних пастбищ в холодных прибрежных зонах снимали многие проблемы по уходу за животными (отсугствйе дымокуров, защитных навесов и изгородей). Достаточно длительное автономное развитие оленеводства способствовало выработке навыков применения животных в охотничьем промысле (особенно в охоте на дикого оленя), частично в промысле пушных зверей.

Сопоставление традиций оленеводства ульта с типологически близкими отраслями хозяйства других народов Сибири дает основание вычленить данный этнокультурный вариант как самостоятельный в таежном транспортном оленеводстве. Наличие элементов общетунгусского пласта в системе оленеводства свидетельствует о существовании далеких этнокультурных, возможно, этногенетических контактов древнего населения Дальнего Востока и Сибири. Вероятно, на более ранних этапах ультинское оленеводство отпочковывалось от общего пласта, и длительный период времени происходила самостоятельная его эволюция в условиях относительной островной изоляции и в условиях особенностей островной

экологической ниши. Об этом свидетельствуют архаичные черты данного варианта оленеводства.

Система оленеводства ульта испытывала влияние оленеводческих культур близлежащего материка и в более раннее время до позднего переселения эвенкийских групп в прошлом столетии. Предположительно, с расширением китайского и маньчжурского влияний в Амуро – Сахалинском регионе в I – II тысячелетиях н. э. оленные тунгусоязычные группы постоянно проникали на остров, богатый пушным зверем и пастбищами для оленей. Некоторые из них оставались на этих землях, вступая в контакт с местным населением, постепенно ассимилировались, воспринимая своеобразные «правила поведения», вступая в брачные отношения и одновременно привнося в местную оленеводческую культуру новые элементы. Незначительные по масштабам постоянные интрузии оказывали влияние на культуру собственно ульта (появление верхового, вьючного, детского седел и др.). Подтверждением выше изложенного являются термины родового состава, некоторые из которых отмечаются у других народов Дальнего Востока (44), Последнее переселение эвенков, отчасти оленных якутов, на остров явилось последним звеном в окончательном оформлении системы оленеводства у ульта Сахалина.

В результате почти векового близкого этнокультурного контакта ульта заимствовали у них многие элементы – осеннюю изгородь (курей), дымокуры, ботала, палатки и пр., в лексиконе появились эвенкийские названия возрастных категорий домашних оленей (мулкан, тарагай и др.), отмеченные исследователями (45). Кстати, во многом под влиянием эвенков, ульта стали принимать православную веру. Под натиском эвенков постепенно изменились качества экстерьера ультинских оленей, о чем свидетельствовали исследователи прошлых лет и сами ульта, не раз вспоминая о рассказах предков про сильных и выносливых в прежние времена оленях. Возможно, произошли изменения в размещении отдельных кочевых групп на территории Северного Сахалина: сократились площади используемых пастбищ и охотничьих угодий, образовались новые территориальные объединения. У дороннени, вероятно, под влиянием эвенков, с которыми были более близкие и частые контакты, вплоть до заключения браков, появилось стремление увеличивать поголовье в своих стадах, т. к. крупные табуны становились престижны в глазах и эвенков, а позже и соплеменников ульта.

В целом традиционная система оленеводства ульта вписывалась в хозяйственно – культурный тип таежных оленеводов и охотников, широко распространенный у многих народов Сибири в прошлом. Последующее ее развитие в советский период значительно изменило не только оленеводство и другие отрасли хозяйства, но и этническую социальную организацию в целом. В настоящее время оленеводство сохранилось в деформированном виде у представителей северной группы ульта, которые связывают с ним свое будущее. Основная проблема – выработка новых форм, позволивших сохранить оленеводство в экономической структуре Сахалинской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

К Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб. Т. 1, 1883. Т. 2, 1999.

2. Штернберг Л. Я. Дневник путешествия к восточным гилякам и срокам (июнь – июль 1891 г.). Петербургский филиал архива Российской Академии наук. Ф. 282. Оп. I. Д. 190. Л. 91 - 195 (ПФ АРАН).

3. Пилсудский Б. О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Южно-Сахалинск, 1989.

4. Васильев В. Н. Отчет о командировке к гилякам и орокам. //Отчет Русского музея за 1911 г. СПб., 1914; Материалы врача Штейгмана. Перепись гиляков и ороченов, август - сентябрь 1908 г. (рукопись). ПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 93. Л. 164 – 237; Экспедиция на север острова Сахалина для санитарных мероприятий среди инородцев и попутного сбора статистики – экономического материала о них, командированная Военным Губернатором острова летом 1908 г. Доклад о действиях экспедиции начальника врача Коллежского Советника Штейгмана. ПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 93. А. 266-279 об.

5. Васильев Б. А. Основные черты этнографии ороков. //Этнография, 1929. N 1. С. 17-21.

6. Доклад члена Сахалинского ревкома А. Ильина об обследовании туземного населения северной части о. Сахалина от 15 марта 1926 г. Ф. Р – 3158. Оп. 1. Д. 48. Л. 22 – 23, 39; Крсйнович Е. А. Расселение туземного населения советской части о. Сахалина. //Дальневосточное статистическое обозрение. 1928. N 12. С. 4.

7. Смоляк А. В. Южные ороки. [Этнографические заметки). //Советская этнография. 1965. N 1. С. 28 – 42; Таксами Ч. М. Ороки Сахалина. //Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР. Д., 1964. Вып. 4; Сем Ю. А. Проблема происхождения ороков. //Общие закономерности исторического развития народов советского Дальнего Востока. Владивосток. 1965.

8. Василевич Г. М. Эвенки. Историко – этнографические очерки. Л., 1969. С. 77-78.

9. Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX - начале XX а. Издательство Иркутского университета. 1990. С. 3- 174.

10. Ямамото С. Быт аборигенов Карафуто. Токио, 1943 (на яп. яз.); Нагане С. Быт туземцев на Карафуто (айнов, ороков и гиляков). Токио, 1925 (на яп. яз.). Перевод Е. Нельгина. Владивосток, 1929; Р. Танака и Д. Генданy. Гендану: Драма маленького народа с северных территорий. Токио, 1978 (на ян яз.); Икегами Д. Повседневный словарь уилта. Издание Общества сохранения культуры и фольклора северных регионов. Абасири, 1989. С. 1-81 (на яп. яз.); Магата Х.

Словарь ультинского языка. Издание Общества по сохранению культуры и фольклора северных регионов. Абасири. 1981 (на яп. яз.); Маевич А. Ф. Ороки. Прошлое и настоящее. //Развитие Сибири. Народы и ресурсы. Нью-Йорк, 1989. С. 124-146 (на англ. яз.); Иноуэ К. Уилта и их оленеводство. Издание Чубу Университет. Нагоя, 1993. С. 1-23 (на англ. яз.). (В данной работе публикуется обширная библиография изданий по культуре ульта на японском языке).

11. Таксами Ч. М. Тунгусские народы на Сахалине. //Страны и народы Востока. М., 1954. Вып. 6. С. 34; Смоляк А. В. К вопросу о происхождении ороков. // Краткие сообщения Института этнографии. М, 1954. XXI. С. 33 - 38; Сем Ю. А. Указ. соч.

12. Иноуэ К. Указ. соч. С. 5; В работе Л. И. Шренка «Об инородцах Амурского края» (т. 1) в сноске на с. 135 указаны работы западноевропейских историков, в которых есть упоминания об ульта (ороках) из китайских источников: Ritter, Du Halde, Pauther.

13. Мамия Р. Описание Северного Эдзо. Перевод Переславцева В. В. // Краеведческий бюллетень. 1990. N 2. С. 117 - 119.

14. Пилсудский Б. О. Указ. соч. С. 29; Средняя населенность юрты у ульта, по данным Штейгмана, составляет 4,9 человека. Доклад о действиях экспедиции начальника врача Коллежского Советника Штейгмана. Л. 266.

15. Для обозначения «рода» в ультинском языке существуют два разных термина - «хала» и «тава». Первый распространен у соседних народов Амура (нанайцев, ульчей, негидальцев и др., а также маньчжуров) и имеет значения: 1) фамилия; 2) обозначения родственников; 3) род и племя. У негида и нанай отмечено название халада – старейшина, чиновник. У маньчжуров термин «хала» означал фамилию, а также чиновников – управленцев. (См.: Сравнительный *словарь* тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. Л . 1975. С. 411). Второе название «тава» - огонь, для обозначения родственных связей использовалось только у ульта. Возможно, оно имеет более древнее происхождение, нежели «хала», и соответствует первоначальному понятию рода у ульта (люди – кровные родственники, имеющие один общий огонь). Таким образом, слово «хала» позднее вошло в лексикон ульта и стало означать принадлежность к одной фамилии, а также к одному племени. Ибо на вопрос: «Хай хала ни си?» (Какой ты принадлежности (племенной)? – старые информаторы отвечали: «Бн уильта хала ни» (Я ульта). /Полевые материалы автора. // Аргументацию о вторичном образовании родов у народов Нижнего Амура см.: Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М, 1975. С. 78.

16. Доклад о действиях экспедиции начальника врача Коллежского Советника Штейтмана. Л. 267 (об.).

17. Крейнович Е. А. Указ. соч. С. 4; Васильев Б А. Указ. соч. С. 5; Материалы врача Штейгмана. Перепись гиляков и орочонов. Л. 164 – 237.

18. Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Д.. 1967. С. 32; Йкегами Д. Указ. соч. С. 42; Магата Х. Указ. соч. С. 143.

19. Полевые материалы автора (Информаторы: Михеева М. С. – Гисиктавда. Семенова О. Н. – Ольгандя, Соловьев Н. М., Бибикои Е. А); Перечисление родовых названий содержится в: Магата Х. Указ. соч. С. 76; Икегами Д. Указ. соч. С. 3 - 81.

20. Патканов С К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. //Записки Русского географического общества по отделению статистики. СПб. 1912. Т. 1. С. 174.

21. Атлас Сахалинской области. Южно–Сахалинск, 1967. С. 55, 57 60

22. Сасаки С. Сантан - коэки - торговля народов Нижнего Амура и Сахалина в XVIII и XIX веках. //Б. О. Пилсудский - исследователь народов Сахалина. (Материалы международной научной конференции. 31 сентября – 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 122 - 125.

23. Полевые материалы автора (Информаторы: Соловьев Н. М., Владимиров П. Н., Макаров А. Н. и другие).

24. Икегами Д. Альбом уилта (ороков) Сахалина (1905 - 1945) с объяснительными замечаниями. Абасири, 1982. С. 20 – 23, 97 – 98; Роон Т. П. Предварительные итоги этнографического изучения ульта Северного Сахалина в Сахалинском областном краеведческом музее. //Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. (Материалы международной научной конференции. 31 октября - 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск. 1992. Т. 1. С. 134 - 142.

25. Мишин И. П. Опыт работы передовиков–оленеводов колхоза «Вал» Восточно-Сахалинского района. 1950 г. Библиотека Института морской геологии и геофизики. Ф. 1021. Л. 6 (Библ. ИМГиГ);

26. Полевые материалы автора. (Информатор Соловьев Н. М.).

27. Мишин И. П. Дикий северный олень о. Сахалин. 1950. Библ. ИМГиГ. Ф. 510. Л. 3.

28. Мишин И. П. Опыт работы передовиков-оленеводов колхоза «Вал» Восточно–Сахалинского района. Л. 13.

29. Васильев Б. А. Указ. соч. С. 9.

30. Ямамото С. Быт аборигенов Карафуто. С. 23 – 25.

31. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1. Л., 1975. С. 436.

32. Известно, что он проводил полевые исследования в весенне-летний сети. В это время ульта со стадами подкочевывали к морским побережьям на летники, где не было надобности в дымокурах. Пилсудский Б. О. Указ. соч. Вводная статья Латышева В. М. С. 5 – 6.

33. Баскин Л. М. Северный олень. Экология и поведение. М., 1970. С. 89.

34. Пилсудский Б. О. Указ. соч. С. 43.

35. Помишин С. Б. Происхождение оленеводства и доместикация северного оленя. М., 1990. С. 25.

36. Плотников М. И. Олени острова Сахалина.//Советский Север. 1935. N 1. С. 48 - 54.

37. Мишин И. П. Опыт работы передовиков–оленеводов колхоза «Вал» Восточно–Сахалинского района. Л. 26.

38. Материалы врача Штейгмана. Перепись гиляков и ороченов. А. 183.

39. Сравнительный словарь тунгусо – маньчжурских языков. Т. 1. С. 36, 342.

40. Полевые материалы автора.

41. Васильев Б. А. Указ. соч. С. 5. Плотников М. И. Указ. соч. С. 51.

42. Смоляк А. В. Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 189 - 191.

43. Смоляк А. В. Южные ороки. С. 28 - 42; Маевич А. Указ. соч. С. 14] – 144.

44. Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М., 1984. С. 120.

45. Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975. С. 144 - 146.

А. А. Василевский

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕН-РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ КУЛЬТУР САХАЛИНА В СВЕТЕ НОВЫХ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Современное видение проблем плейстоцен – голоценового рубежа и ранних истоков «неолитической революции» (1) логически открывает ряд казалось бы решенных еще в 1970 – 80 – е гг. вопросов древней истории. На повестку дня дальневосточной археологии автоматически встают вопросы сущности и хронологии верхнего палеолита и раннего неолита, характера и временных рамок промежуточного этапа, причин, этапности, механизмов, значения процессов ранней приморской адаптации, корреляции, трасформации и преемственности стадий развития материальной культуры и хозяйства в масштабах Восточной Азии.

Задачей настоящего исследования является первичная, по сути, критика источников сахалинского палеолитоведения в свете указанных проблем современной археологии Дальнего Востока России (2). Из анализа логически вытекают выводы как общего, так и конкретно – методического характера. К рассмотрению привлекаются и известные, и совершенно новые источники. Критерием их оценки являются четыре довольно простых и общепринятых требования: достоверность, информативность, проверяемость и комплексность. Идеальный, на мой взгляд, источник – это качественно раскопанный памятник, на котором наряду с археологическими проведены все возможные естественнонаучные исследования.

Наиболее важные источники изучения позднеплейстоцен – раннеголоценовых событий истории на Сахалине – стоянки Адо – Тымово, Имчин – 1, Сокол, Такое – 2, Одопту, Кадыланья. Именно они дали возможность для разработки проблем первоначального заселения Сахалина, выделения палеомезолитических культур, их корреляции с культурами сопредельных районов Азии(3). Поэтому анализу этих источников здесь уделяется особое внимание.

Для удобства изложения и соблюдения принципа последовательности рассмотрим их в порядке хронологии. К первой группе отнесем стоянки, датированные авторами исследований поздним плейстоценом (30– 10 тысяч лет назад), ко второй – ранним голоценом (9 – 7 тысяч лет назад), что, как правило, совпадает соответственно с их оценкой как палеолитических либо мезолитических.

Стоянка Адо – Тымово расположена на 4-, 5 – метровой террасе в среднем течении главной артерии острова – реки Тымь. Характер складывающих отложений типичен для поймы речных долин: это переслаивающиеся пески и супеси с глинисто – суглинистым основанием. Мощность слоя, содержащего находки, – до полутора метров. Собранная на поверхности пашни коллекция насчитывает несколько тысяч артефактов, преимущественно палеолитического и неолитического облика. Как показывают исследования, в которых принимал участие и автор, и тот, и другой материал залегает в слое в смешанном состоянии и может быть расчленен стратиграфически с большими допусками и вариациями. Характер отложений, в которых обнаружены артефакты, рыхлый. Спрессованность и плотность, присущие палеолитическому инситному захоронению комплекса, не просматриваются. Кроме того, многие самые крупные галечные изделия обнаружены на поверхности, а не в основании слоя, где они были бы, очевидно, на месте. Материал в шурфе как будто бы распределяется по слоям разной цветности, но отсутствуют стерильные прослои. А спорово – пыльцевые спектры характеризуются сочетанием авто– и аллохтонной пыльцы третичного и четверичного возрастов как окристаллизованной, так и молодой, вероятно, современной.

Закономерен вывод автора исследований В. А. Голубева о разрушении силами природы и человеком более древней террасы и переотложенном характере материала (4). Обнаруженный слой вряд ли можно называть культурным в силу отсутствия соответствующих признаков, указанных выше. С учетом мнения В. А. Голубева резонно высказать предположение об экстраполировании находок в древности в результате размыва либо оползания и размыва более высокого геоморфологического тела с последующим последовательным захоронением материала в более поздних отложениях. Перенос вещей на большое расстояние исключается, т. к. они не замыты, а, напротив, в довольно хорошем техническом состоянии. Следовательно, перенос комплекса, если он имел место, был краткосрочным и локальным.

Большая часть коллекции изучена В. А. Голубевым и Н. А. Кононенко, в публикации выделены характерные серии орудий и отходов производства, сделан вывод об архаичности и леваллуазском характере традиций техники расщепления.

Памятник отнесен к эпохе позднего палеолита в рамках 30–20 тысяч лет (5). Основания – трасологический и типолого-морфологический анализы коллекции из подъемных сборов.

Поселение Сокол расположено в Сусунайской долине и приурочено к 30 – метровой террасе реки Белая. Исследователями выделено два комплекса: N1 – многочисленная коллекция из подъемных сборов на пашне, и N2 – из раскопа Р. С. Васильевского у края террасы. Общепризнано, что материалы комплекса N 1 разновременны и типологически соотносятся с различными стоянками верхнего палеолита о. Хоккайдо в хронологических рамках 16–10 тысяч лет назад (6). Следовательно, в качестве целостного источника рассматриваться не могут. Единственный метод их изучения – типолого-морфологический и трасологический анализы. Касательно материалов из раскопа, собранных в достаточно рыхлых супесях и суглинках, это, очевидно, «чистый» источник. Но коллекция мала и не датирует весь памятник. Впрочем, этот раскоп - единственное пока счастливое исключение для сахалинского палеолитоведения.

Серия памятников Сусунайской долины, в т. ч. Такое–2, Читинка, Олимпия, Петропавловск и др., где собраны представительные коллекции артефактов палеолитического облика, представлена местонахождениями открытого типа и не имеет для комплексности главных составляющих – культурного слоя и системного исследования. Довольно много палеолитических по виду изделий обнаружено в нижних слоях в наших раскопках на поселении Стародубское–3 в северной части той же долины. Но весь этот материал найден в условиях второго, а то и третьего залегания.

Ряд памятников, которые исследователи относят к мезолиту либо к «финальной стадии пластинчатых индустрии», либо «ко времени от начала голоцена до начала эпохи неолита» (7), известен как на Северном, так и на Южном Сахалине. Это Имчин–1, Одопту–3, Кадыланья, Славная и т. д. (8). Все они характеризуются наличием культурного слоя, который залегает в почвенных горизонтах первой надпойменной террасы высотой 6–7 м. Разведочные раскопы позволили проследить скопления материала, соотнести их с тем или иным горизонтом. Вместе с тем коллекции эти не настолько велики, чтобы говорить об их высокой информативности. Комплексность этих источников также вызывает сомнения. Тем более сложно сейчас разделять мнения о мезолитическом характере этих памятников, ведь список признаков мезолита пока не определен ни в одной публикации не только для Сахалина, но и для Дальнего Востока в целом, хотя в оценках возраста большинства этих стоянок сомнений не возникает. Слабое место этой категории источников, во – первых, в ограниченной информативности, во – вторых, в отсутствии комплексности.

Вместе с тем в 80–90–е гг. появилась целая серия новых источников, возможности которых далеко не раскрыты. Их особенность – высокая информативность и проверяемость в силу хорошей сохранности насыщенного культурного слоя в первом залегании. Это стоянки Поречье–4, Стародубское–3, Огоньки–5 (Ручей Счастья). Два первых памятника раскопаны в 1991 – 1992 гг. автором. В четких стратиграфических условиях обнаружены комплексы финальной стадии развития пластинчатой техники. Они, как и описанные выше памятники типа Имчин – 1, Такое–2, Кадыланья, Одопту, характеризуются присутствием микропластин, конических и призматических нуклеусов в сочетании с двусторонне обработанными ножами и черешковыми наконечниками, односторонне выпуклыми теслами. Один из главных индикаторов возраста – наконечники стрел на пластинах, датированные на Юбецу–Ичикава и других памятниках этого типа в рамках 7,5–7 тысяч лет назад. На Поречье–4 здесь же найдена пока древнейшая для Сахалина керамика. Это просто еще одно подтверждение в пользу ранненеолитического, а не мезолитического характера всей описанной серии стоянок второй группы. Что не удивительно, если учесть возраст керамики с утеса Гася, с одной стороны, и Акацуки (о. Хоккайдо) - с другой. Впрочем, в силу ограниченного характера сахалинских источников, вопрос остается открытым. Тем более, что он не разработан теоретически в принципе.

Стоянка Огоньки–5 (Ручей Счастья) открыта автором в 1993 году, публикуется здесь впервые Она располагается на 40–метровой террасе в среднем течении реки Лютоги, на расстоянии 400 метров от современного берега. К счастью, нам удалось остановить начатую фермером разработку целинного участка леса. На памятнике лишь снят дерн и проведена поверхностная (до 15 см) вспашка мотоблоком. Нарушена, таким образом, лишь кровля культурного слоя. Стоянка занимает небольшое возвышение – своеобразный бугор на поверхности плоской широкой террасы, что исключает снос с вышележащих уровней. Площадь распространения культурного слоя невелика – до 300 кв. м. Шурфовка на сопредельной территории и исследование разрезов показывают сохранение последовательного залегания

аллювиальных глин в естественном виде. Чередование слоев в шурфе на поле совпадает с таковой по террасе в целом, но культурный слой представлен более темной и значительно более плотной по структуре, утоптанной глиной, нежели на периферии памятника. В верхней части – кровле культурного слоя, – как и следовало ожидать, артефакты располагались бессистемно в результате нарушения вспашкой. Но в непотревоженной нижней части слоя на глубину до 0,5 м от дневной поверхности материал залегает горизонтально. Он как бы впрессован в плотную структуру темно – коричневой глины с угольками. На наш взгляд, этот памятник по своей топографии и стратиграфии идеально соответствует представлениям о палеолитической стоянке. Тем более, что слой буквально насыщен находками: до пяти орудий на один квадратный метр. Коллекция из сборов и шурфа представлена 132 предметами. Выделяются клиновидные нуклеусы, широкие длинные (до 35–130 мм) ножевидные пластины и орудия из них, пластинчатые сколы, в т. ч. два лыжевидных, концевые скребки, резцы, чешуйки и отщепы, проверткии, нож –клинок, обработанный двусторонней ударной ретушью. Основное сырье – местные кремни, единичны изделия из обсидиана.

К особенностям инвентаря отнесем следующие. Порядок снятий на клиновидных нуклеусах не фронтальный, а по периметру. Использованный нуклеус раскалывался повдоль, результатом чего являются длинные пластинчатые сколы, близкие, но отличающиеся по форме от классических лыжевидных. Пластины широкие и длинные и имеют треугольную огранку, микропластин не обнаружено. Просматриваются аналогии в материалах Устиновки и Суворово (Приморье) и Тачикава –3 и Тачикарусюнай (Хоккайдо). Материал, таким образом, подтверждает данные топографии и стратиграфии о верхнеплейстоценовом возрасте памятника, вероятно, в рамках 13–11 тыс. лет. Планируемые в 1994– 1995 гг. раскопки позволят уточнить высказанные положения и попытаться получить комплексный источник.

Разведка 1993 года на р. Лютоге позволила выявить восемь пунктов с аналогичными топо– и стратиграфическими условиями, но лишь в двух случаях обнаружен слой – на Ручье Счастья (Огоньки –5) и на р. Окуловке у села Пожарского. Ожидается высокая продуктивность палеолитических исследований в бассейне этой реки. Кроме того, в этой разведке, вкупе с опытом 70 –80 –х гг., удалось испытать методику поиска плейстоценовых памятников, которая представляется достоверной. В отличие от известных плейстоценовых памятников материковой части Дальнего Востока типа Ушки, Устиновка, Суворово, на Сахалине они располагаются на террасах не ниже 30 – 35 метров над уровнем рек и приурочены к истокам ручьев у края переуглубленных древних оврагов либо на высоких мысах в стороне от современных берегов, к глинистым отложениям, не несущим обломочного материала, окатышей. Таковы все известные плейстоценовые памятники на острове, кроме Адо–Тымово и Такое –2, что ставит вопрос об их переобследовании.

Памятники раннеголоценового цикла также приурочены к стандартным условиям. Все они, в т. ч. Имчин–1 и Такое–2, соотносятся с супесчаными отложениями кровли средневысотной террасы, которая в раннем голоцене, вероятно, была берегом морских заливов, лагун, эстуариев, фьордов.

Таким образом, ныне на Сахалине есть значительные перспективы для поиска и исследования качественно новых для палеолитоведения острова источников, отличающихся от ранее известных главным достоинством – наличием культурного слоя, что создает возможности для комплексных системных работ. Эти перспективы складываются как из уже разведанных памятников, так и из полученной методики их поиска. Проблемная ситуация, которая возникла из-за несоответствия имеющейся источниковой базы новым задачам изучения позднеплейстоценовых – раннеголоценовых культур, на Сахалине, как представляется, может иметь счастливое разрешение.

Исследования ближайших лет планируются по следующим направлениям: получение комплексных источников по эпохе палеолита и раннего неолита и их системное изучение средствами археологии и естественных наук; разработка проблемы нижней хронологической границы неолитической эпохи и верхнего рубежа эпохи палеолита в островном мире Японского и Охотского морей, а также общих проблем генезиса материальной культуры и хозяйства в переходную эпоху; выявление этапности и особенностей «неолитической революции» в регионе, понимаемой как глобальное скачкообразное изменение систем жизнеобеспечения древних социумов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Долуханов П. М. Стратегия и тактика применения геолого–геоморфологических методов в первобытной археологии. // КСИА. N 202. 1990. «Полевая археология древнекаменного века». С. 102.

2. Данным анализом я ни в коей мере не ставлю цель умаления достоинств проделанной моими учителями, коллегами и предшественниками работы по изучению каменного века Сахалина. Напротив, эта публикация была бы невозможна без подвижнического труда В. В. Вязовской, Р. С. Васильевского, В. А. Голубева, В. О. Шубина, Е. Д. Лаврова, С. В. Горбунова и многих участников археологических экспедиций на острове. Собранные ими материалы дают возможность для настоящего анализа и постановки новых задач археологии палеолита и раннего неолита Сахалина на современном этапе исследования

3. Васильевский Р. С, Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине. Сусуйская стоянка. – Новосибирск, 1976. С. 10 – 29; Голубев В. А. К вопросу о первоначальном заселении острова Сахалина. // Позднеплейстоценовые культурные связи Азии и Америки. - Новосибирск, 1983. С. 47 – 48.

4. Голубев В. А.. Лавров Е. А. Сахалин в эпоху камня. - Новосибирск 1988. С. 56 - 57, 61.

5. Там же. С. 83, 212, 214.

6. Там же. С. 214.

7. Там же. С. 89, 108.

8. Вязовская В. В. Микролиты Северного Сахалина. // История и культура народов Дальнего Востока. – Южно–Сахалинск, 1973. С. 255 – 257.

Васильевский Р. С. Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных территорий. // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979. С. 71 – 80.

Горбунов С. В. Памятники докерамического периода на Сахалине. // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1987. С. 89 – 95.

Голубев В. А.. Лавров Е. Л. Указ. соч. С. 83 - 108, 132 - 141.

И. А. Самарин

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОСТЯНОМ ИНВЕНТАРЕ АБОРИГЕНОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОСТРОВА САХАЛИН (ПО СБОРАМ Б. П. РЕПИНА)

Одной из самых интересных и вместе с тем наименее изученных проблем древней истории Сахалина является проблема возникновения на острове морского зверобойного промысла и связанного с ним набора специализированных орудий охоты — костяных наконечников гарпунов. Хотя к этому вопросу не раз обращались как российские, так и зарубежные исследователи (Баба О. 1937; Козырева Р. В. 1957, 1967; Голубев В. А., Васильевский Р. С. 1976; Прокофьев М. М. 1985; Горбунов С. В. 1986; Ямаура К. 1993), он еще далек от разрешения. Поэтому для археологов, краеведов, историков интересна каждая находка орудий подобного типа. В настоящей статье впервые публикуются материалы, полученные в ходе археологических исследований в Невельском районе, проводимых в 60 — 70 — е годы учителем истории невельской школы N1 Борисом Петровичем Репиным. Часть этих материалов была передана автору Б. П. Репиным перед его отъездом за пределы области. Другая — представлена иллюстрациями, сделанными автором в 1978 году, в фондах краеведческого музея невельской средней школы N1, в настоящее время, к сожалению, полностью утерянными (рис. 1г, 26, в, г, 3а—в, 5а—и, 6а—ж). Часть этих материалов экспонировалась на стенде «Невельская стоянка. 1966 — 1968 гг.». Уже в ходе подготовки статьи стало известно о преждевременной смерти Бориса Петровича Репина, поэтому публикация его коллекции будет своеобразной данью памяти Учителя, Поэта, Художника, Краеведа...

Созданный им в 1963 году школьный поисковый отряд «ИКС—1» (Историческое краеведение Сахалина) каждое лето проводил в походах, занимаясь сбором археологических коллекций на стоянках города Невельска, стоянках, расположенных в устьях рек Горбуша, Виндис, Кузнецовка, и далее на юг — до самого мыса Крильон. В 1966 году «ИКС — 1» совершил поездку на остров Кунашир, исследовав стоянки в районе озера Лагунного и поселка Отрадного. Собранные отрядом материалы вошли в экспозиции созданного в 1965 году школьного музея. Однако его богатейшие археологические, этнографические, геологические, орнитологические коллекции

ожидала печальная участь всех школьных музеев, державшихся на энтузиазме их руководителей и создателей: с уходом Б. П. Репина из школы музей был закрыт, а фонды его отданы на произвол судьбы.

Коллекция, переданная Б. П. Репиным в фонды лаборатории археологических исследований ЮСТПИ, состоит из 22 предметов. Она составлена в ходе подъемных сборов на разрушенных стоянках Невельск– 1 и в устье реки Горбуши. К сожалению, маркирована только часть предметов, поэтому сейчас трудно определить, материал каких стоянок они представляют. Ассортимент костяных изделий, представленных в коллекциях, достаточно широк: различные типы наконечников гарпунов поворотного типа (ГПТ), зубчатые наконечники гарпунов, наконечники стрел, проколки, украшения, фаунистические остатки.

Б. *П. Репин (1922-1994) в краеведческом музее НСШ № 1. 60-е годы.*

Один из наиболее многочисленных типов наконечников ГПТ (6 экз.) представлен орудиями с полуоткрытым гнездом для колка. В нижней части орудия имеют две фигурно оформленные шпоры, в верхней части - развилку для оснащения их дополнительным каменным или металлическим копьецом (рис. 1а – г, 3а, б). В средней части наконечников просверлено два отверстия для линя. Для более удобной укладки его на стороне, противоположной гнезду для колка, вырабатывалась неглубокая канавка, соединяющая эти отверстия. Поперечное сечение орудий линзовидное или близкое к овалу. Изготовлены орудия из кости морского зверя, поверхность их тщательно отполирована. Часть орудий орнаментирована косыми насечками, продольными каннелюрами, одно из них украшено стилизованным растительным орнаментом (рис. 16). К наиболее интересным орудиям этого типа относится наконечник, имеющий 4 симметричных боковых зубца и дополнительную шпору в нижней части орудия (рис. 3а). К наконечникам этого типа относятся также два полуфабриката – заготовки, по которым можно проследить этапы изготовления гарпунных наконечников (рис. 6а, б).

Другой тип наконечников ГПТ представлен 3 изделиями. Они более массивны, имеют поперечное сечение, близкое к полукругу. В нижней части орудия имеются две простые шпоры, заканчивающиеся выступом, в котором вырабатывалось полузакрытое или закрытое гнездо для колка (рис. 2а, б). В средней части наконечника проделано подпрямоугальной формы отверстие для линя, параллельное плоскости лезвия орудия. В верхней, треугольно заостренной части наконечника имеется паз для оснащения его дополнительным каменным копьецом. Интересна заготовка гарпуна, на которой уже оформлены шпоры, верхний треугольно заостренный край, так что требуется выработать гнездо для колка, отверстие для линя и развилку для дополнительного копьеца (рис. 2в).

Следующий тип наконечников ГПТ имеет одну шпору, закрытое гнездо для колка и отверстие для линя, расположенное перпендикулярно плоскости лезвия (рис. 2г, 3в). Одно из орудий оснащено развилкой для дополнительного каменного копьеца и имеет два зубца, расположенных один выше другого в верхней части гарпуна. Характерной особенностью другого наконечника этого типа является отсутствие паза для дополнительного копьеца – в верхней части орудие заострено и тщательно отполировано.

Четвертый тип наконечников ГПТ, представленных в коллекции, – это орудия с открытым гнездом для колка и выемками – перехватами, иногда соединенными прорезанным пояском – канавкой (рис. 4г, д, е, ж, 5г – и). Они имеют скошенное или вогнутое основание – шпору (реже она фигурно оформлена) и приостренный верхний край. В верхней части некоторых орудий просверлены два вертикально расположенных отверстия для линя, в других случаях линь крепился, очевидно,

непосредственно к обвязке крепления. Небольшие размеры орудий (длина большинства из них составляет 3,5 – 6 см) указывает на то, что они использовались при ловле рыбы. Не исключена и возможность их использования в качестве наконечников стрел.

Зубчатые наконечники гарпунов представлены двумя изделиями (рис. 5а, б). Они имеют прямое основание – насад, в котором просверлено отверстие для линя, и по две пары симметрично расположенных зубцов – бородок. Верхняя часть орудий обломана, однако сохранившаяся часть паза говорит о том, что они оснащались дополнительным каменным или металлическим копьецом.

Другая категория костяных орудий – наконечники стрел. Они достаточно многочисленны (7 экз.) и включают различные типы, различающиеся конструкцией насада, поперечным сечением и формой. Среди них выделяются два наконечника с двумя ассиметричными зубцами – бородками, один из них имеет притупленное, постепенно сужающееся основание, основание другого имеет заостренную четырехгранную форму (рис. 6в, д). Интересной особенностью второго является неглубокая продольная канавка, служащая, очевидно, для помещения в ней яда. Такой же наконечник был обнаружен во 2 – м слое поселения Чиркова – 1 (раскоп 1992 года). Слой содержит фрагменты остродонных сосудов, украшенных шнуровым и гребенчатым орнаментами. Это указывает на то, что костяные наконечники данного типа являются, очевидно, самыми ранними стратифицированными орудиями подобного облика.

Другой тип наконечников имеет ромбовидное поперечное сечение и уплощенный односторонне срезанный насад (рис. 6г, е). Третий тип – уплощенный насад: округлое в средней части орудия поперечное сечение и приостренную четырехгранную верхнюю часть. Это орудие несколько напоминает железные бронебойные стрелы, использовавшиеся в средневековых государствах Приамурья.

Несколько обособленно от вышеупомянутых типов наконечников стоят орудия, являющиеся, очевидно, костяными репликами каменных листовидных наконечников (рис. 4з, 6ж). Не исключена возможность использования как в качестве проколки, так и в качестве наконечника орудия, изготовленного из трубчатой кости и имеющего односторонне зашлифованную верхнюю часть (рис. 4в).

К предметам промыслового снаряжения относится также жальце от составного рыболовного крючка (рис. 4и). На изделии видны следы резов, оставленные металлическим орудием, впоследствии тщательно заполированные.

Предметы хозяйственного обихода представлены двумя проколками, изготовленными из реберных костей тюленя (рис. 3г, д). Назначение костяного предмета, изготовленного из трубчатой кости методом шлифовки, определить трудно. Он имеет приостренный верхний край, спиралевидное продольное сечение, в нижней расширяющейся части орудия выработано углубление (рис. 4б).

Украшения в коллекции представлены двумя предметами. Это подвеска, изготовленная из нижнего левого клыка молодого самца одомашненной свиньи (1) (рис. 3е). В нижней части клыка выработано углубление, служащее для обвязки. Второе изделие – расколотый и зашлифованный верхний левый клык бурого медведя (рис. 4а). Отсутствие каких – либо отверстий или поясков позволяет считать его неоконченным. Другие фаунистические остатки представлены верхним правым клыком собаки и зубом тюленя. Происхождение и назначение единственного в коллекции металлического предмета – бронзового штифтика (зубца ~ ?) (рис. 3ж) – определить пока сложно.

Таким образом, коллекции костяных изделий, собранные в Невельском районе, не только свидетельствуют о достаточно широком спектре хозяйственной деятельности носителей охотской культуры, включающей охоту на морских и наземных животных, домашнее скотоводство, но и отражают высокий уровень прибрежной адаптации древнего населения юго-западного побережья острова Сахалина в эпоху железного века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Определения фаунистических остатков сделаны профессором Национального музея истории Японии (преф. Тиба) палеонтологом Нишимото Т. Он же высказал мнение, что большинство гарпунов поворотного типа изготовлены из черепных костей кита.

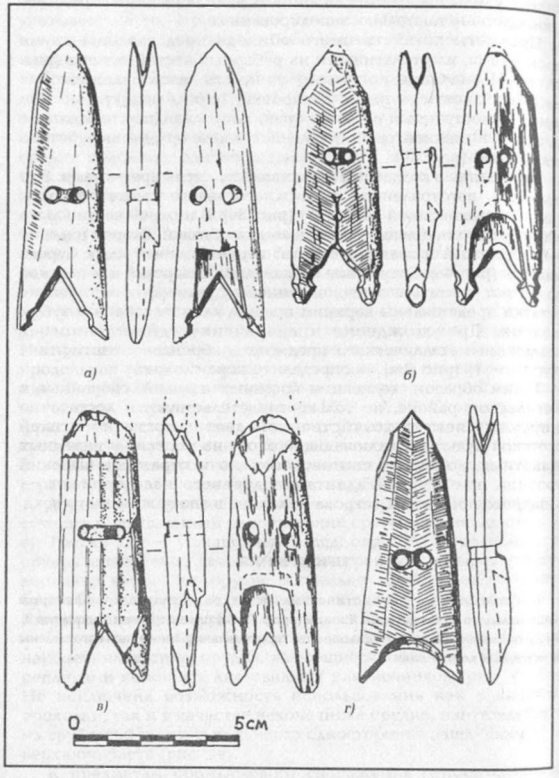


Рис. 1. Костяные наконечники гарпунов поворотного типа.

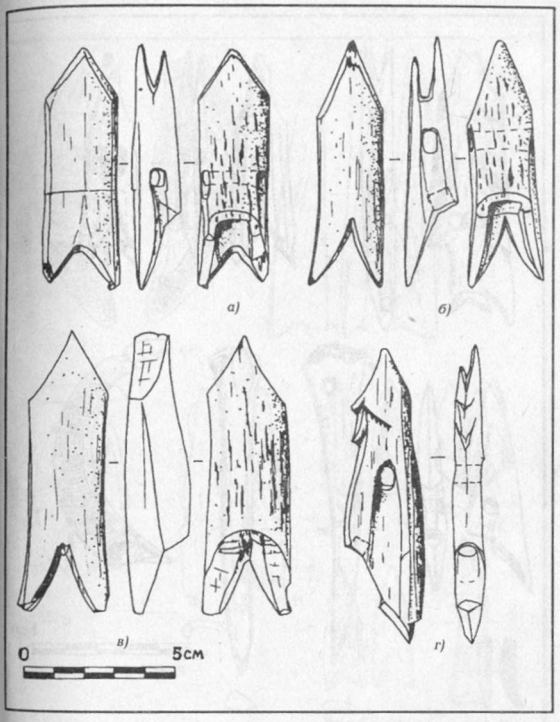


Рис. 2. Костяные наконечники гарпунов поворотного типа, заготовка (в).

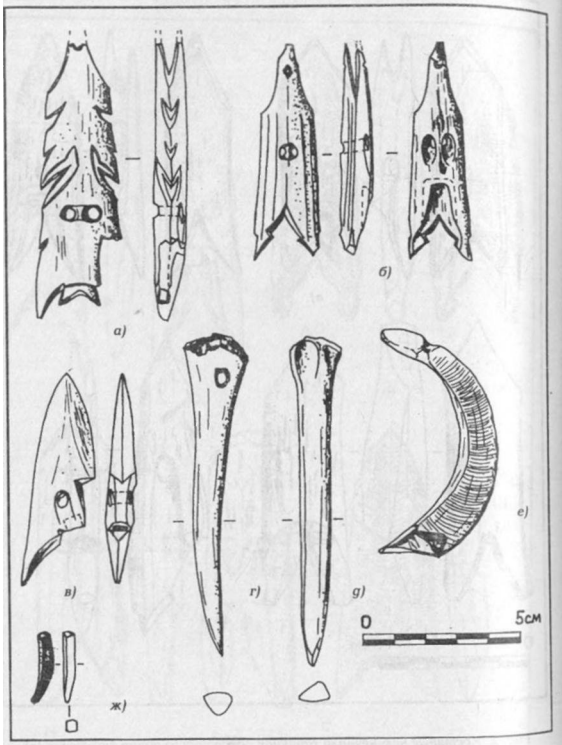


Рис. 3. Костяные наконечники гарпунов поворотного типа (а – в), проколки (г, д), подвеска (е), бронзовый предмет (ж).

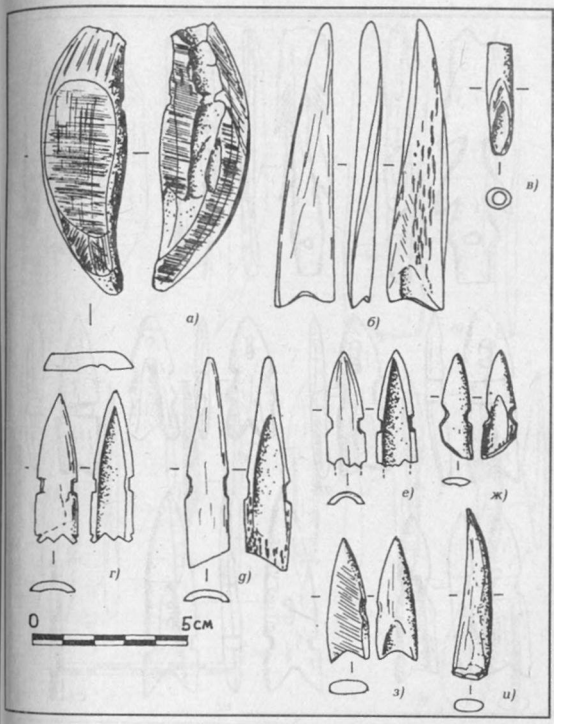


Рис. 4. Костяные наконечники гарпунов поворотного типа (г – ж), костяные наконечники стрел (в, з), жальце рыболовного крючка (и), украшение (?) (а).

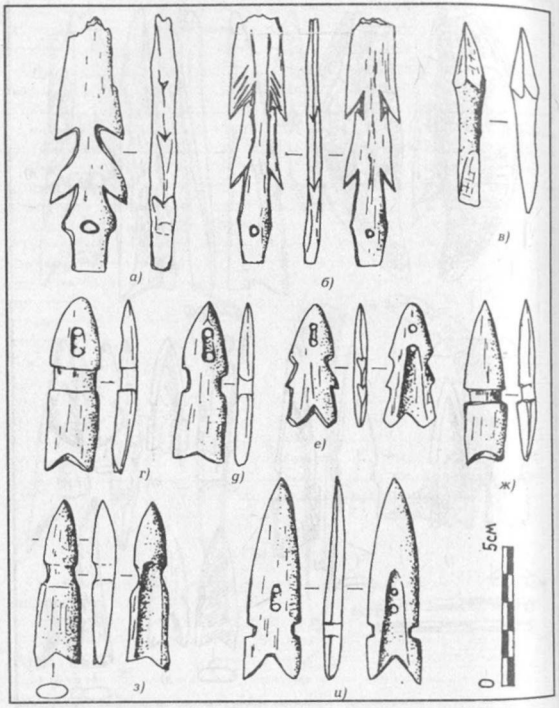


Рис. 5. Зубчатые наконечники гарпунов (а, б), наконечники гарпунов поворотного типа (г – и), наконечник стрелы (в).

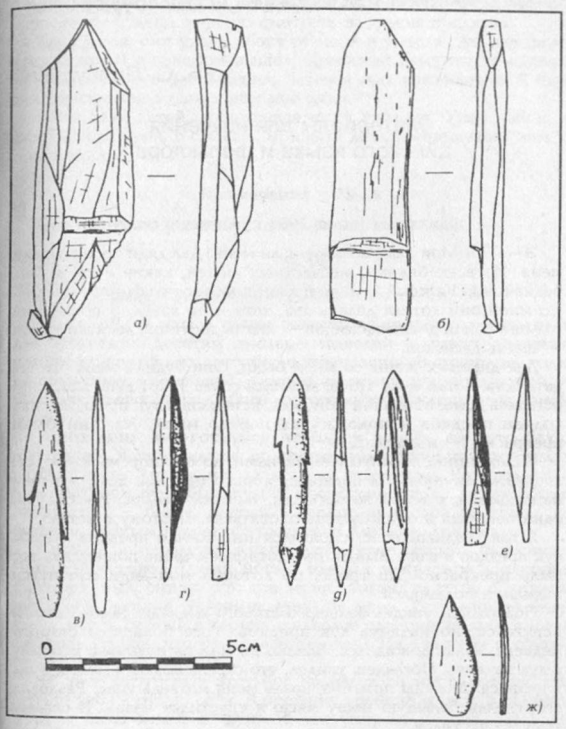


Рис. 6. Заготовки гарпунов (а, б), костяные наконечники стрел (в–ж).

Из научного наследия Б. О. Пилсудского

Б. О. Пилсудский

Материалы для изучения айнского языка и фольклора*

№ 18

Продиктовал (июнь 1903 г.) Ипохни, см. № 9

Э–э–э! Мои дяди воспитывали меня. Два дяди воспитывали меня. Из всех бедных, несчастных людей, какие есть, я был беднейший. Каждый день мои дяди шли охотиться на медведей. Со мной они хотели делать это, хотя я не хотел. В последний год они убили десятки самцов – шесть десятков, десятки самок – шесть десятков.

Две дядиных жены со мной были. Они будили меня, чтобы дать есть. Встав, я ел. Поев, ложился спать. В тот день мои дяди остались дома. Младший мой дядя, встав, снял лук предков, снял колчан предков и положил их передо мной. Ах, они были прекрасны – и сказал:

«Племянник, воспитываемый нами, до сих пор мы с трудом воспитывали тебя. Ты полагался только на себя; хотя мы шли на медведей, с тобой желая идти, ты отказывался. Так будучи, один пойдешь и один будешь охотиться». Поэтому я встал.

Я взял бедный пояс, опоясался им. Колчан предков я взял, лук предков я взял. Выйдя, по охотничьей тропе пошел. Ах, это было прекрасно! По тропе, по которой мои дяди охотиться ходили, я подымался.

Подымаясь, увидел большого старого медведя, самца. Хотя я испугался, но натянул лук предков. Того большого старого медведя, лежа, дожидался. Близко ко мне он подошел, поэтому я лук натянул. Поглядев, увидел, что стрела вошла в место, куда я целился. Дважды прыгнув, возле меня медведь упал. Разделав его, сделав большую ношу мяса, я спустился назад. К своему дому я спустился.

Мои дяди, увидав меня, очень сердечно приветствовали: «Так сделать по нашему желанию заставив, мы сделали из тебя мужчину. Отныне, если мы умрем, после нас ты будешь делать только так! После того ты поселишься в доме предков, мы же будем самыми бедными стариками. Ах, это было прекрасно! Отныне ты будешь хорошо смотреть за домом предков».

Так сказав, они упали сбоку от меня и умерли. Ах, это было прекрасно! Я с топором вышел. Красивый памятник я сделал. Возле инау я его расположил. Затем я жил как обычно. Я был еще счастливее в охоте, чем мои дяди.

Имея двух детей, воспитывая их, я учил их. Упав набок, я умер. После меня, я слышал, мои дети делали еще лучше, чем я; так слыхал я.

Примечания к № 18

Относительно рассказчика см. № 9.

№ 19

Продиктовал (ноябрь 1903 г.) Ипохни, см. № 9

Хе–е–е!.. Я жил в своем селении? Каждый год я ходил в лес охотиться. Десятки самцов–медведей – шесть десятков приносил домой. Ах, это было прекрасно! В прошлые годы десятки самок–медведей – шесть десятков приносил домой. Я был удачливее в охоте любого другого мужчины: приносил домой больше.

В тот день, поохотиться чтобы, я пошел, Ах, это было прекрасно! Я шел дальше *по* охотничьей тропе: чем это делал каждый день. Хотя и шел дальше, не видел дичи. Еще дальше я шел. На моем пути был шум. Я посмотрел когда... ах, это было прекрасно! – богач, одетый в черное шелковое одеяние, с богачом, одетым в красное шелковое одеяние, дрались.

Сначала богач, одетый в черное шелковое одеяние, был снизу. Через некоторое время богач, одетый в красное шелковое одеяние, был снизу. Увидев меня, богач, одетый в черное шелковое одеяние, устремил глаза на меня. Устремив на меня глаза, богач, одетый в черное шелковое одеяние, сказал: «Богач селения Турупа, что ты делать пришел? Из–за тебя я сейчас отдаю себя вместо тебя».

«В твое отсутствие этот бог подрался со мной потому, что вместо тебя я отдаю себя. В прежние времена в лесу, в селении Турупа было много людей, но все умерли, их нет. Ты один живешь поскольку, он увидел твое тело, и поэтому я, услыхав, к к тебе опять пришел. После того боги подрались, я отдаю себя вместо тебя.

Если я себе плохо сделаю, тогда, конечно, тебе не будет хорошо. Поэтому убегай». Услыхав это, чувство страха я имел.

*** Окончание. Начало в N 1 и 2.**

Поэтому, увы, поэтому я убежал. Немного отбежав, назад вернулся, говоря: «Если в каком–либо селении обо мне услышат, зло смеяться надо мной будут».

Пару очень злых мыслей в уме я сделал. Поэтому к месту, где драка была, пошел. Снова одетый в *совсем* черное шелковое одеяние богач увидел меня. «Мужчина Турупы, беги быстрее!» Когда я поглядел, в тот момент, увы, он сбросил бесчувственный труп богача, одетого в совсем черное шелковое одеяние.

Тотчас же, увы, богач, одетый в красное шелковое одеяние, устремив глаза на меня... и пошел за мной. Поэтому, будучи испуганным, очень быстро я побежал. Богач, одетый в красное шелковое одеяние, бежал сзади. До краев тропы он растянул крылья. Его верхняя челюсть облаков касалась, нижняя челюсть земли касалась.

Тому богу в рот почти войдя, я бежал. Поэтому острие кинжала, инкрустированного костью, я протянул, босой в рот тому богу я вошел. В живот бога вошел, инкрустированный костью кинжал медленно повернул; быстро схватил, медленно повернул. По пути внутри бога, махая своей маленькой рукой, я поднялся.

Когда я посмотрел, на тропе передо мной лежал бесчувственный труп этого большого бога; я отбросил это от себя. Очень довольный, инкрустированным костью кинжалом я разрезал мясо. Всяким насекомым, деревьям также, всем, разделив, дал я. Закончив, в свой дом возвратился. Живя в своем доме, ничего не боясь, жил.

От богов люди моего селения услыхали обо мне. Люди, слушая, восхищались. Я жил в большом довольстве. Теперь жил хорошо.

№ 20

Продиктовала (май 1903 г.) Иорусамма,
жена Цибеки, 42 лет, из Тунайчи

Я был богачом. Будучи богачом в Турупе, я услыхал, что в другом селении воспитывается для меня красивая молодая девушка. Однажды я захотел пойти к ней и пошел. Повесив инкрустированный костью футляр для трубки на пояс, я вышел. Идя, на полпути я увидел следы прошедшего человека. Следы посмотрев, я обнаружил, что они точно похожи на следы моих ног.

Следы прошедшего человека были, я пошел по ним. Идя, в другое селение пришел. Из дома молодая девушка вышла, меня внимательно, с ног до головы глаза подымая, осмотрела; потом внимательно осмотрела меня, с головы до ног глаза опуская; и вошла в дом. В дом войдя, она сказала тихо: «Во двор пришел один богач. На прежде пришедшего богача похожий, однако теперь пришедший богач очень похож на него; и инкрустированный костью футляр для трубки похожий». Хозяин дома сказал: «Похожие мужчины, двое мужчин, в один и тот же день пришли; которого мужчину зятем я буду иметь, я не знаю».

Он приказал, чтобы этот мужчина был приведен к нему. Затем эта молодая девушка, выйдя, чтобы ввести меня; я вышел. Войдя, посмотрел: передо мной сидел какой–то *богач.* Вглядевшись, я увидел, что он совсем похож на меня. Я подошел близко и сел. Приветствие хозяину дома я сделал. Когда я закончил приветствие, они приготовили питу; они поели.

Когда они закончили, хозяин дома сказал: «Сегодня двое мужчин пришли. Я действительно не знаю, кому я отдам свою молодую девушку. Всякие вещи мужчины будут делать, чтобы выяснить. Играйте в несколько игр, чтобы я мог узнать. Эй, играйте!»

Чтобы играть, позже пришедший богач протянул руки над рамой очага. Первым пришедший богач ударил по рукам этого пришедшего позже; ушиб его, похоже, до смерти. Разгневанный, тот заставил богача, пришедшего первым, вытянуть руки, и в свою очередь ударил его; пальцы ему отбил. И этот богач умер; то ли уснул (упал в обморок), то ли умер.

Когда наступил поздний вечер, он пошевелил ногами немного и мало–помалу поднялся. Почти мертвыми глазами он посмотрел на него я сказал: «Богач Турупы! Я думал, ты человек, я же морем владеющий бог. Но богач Турупы воистину превосходно дрался с таким богом, который могущественнее всех богов. Хотя я бог, ты почти отправил меня в нижний мир.

Поскольку я сам виноват, я дам тебе божественный дар». С этими словами он вынул из–за пазухи красивый эфес меча: с одной стороны эфеса несколько богов было помещено, с другой стороны эфеса подобные же двойники фигурки богов были помещены. От этого эфеса будто бы огонь исходил.

Этот красивый меч он дал мне. Я взял. Взяв его, приветствовал, поблагодарил. После того тот богач во двор вышел и ушел на берег моря. Когда я увидел это, я тоже вышел. Я смотрел, а бог в воду моря входил.

Поскольку я был виноват, сделав обиду «убийце», богу моря, то выйдя с инау на берег моря, я дал инау ему. Я снова в дом пошел. Тогда наконец хозяин дома сказал: «Я ведь думал, однако,

что богач, пришедший первым, – богач, которому свою дочь я даю. Однако тогда я не знал, что это какой-нибудь бог. Теперь я узнал, что человек, пришедший сюда позже, – богач Турупы, для которого я воспитал свою дочь».

Этой молодой девушкой я завладел. В свое селение с ней я пошел. И в конце концов мы хорошо поженились. Сын – один сын, дочь – одна дочь – у меня были. Впоследствии я рассказал своему сыну эту прекрасную сказку. Как в молодости хотел жениться и пошел; там был я искуснее, чем бог; своему сыну я рассказал это.

Затем они умерли (муж и жена).

Примечание к № 20

Примечания к N 17 относительно рассказчика можно отнести и к этой сказке, однако продиктовала ее жена, а не муж.

№ 21

Продиктовал (май 1903 г.) Ясиноске,
38 лет, из селения Тунайчи

Шесть маленьких лис было. Когда было шесть маленьких лис, я, однако, был самый маленький, *несчастный* маленький лис. И день, и ночь несчастным больным будучи, я лежал возле огня. Сверху зола летела на меня; так было.

В один год, послушав, мы услыхали, что богач из Турупы пошел в гости в Матомай. Услыхав об этом, мои старшие братья говорили между собой так: когда богача из Турупы не будет, в его отсутствие, душой его жены они каким бы то ни было способом завладеют; между собой так говорили.

Услыхав это, я подумал: «Богач из Турупы делает инау, и земля красивой становится; меня тоже он исцеляет. Значит, если в его отсутствие они так сделают, вернувшись, богач из Турупы будет горевать», – подумал я. Я думал так, сидя; однажды, когда день кончался, они вышли, чтобы взять ее душу.

Увидев, я встал и за двери вышел. Выйдя, мои старшие братья побежали через лес сбоку реки, мне ясно было. Увидев, **я** побежал через лес сбоку реки. Идя, я пришел первым к дому богача из Турупы. Войдя, я сел на место хозяина дома, сделавшись похожим на хозяина.

Я сказал хозяйке дома: «Сейчас мы, будучи шесть маленьких лис, братьев–лис, живем вместе; я, конечно, самый маленький лис. Мои старшие братья, однако, желая сделать нечто, сейчас идут сюда; так как они говорили между собой, что завладеют твоей душой, услыхав об этом и твою душу жалея, теперь я, чтобы помочь, первым пришел.

Поэтому, если сейчас они войдут, что принесешь первым поесть, если это будет твердая икра с водорослями, если накормишь вошедших людей и если они лисы, как я сказал, тогда по еде ты их узнаешь». Так сказав, я сел. Тогда наконец шум идущих вдоль стены дома людей был. Через двери пять богачей друг за другом вошли.

Вдоль задней стены пять богачей сели на корточки. Я же имел наружность богача из Турупы и подражал его манерам; возле моего места была хозяйка дома. Богачи, переглянувшись, сделали приветствия. Когда они закончили, хозяйка встала; встав, сделала блюдо из твердой икры с водорослями. Сделав, раздала еду богачам и накормила их.

Я тоже поел. Когда я ел, у меня, однако, был на поясе нож богача Турупы. Из-за пояса этот нож вынув, кусочек дерева заострив, я ковырял им в зубах. Иногда поглядывал когда, богатые люди, сидя на корточках, вдоль задней стены, я видел, что они поднимали задние лапы. Видя это, в душе рассмеяться хотел, хотя не делал этого. Итак, я сидел.

Когда мы сидели так, стало, наконец, темнеть. Когда стемнело, я лег на место богача из Турупы. Женщина легла сбоку от меня. После ночью они заснули. Я же не спал. Когда слушал, шум спящих вместе богачей был.

Тогда, встав, взяв кусок спекшейся золы в очаге, положив его между грудей жены богача Турупы, я спать пошел. Когда лег, сделал вид, будто сплю. Тогда был шум богачей, тихо будивших друг друга. Когда этот шум будивших был слышен, тогда же голос, говоривший, что надо схватить ее душу, был. Они заставили самого старшего лиса *схватить* душу.

Самый старший лис, подойдя, схватил душу жены богача Турупы. Они, схватив душу, из дому, держа душу, через дверь вышли. Увидев это, я встал, сзади них пошел. Снова так же мои старшие братья пошли путем, которым пришли. Я же, пробежав через лес сбоку реки, тоже ушел.

В свой дом я пришел первым. В дом войдя, сделав вид никуда не уходившего, таким же несчастным став, сидел. Тогда был слышен шум прихода моих старших братьев. Они вошли через дверь, держа душу женщины в руках. По кругу из рук в руки они, держа ее душу, показывали ее друг другу. Когда они смотрели, кусок спекшейся золы рассыпался сквозь пальцы рук старшего лиса.

Когда я увидел, это, в душе рассмеяться хотел. Сейчас они, душу рассматривая, увидели спекшуюся золу. Они же, видя это, рассердились. Потому что женщина из Турупы оказалась сильнее их в магии. Поэтому они сказали, что на другую ночь надо пойти снова, чтобы превзойти ее в магической силе, взять ее душу. Я сидел и слушал.

На следующий день, встав, они, однако, говорили о том, что надо делать. Когда вечер пришел, стемнело, как прежде, они, собравшиеся схватить ее душу, опять вышли из дверей. Увидев это, я, как и прежде, сзади пошел. По пути, по которому шел прежде, я шел бегом. Снова, как прежде, я вошел в дом Турупы первым.

Войдя и тоже приняв вид и манеры человека Турупы, я сел на место человека из Турупы. Затем был шум прихода моих старших братьев. Через дверь они вышли. Так же, как прежде, пятеро богачей сели на корточки вдоль задней стены. Так же, как прежде, хозяйка дома сделала блюдо из твердой икры и водорослей, дала богачам поесть. Я тоже поел.

После, когда стемнело, они пошли спать. Я, однако, лежал на месте богача из Турупы. Все богачи легли вдоль задней стены. Так же, как прежде, я не спал, слушая, был. Тогда, когда я слушал, очень глубоко спящих людей был шум. Поэтому, встав, отрезал кусок уха моего самого старшего брата, я положил его между грудей жены богача из Турупы.

Положив, я после лег спать. Затем был шум встающих людей. Когда я слушал, так же, как прежде, был их шум разговора о том, что надо взять ее душу. Они сказали, что прошлой ночью они заставили самого старшего лиса взять душу, а он не мог, поэтому теперь они заставляют моего следующего после самого старшего брата взять душу. Тогда мой следующий после самого старшего брата встал, чтобы взять душу.

Так же, как прежде, радостные, что взяли душу, они прошли мимо очага, держа в руках душу. Держа в руках душу, они вышли через дверь. Был шум ухода их домой. Когда я услыхал это, так же, как прежде, я встал и пошел сзади. Так же, как раньше, шел тропой бегом. В дом я первым пришел.

Так же, как и прежде, приняв вид никуда не уходившего, таким же несчастным став, я сидел. Тогда наконец мои старшие братья пришли. Через дверь вслед за человеком, держащим душу, они вошли. Сев в кружок, они держали душу. Когда они глядели, сквозь пальцы моего брата, после старшего, просыпался клок шерсти. Державшие душу люди сидели.

Тогда они дали посмотреть друг другу душу. Когда они увидели, что это был кусок уха, они очень рассердились. Когда они посмотрели друг на друга, стало ясно, что кончик уха самого старшего лиса отрезан. Они, рассердившись, говорили только об этом. «Ого, женщина из Турупы могущественнее их в магии». Они предлагали разные вещи:

«Наш младший брат, совсем несчастный маленький лис, не помог ли он жене богача из Турупы?» Так они сказали. Я же отрицал это: «Я ведь такой несчастный будучи, я же никуда не ходил; почему ©ни так говорят на меня?» – так я сказал. Поэтому они друг другу говорили так:

«Тогда, хотя они хотели взять душу женщины из Турупы, **она** была могущественнее их в магии, потому они рассердились. Богу начала гор надо молиться, чтобы он взять душу им помог; богу края гор надо молиться, чтобы он взять душу им помог». Так они между собой говорили. Услыхав об этом, богача из Турупы я пожалел.

Тот богач из Турупы дает всем богам срезанные и заструженные инау, украшая тем самым землю; поэтому, если они сделают так, я буду совсем опечален. После того они вышли, чтобы молить бога начала гор, бога конца гор взяться помочь им в деле. Увидев это, я встал, пошел. Идя, к селению Турупа пришел. Придя, вышел к началу тропы, где человек из Турупы обычно рубил лес.

Идя, я вырвал из земли обрубок дерева, прежде срубленного богачом из Турупы. Неся этот обрубок прежде срубленного дерева, я шел дальше. Полпути пройдя, где рубил обычно лес богач, ушедший в гости в Матомай, я вырвал еще обрубок дерева; старый обрубок один, новый обрубок один, два обрубка неся, я пошел к турупскому дому. К дому подойдя, я на балку дома старый обрубок положил, возле задней стены, сделав его способным громко вопить обычным голосом человека.

У передней стены дома на балку крыши я положил новый обрубок, сделав его способным вопить, как вопит помешанный. Затем я, выкопав яму как для установки инау, увеличив ее до норы, влезши в нее, спрятавшийся сидел. Сидя, я услыхал шум такой, как от идущего из леса какого-то существа. Когда он ступал на твердую землю – иририн-тырын! – слышалось, когда он ступал на мягкую землю – ицакан-цакан! – слышалось, когда он ступал на сухие ветки, звук ломания – цкаоротото!

Когда он ступал на зеленые ветки, звук скольжения – маусурасане! – как его шаги, эти звуки были. Наконец он

подошел к дому близко. Когда я поглядел, это большой медведь шел. Одновременно с его приходом я тотчас прыгнул с криком на балку над задней стеной; обычный человеческий голос, соединившись с голосом, исходившим от балки над передней стеной, упал на этого большого медведя возле дома.

Потом я прыгнул с криком опять на балку над задней стеной; голос помешанного, соединившись с голосом, исходившим от балки над задней стеной, упал на этого большого медведя возле дома. Затем медведь, рассерженный, ушел в лес. После, точно так же, как прежде, был шум кого–то идущего. Когда я послушал, был шум, подобный пришедшему прежде, но больше; близко к дому он подошел.

Когда он пришел и я посмотрел, действительно, подобно прежде пришедшему большому медведю, существо было. Оно било воздух запястьями лап, издавая хриплое рычание; так делая, медведь шел к дому. Точно так же, как раньше, я прыгнул с криком на балку над задней стеной. Обычный голос, сильно крича, соединился с голосом с балки над передней стеной и упал на того большого медведя возле дома.

Затем я прыгнул с криком на балку над передней стеной. Голос сумасшедшего, соединившись с голосом, исходившим от балки над задней стеной, упал на того медведя возле дома. Затем тот большой медведь, рассерженный, ушел в лес. Затем, однако, я в дыру от инау, охраняющую дом богача из Турупы, сел, сделав нору.

Когда я послушал, то услыхал, что бог начала гор и бог конца гор, два бога, разгневавшись на моих пятерых старших братьев – лис, сломали им кости. После того, наконец, богач Турупы из Матомая, погостив, возвратился. Разное – и рис, и саке – разные вещи имел, большой груз имел, возвратившись. Тогда жена богача из Турупы сказала ему:

«Когда тебя не было, в твое отсутствие, из лесного края шесть братьев маленьких лис, соперничающих в магической силе, много раз приходили взять мою душу. Но благодаря самому маленькому, несчастному лису, теперь ты в живых меня увидеть пришел. После они молились богу начала гор, богу конца гор, чтобы те помогли в их деле. Но, благодаря помощи самого маленького лиса, я теперь жива», – так сказала она своему мужу.

Богач из Турупы, услыхав об этом, был благодарен мне. Будучи благодарным, он сделал мне комнату инау. Везде он поставил очень красивые инау, даря их мне. Благодаря этому я стал, однако, новым богом, новым хранителем я сделался. Когда я начал смотреть сверху на богача из Турупы, с тех пор богач из Турупы, что бы он ни делал, преуспевал. Богаче каких бы то ни было людей он стал. После того как я стал смотреть на него сверху, в любых вещах он превосходил других людей.

Примечание к № 21

Рассказчик этой и нескольких последующих сказок пользовался репутацией искушенного в айнском легендарном творчестве. Его стиль, как будет отмечено, является подлинным и, думается, наиболее близким к истинному языку и манере изложения этих древних легенд. Он был одним из тех, кто эмигрировал на Хоккайдо и возвратился на Сахалин после нескольких лет пребывания там, где и слышал много подобных сказок.

№ 22

Продиктовал (май 1903 г.) Ясиноске. См. № 21

Я был богачом. Будучи богачом, в моем владении была река. Будучи та река, каждый год в ней было много рыбы. Много рыбы будучи, я удил рыбу. Удя рыбу, сушил ее. Суша рыбу и добывая много рыбы, я владел шестью амбарами, полными еды. **Имея** их, из всех селений богачи прибывали, чтобы купить еду у меня.

Когда они приходили, разные дорогие вещи, разные мечи они у меня меняли на еду. Ежегодно делая так, большим богачом будучи, я жил. Так делая, такой один год был, что ни одной рыбы в реке моего владения. Не будучи ничего, еще оставалась еда в шести амбарах с предыдущих лет. Будучи пища с предыдущих лет, хотя каждый год в моем хорошем владении было полно рыбы, с тех пор, как не стало рыбы, вся пища шести амбаров была исчерпана. Будучи исчерпанной, есть я не имел ничего.

Поэтому однажды я пошел на свое озеро, чтобы удить рыбу. Придя, я удил. Удя, даже ни одна рыба не ловилась. Не делая так, тогда я ловить не мог. Будучи так, когда я подумал пойти возвратиться, тогда был шум пойманной рыбы. *Поэтому,* радостный, я выдернул крючок. Когда я выдернул крючок, эта рыба сказала:

«Вытягивай меня сильно, вытягивай меня быстро», – так сказала. Поэтому я быстро вытянул крючок. Быстро крючок

тянул когда, «Вытягивай меня быстро, вытягивай меня сильно», – еще раз она сказала так. Поэтому, быстро вытягивая, я вывел ее на край ледяной лунки. Выведя ее, по голове ее ударил. Когда я ударил ее по голове, эта рыба сказала:

«Э... богач из Отасты, по голове бей сильно, по голове бей быстро. Ешь меня сильно, ешь меня быстро», – так она сказала. Поэтому, с силой ударив ее по голове, я убил ее. Когда я убил ее, эта рыба сказала: «Э... богач из Отасты, дави меня сильно, дави меня быстро, ешь меня сильно, ешь меня быстро!» – так она сказала. Поглядев, я увидел, что она была явно рыбой форелью.

Размышляя, я подумал, что в действительности она будет не рыба. Тогда, будучи без пищи, придя на озеро верхом берега моей реки, которая давала мне еду каждый год, будучи без еды, будучи сердитым, придя посмотреть что-нибудь из пищи ...тогда была ли она рыбой? или богом, который, насмехаясь, сделал так и, превратившись в рыбу, приказал мне его вытащить?

Так думая – не был ли это злой бог? – вытащив кинжал, инкрустированный костью, эту рыбу я разрезал. Когда я резал, эта рыба сказала: «Э... богач из Отасты, режь меня быстро, режь меня сильно, дави меня сильно, дави меня быстро, ешь меня сильно, ешь меня быстро!» – так сказала. Поэтому, быстро режа ее, на куски я ее разрезал.

Разрезав ее, я дал и деревьям, и птицам, и всем травам. Сделав так, домой пошел. Придя, ночью я спать лег. Спя, сон был. Сон был такой: «Тогда, человек из Отасты, до сих пор твое владение было рыбой хорошо наполненным владением. То будучи так, этот год был годом, когда нет даже ни одной рыбы; сам ты не виноват в том, что нет рыбы.

Я же бог голода. Будучи так, я намеренно в насмешку не показал тебе ни одной рыбы. Поэтому тогда, идя вчера на свое озеро удить рыбу, ты не мог сделать это сам. Я послал тебя. Послав тебя вчера, ты, хотя удил, однако, не мог поймать ничего. Теперь, кончается потому что эта насмешка, я позволил себе пойматься.

Я ведь не настоящая рыба, я бог голода. Поскольку я бог голода, намеренно, желая видеть твой разум, сделав себя рыбой, я позволил себе пойматься. Поэтому, если бы разума ты не имел, съев меня, ты умер бы. Тем не менее, в действительности, бог – хранитель богача из Отасты сильный поскольку, поэтому ты тогда не съел меня. Поэтому тогда ты совсем уничтожил меня.

Сделав так, завтра, когда ты встанешь, назвав бога голода когда и ему инау сделаешь когда, когда ты, однако, посмотришь». Такие слова во сне я слышал. На следующий день я встал. Встав, размышляя, думал: действительно, однако, какой-то бог, насмехаясь надо мной, так сделал. Так я осгавил в мысли. Так я думал, и подобные же слова во сне были даны мне от бога.

Такой будучи случай, после сна, сну веря, я сделал инау. Бога голода назвав, сделал я инау. Затем жил как обычно. Живя так, бог же голода действительно был, в свою очередь, сам виноват; снова мое владение рыбой хорошо наполненное было; рыбы было много, больше, чем каждый год бывало. Много рыбы будучи, ловя рыбу, я сушил ее.

Амбары для еды, шесть амбаров, едой были наполнены. Богачи всех селений прибывали ко мне, чтобы купить еду, и разными ценностями, разными мечами хорошо мне платили. Каждый год, делая так, я владел обилием ценных вещей и мечей в своем доме. Я был необычайный богач на этой земле; в краю, известным богачом будучи, я жил.

Примечания к № 22

Рассказчик услыхал эту легенду в селении Соя, самом северном на Хоккайдо.

№ 23

Продиктовал (май 1903 г.) Ясиноске, см. № 21

Я был маленьким мальчиком. Я жил со своими двумя старшими братьями. Каждый год, уходя в лес охотиться, они убивали оленей. Только мясом оленей они вскармливали меня. Так делая, в тот год мои два брата пошли, точно так же, как прежде, охотиться в лес, после чего я остался один дома. Оставшись дома один, внезапно, когда я сидел, мысль такая у меня появилась: «Что, в самом деле, мои старшие братья держат, имея, в той куче в углу дома?» Я захотел посмотреть.

Желая посмотреть, я открыл кучу, принадлежавшую моим братьям. Когда открыл, там была такая вещь. Такой старый ящик виден был. Развязав веревки, связывавшие ящик, я открыл крышку. Открыв, внутри он был полон дополна ценными вещами, собранными вместе. Золотые бруски, серебряные бруски там были; я взял и посмотрел. Посмотрев, я понял, что было в куче в углу.

Поняв, я, однако, захотел посмотреть, что находится на дне кучи в самом углу. Желая посмотреть, я вынул ящик, весь полный

ценных вещей. В конце ящика такие вещи были видны: золотой длинный нож и серебряный длинный нож, вместе два ножа видно было. Это посмотрев, я узнал, что в действительности было это, что мои старшие братья в ящике в углу имели. Узнав, взяв золотой нож и серебряный нож, все ценные красивые вещи я разломал на куски.

Затем, взяв золотой длинный нож и серебряный длинный нож, за пояс их заткнув, я вышел. Выйдя, был виден путь мимо моего дома, ведущий в лес По этому пути я пошел. Когда я пошел, такая большая гора была видна. К подножию горы взойдя, я посмотрел вокруг. Когда посмотрел, в лесной долине такую маленькую старую хижину с остроконечной крышей видно было

Стоя со своей остроконечной крышей, я вошел во двор хижины. Войдя и послушав, моих старших братьев спящих и храпящих шум как будто был. Хотя я хотел войти, но помня, что сломал все красивые ценные вещи моих старших братьев, я, будучи пристыжен, неспособный войти к моим старшим братьям в хижину, во дворе хижины стоять остался. Стоящим будучи, к концу дня так время подошло.

Когда время к концу дня подошло, потемнев, войти хотя я желал, однако я думал еще больше, что плохо поступил; будучи пристыжен перед моими старшими братьями, только о том думая, до темноты во дворе стоять оставался. Там оставаясь, когда послушал, был звук еще какого–то существа, из лесу выходящего, в долину реки бегущего, подбегающего к хижине. Когда я поглядел, волк и волчица, пара волков, подошли к хижине близко.

Волк возле правого угла хижины, положив лапы под подбородок, остановился. Волчица тоже остановилась, положив лапы под подбородок, возле левого угла хижины; как если **бы** они ждали кого–то. Посмотрев, я имел чувство ужаса. Имея его, однако еще больше стыдился своих братьев, войти хотя желал, однако не сделал, так и остался во дворе хижины.

Будучи там, так же, как и прежде, я слушал. Когда послушал, был шум как бы какого-то существа, идущего с головы гор. Когда он подошел, когда шел по твердой земле: иририн–тырын! по мягкой земле: ицакан–цакайсе! – Такой шум идущего был. Слушая, я стоял, такое чувство ужаса имея. Стоя так, тогда это существо подошло близко к хижине. Поглядев, я увидел, что возле хижины был большой медведь.

К хижине подойдя, возле места, где я стоял, этот большой медведь остановился в позе, положив лапы на подбородок. После

того, оставаясь там, я имел, однако, еще большее чувство ужаса. Делая так, послушав, – как прежде, такого же лесом идущего шум был. Когда же я послушал, то шум кого–то внутри леса был. Тогда шум как бы приблизился.

Когда шум произошел, когда я послушал, какое–то существо, какой–то огромный дьявол ли, я не знаю, – верхняя челюсть облаков касаясь, нижняя челюсть земли касалась – его идущего шум был. Когда он ступал на сухие ветки, шум ломания был: цкаоротото; когда ступал на зеленые ветки, шум их распрямления был: маусурасане, слушая, я имел чувство ужаса в душе.

Этот ужас в душе имея, желая войти, чтобы разбудить моих старших братьев, однако еще больше стыдясь своих старших братьев, во дворе хижины я тогда стоять остался. Когда остался, тогда этого дьявола, идущего к хижине, шум еще больше приблизился. Так будучи, рядом с собой дышащий тяжело голос большого медведя я услышал, так он сказал:

«Дитя из Турупы, этот дьявол – не обычный, однако дьявол явно. Потому что, будь не так, не был бы сон твоих старших братьев тоже не обычным сном. Этот огромный дьявол заставил их так спать. Будучи так, эта пара волков – это же хранители твоих старших братьев, богачей Турупы.

Поэтому теперь хранители готовы спасти твоих старших братьев. Тем не менее, я думаю, хранители тоже не смогут помочь. Я же – бог начала сопок. Я тоже живу, глядя вперед, чтобы встретить инау срезанные, инау, завитые твоими старшими братьями, богачами из Турупы. Поэтому я пришел, чтобы защитить богачей из Турупы.

Однако я тоже, думаю, теперь не смогу защитить их. И поэтому ты один, если быстро в свой дом возвратишься, будет хорошо. Такой я услыхал тяжело дышащий голос этого большого медведя. Услыхав же, еще больше испугался. Хотя я хотел бы убежать, однако, сломав все разные ценные вещи моих старших братьев в их отсутствие, я не хотел бы убежать, бросив моих старших братьев теперь.

Так думая, имея большое чувство страха, тем не менее я непроизвольно остался. Оставаясь, наконец этот дьявол пришел позади хижины. То ли это бог, то ли дьявол, я не знал; очень большой дьявол был. Его голова была уже сзади хижины, а в лесу еще шуршание его тела было. Верхняя его челюсть касалась облаков, нижняя челюсть земли касалась; так он подошел сзади хижины.

Между тем волк и волчица заскребли воздух лапами позади хижины; так делая, они пошли навстречу этому дьяволу. Затем боги бились друг с другом. Когда боги бились, тогда они бились целую ночь, пока кто–то не упал позади хижины; был звук, точно камень упал. Когда я посмотрел, пара волков, точно напополам разрезанные, лежали мертвые позади хижины.

После того тот огромный дьявол пошел сбоку хижины. Между тем бог начала сопок, этот большой медведь, так же, как и прежде волки, заскреб воздух лапами и пошел вперед. Громко крича, боги шли навстречу друг другу. Снова, так же, как прежде, всю эту ночь ббги бились друг с другом. Когда боги боролись, кто-то упал, точно камень упал сбоку хижины. Когда я посмотрел, этот большой медведь, разрезанный точно пополам, лежал сбоку хижины.

Когда я посмотрел, я имел чувство ужаса. Наконец этот дьявол приготовился, чтобы в дверь хижины войти, и не пошел ко мне. Тогда вложенный за пояс золотой нож я поднял, чтобы ударить. Подняв, чтобы ударить, я отрезал шею дьявола; когда же отрезал, только голова одна на меня напала. Я поднял, чтобы ударить, серебряный нож. Тогда верхняя часть тела напала на меня.

Когда верхняя часть тела напала, снова я золотой нож поднял, чтобы ударить. Нижняя часть тела напала на меня тогда. Снова я нижнюю часть отрезал. Наконец я совсем зарезал этого дьявола. Вслед за тем золотым и серебряным ножами я порезал на куски этого дьявола. Порезав его на куски, всего порезав на куски, я раздал его всем – и травам, и деревьям, и птицам.

Вслед за тем закончил с ним так, чтобы этого дьявола всего даже тени не было. Закончив, когда я послушал, подумал, что, поскольку до того был всю ночь шум бившихся богов, мои старшие братья будут слышать; тем не менее я подумал: они не будут слышать. Спя, эти же самые шумы храпенья были, словно бы мух они гоняли, спящих шумы были.

Услыхав это, затем из двора я пошел к себе домой. По тропе бежа, я двигался к своему дому. В этот дом войдя, я сел с видом того, который никуда не ходил. Сидя, когда конец дня пришел, я услыхал шум от моих старших братьев, идущих по тропе и о чем–то говорящих. Когда я слушал, был голос младшего из моих старших брата, так говорящего, я услышал:

«Когда даже наши хранители и бог–медведь убиты были явно, кто же спас нас? Благодаря кому мы живы сейчас?» – как они беседовали друг с другом, я услышал. Младший брат сказал: «Немного дальше, посередине пути, в лесу, на мягком месте я видел явно один след нашего маленького мальчика, нами воспитанного, который бежал», – так сказал он, голос был.

Мой старший брат не поверил и сказал: «Такие могучие боги! Однако же они все были убиты явно. Если так, то наш маленький мальчик – не мог же он знать, как спасти нас?» Они не поверили; я слышал их голоса, подходивших вместе. Хотя я слышал, в позе того, кто никуда не ходил, я сидел. Наконец мои старшие братья, мои два брата, в дверь вошли.

Войдя от того момента, когда они в доме, они, говоря только о том, сели: «Что за человек спас их? Благодаря кому теперь мы в живых остались?» Разговаривая, они сидели в стороне от меня. Хотя я слышал, в позе того, кто никуда не ходил, в позе ничего не понимающего я сидел. Сидя, я думал, что, хотя не скажу, они, однако, откроют меня, что сломал эти вещи в груде, а если скажу, будет все равно.

Поэтому я сказал им открыто: «В то время как мои старшие братья ушли охотиться в лес, в их отсутствие я имел такую мысль. Желая посмотреть, что мои старшие братья сложили в кучу в углу, я раскрыл кучу. Когда я раскрыл ее, разные красивые дорогие вещи, красивые мечи видно было. Посмотрев это, я пожелал посмотреть на самом дне кучи, я вытащил все вещи: красивые дорогие вещи, красивые мечи, что лежали в ящике.

На самом дне были видны такие вещи: золотой нож и серебряный нож; эти две вещи я увидел. Увидев, я узнал, что это такое было на дне кучи в углу. Затем – я случайно сделал так – все красивые дорогие вещи, красивые мечи я сломал. После того, выйдя в путь, по которому вы пошли, охотиться пошли явно, по нему я пошел.

Пойдя, к вашей хижине я пришел. Когда я пришел, вас спящих шум был. Услыхав, я так хотел войти, а будучи там, однако не входя, будучи виноват, потому что сделал плохо, не входя, во дворе всю ночь провел, и тогда я услыхал звук – то ли бог, то ли дьявол – кого–то идущего в лесу. Ваши хранители, пара волков, и бог начала сопок, пожалев вас, защищали вас. Тем не менее он заставил этих богов навсегда уйти в загробный мир.

Я благодаря принесенным мною тому золотому ножу, тому серебряному ножу, этими того дьявола убил, заставил его навсегда уйти в загробный мир. Благодаря мне мы все теперь живы». Так сказал я двум старшим братьям; выслушав, они удивились: «Однако если это благодаря нашему маленькому мальчику мы все живы сейчас, тогда кто? – никто, кроме его самого, не будет владеть этими дорогими вещами, мехами, ты

сам владей ими, какие они есть. Хотя ты сам сломал их, мы не жалеем их для тебя». Так они сказали.

После того на следующий день они встали. Встав, они инау сделали для хранителей, пары волков и бога начала сопок. Они сделали их новыми богами. После этого снова новые хранители глядели на них сверху. Затем, чтобы они ни делали, им было легко, везло в охоте, все хорошо делали. Каких бы животных ни убивали они, убивали легко. И шкур много они имели, и пузыри желчи имели. Когда торговали ими, они получали много дорогих вещей в уплату. Больше любого человека из древних домов Турупы они имели вещей. Они были богаче любого богача.

Примечания к № 23

Что касается рассказчика, см. № 21. Обычно сказители сообщают, в каком месте услышали сказку, которую излагают. В данном случае этим местом было старое селение Косункотан, впоследствии известное как Корсаковск, главный русский город на южном Сахалине; оно теперь носит японское название ввиду принадлежности Японии.

№ 24

Продиктовал (февраль 1903 г.) Ипохни, см. № 9

Земля Турупы была очень хорошей охотничьей местностью. В прошлые годы десятки медведей – шесть десятков – они приносили домой. В прошлые годы десятки медведиц – шесть десятков – они приносили домой. После в начале земли был бог гор. У конца гор земля более древних богов, земля лисиц была. Отсюда говорит медведь: «В тот день я послушал когда, **я** услыхал, что лисы сделали замысел, чтобы богач Ближней Турупы пошел в гости к богачу Дальней Турупы.

Поэтому я говорил себе, полный разными мыслями: «Каждый год богач Ближней Турупы такие большие связки инау посылает приношениями; приводя горы в порядок, он приносит в жертву мне инау и благодаря этому, подкрепляясь в свою очередь, я, будучи благодарным богачу Ближней Турупы, даю моим людям вместо себя медведей; он же с усердием готовит связки инау для меня». Лишь это я себе говорил.

Жена богача Ближней Турупы, хотя человеческая женщина, а не богиня, женщина, имеющая самое красивое лицо, она дает мне приготовленной пищи как подношение, много – много приготовленной пищи. Поэтому, будучи очень благодарным им, теперь, если старшие боги к этой женщине придут, этот дневной мир не даст больше лучей». Так подумал я.

Поэтому я приготовился идти. Я взяд старую головную повязку и надел на голову, пристроил на голову. Старое оружие я прицепил к поясу. Закончив, сделал себе кожу и наружность человека. Медленно я встал и вышел во двор. По дороге, по дороге, которой обычно хожу, медленно по ней идя, подражая походке богача, я шел к дому Ближней Турупы.

Тогда я пришел к тропе, ведущей через песок берега. По пути, по пути, ведущему к большому дому богача Ближней Турупы, так же, как богач Ближней Турупы ходит, медленно я пошел с видом старого человека. Тогда я вошел в дверь. Через дверь я вошел в дом. Я посмотрел перед собой. Посмотрев, увидел ее, прекрасную женщину с действительно сияющим красотой лицом, лицом богини, от чьего лица исходили лучи и озаряли кругом дом смертного человека.

Я, будучи страстным богом, почувствовал страсть к ней. Разные мысли я говорил сам себе. Хозяйка дома посмотрела на меня с маленькой улыбкой; склонила голову, сказала так: «Я думала, ты сейчас уже ушел далеко. Как ты вернулся домой так быстро?» Так сказав, она сделала место для меня.

К тому месту подойдя, я, глубоко дыша, опустился на место хозяина дома. Сняв головную повязку старика, я бросил ее на пол. Хотя от запаха человека моя душа стала очень тяжелой, я овладел собой. Хозяйка дома, встав, покормила меня супом для усталого. Немедленно затем кто–то во двор вошел; через дверь вошли два богатых человека по виду, но в действительности боги; два богача – бога, одетые одинаково в красные шелковые одеяния; они изумленно посмотрели на меня и показали языки от изумления.

Пройдя, они развернули свои циновки вдоль задней стены, уселись и съели весь мой суп для усталого. Закончив, эти лисы – люди сказали хозяйке дома: «Ты, будучи женщиной, дай нам поесть какой-нибудь овощной пищи, какую имеешь». Поэтому эта человеческая женщина стебли растения ахтури приготовила. Наколов твердой икры, она дала каждому человеку–лису большой сосуд, наполненный пищей.

Мне она тоже дала немного. Склонившись над едой, я ел. Время от времени краем глаза я смотрел на людей – лис. Люди – лисы, в промежутках между моими взглядами, украдкой поднимали задние лапы почесать когтями десна. Они украдкой выплевывали *смешанную с* кровью слюну в трещины рамы очага. Хотя я видел, я делал вид, будто не вижу, и ел. Поев, я отдал свою посуду хозяйке дома; она положила ее в сторону.

Закончив, хотя не был склонен, я завел разговор и старался улыбаться; я старался заставить людей–лис сидеть около себя. Когда стемнело, хозяйка дома сделала места, чтобы спать. Гости – лисы на место гостей пошли. Хозяйка дома прикрыла угли золой. Сделав, на свое место легла.

Я тоже, хотя душа моя стала тяжелой от людского запаха, снова имея к душе человеческой женщины жалость, расстегнул пояс и, подойдя, накрыл ее краем халата. Эти люди – лисы уснули, широко распространяя храп, они спали. Человеческая женщина тоже спала хорошо. Поэтому, встав, я отрезал кончики ушей у обоих лис.

Положив их между грудями той женщины и после выйдя из дому, по тропе, по охотничьей тропе мужчины из Турупы пройдя, я превратился в большого медведя. Неспособный идти в узких промежутках леса, выбирая более широкие места, я шел вперед; я пришел к своему дому. Вслед за тем на следующий день на рассвете из лисьей земли голос женщине радующихся был.

Когда я послушал, что говорят: «Только ушей кончики!» – так слышал. Лисы тогда говорили: «Мужчина Турупы и действительно имеет могущественного бога, сильнее, чем мы». Так они говорили между собой. Но если бы впоследствии они нашли сумарима, существо, подобное им, если бы с ним пошли к людям, было бы хорошо для них.

Я слышал их, говорящих между собой так. Потом снова я слышал от птиц о мужчине Турупы. Он сделал мне новые знаки благодарности. Благодаря тому, что я бог будучи, хотя лисы в образе людей пытались забрать его жену, благодаря тому, что я бог, он смог быть кормящимся от своей жены. Каждый год новые подарки он делал мне; поэтому я стал новым богом.

Благодарный человеку, я в свою очередь стал покровителем мужчины Турупы. С тех пор мужчина Турупы заимел дочь и сына, двоих детей. Мужчина воспитал мальчика, женщина воспитала дочь. Когда они стали иметь вид стариков, они склонились по сторонам и умерли. За ними последовавший мужчина был богачом более, чем любой богач. Они сказали, что он приказал людям держать вести о нем в тайне. С начала мира эта земля Турупы – только одна земля богачей.

Примечания к № 24

Относительно рассказчика см. № 9. По сюжету сказка схожа с № 21. Отличие состоит в том, что в предыдущей жизнь женщине спас лис, здесь же охранительная функция взята на себя медведем. В этом видно определенное расхождение в фольклоре северных и южных айнов. Северные не признают в какой бы то ни было породе лисиц друга человека, в то время как южные айны Йезо делают исключение для черно – бурой лисы.

№ 25

Продиктовал (январь 1903 г.) Ипохни, см. № 9

Йос сере кере! На земле Турупы я воспитывался у родственников моего дяди. Мой дядя имел двух жен. Воспитывавший меня дядя даже еды жалел для меня. Когда мой дядя уходил, в его отсутствие две мои тети кормили меня украдкой. Когда он был, он очень жалел еды для меня; вечно бранил меня. Имея детский ум, я плакал втайне. В тот день они сделали много саке.

Между тем одна моя тетя делала обувь из рыбьей кожи. Другая моя тетя делала халаты, подбитые ватой, сделала шесть халатов. Другая моя тетя сделала шесть пар обуви из рыбьей кожи. Когда они закончили, когда стемнело, я лег спать. Когда я лег, до меня донесся шум с двух сторон; когда проснулся, та тетя, что делала обувь из рыбьей кожи, кончика моего уха коснулась и тихо сказала так:

«Мной воспитываемое существо, если что скажу, хорошо слушай меня. Твой дядя, богач, делающий саке, уже делает саке для тебя. Когда саке перебродит, он пригласит всю родню. Эти люди, что будут пить саке, во время пития его поссорятся; встав, будучи под влиянием саке, они убьют тебя. Смотреть, пока они убьют тебя, – это злая вещь! Поэтому ты убежишь.

После того как ты выйдешь на берег реки, ты увидишь на берегу реки большой ясень с прекрасной корой; на его ветке есть связка обуви из рыбьей кожи и связка одежд, подбитых ватой. Поблизости есть амбар, полный тонкими кожами рыбы. В нем, если войдешь, возьмешь сушеной рыбы, сколько твоя душа требует, возьмешь. Отсюда если снова спустишься, к амбару, полному рису, поднимешься. Рису, сколько твоя душа пожелает, возьмешь.

После этого возьмешь связку одежды, подбитой ватой; одну пару обуви из рыбьей кожи ты обуешь, одну одежду ты наденешь. После проберешься вдоль реки, и ночью, и днем будешь идти против течения. Возле того места, где эта река пропадает, вдоль ее притока, идущего с запада, пойдешь и придешь к голым горам. Сделаешь шалаш из еловых веток и

будешь там находиться. Пока твоя пища не кончится, там будешь находиться. В бога своего веря, ты сделаешь так».

Так она явно сказала. Затем я встал; тихо собрался. Выйдя, я не наделал шуму. Выйдя во двор, я взобрался в амбар, взял обуви из рыбьей кожи. Столько, сколько душа желала, я взял. Оттуда я сошел и взобрался в амбар, полный рису. Рису тоже я взял, сколько душа хотела.

После, сделав так, я ушел. Оттуда спустившись, я спустился к берегу реки. И действительно, там был ясень с прекрасной корой. На ветках была связка обуви из рыбьей кожи и связка одежды. Взяв их, я сделал единую связку из них. Одну пару обуви обул, одну одежду надел. Затем к реке пробрался и пошел вверх по течению.

Тогда темно стало. И ночь когда была, я шел; рассвет наступил. И день был, я пробирался. Когда в уме посчитал, шесть дней и ночей я пробирался. Наконец к верховью реки я поднялся. Приток с запада высохшим сделался. На голые горы, к вершине я поднялся. Поэтому я сделал себе шалаш из еловых веток.

Йос сере кере! Наконец–то, удовлетворенный, я поел. И днем, и ночью я ел; так делал. Делал так, пока провизии осталось на два месяца. В конце концов еды стало мало. Только немного рису было. Два дня, три дня я провел. Тогда без еды совсем я сидел. Поэтому лег умирать.

Когда я посчитал в уме, шесть ночей, шесть дней я сидел так. Тогда желание пищи испортило мое здоровье, совсем сломало. С пустыми, впалыми щеками, однако, я жил. В тот день был шум двух приближающихся женщин; они вошли. Таких женщин я еще не знал. От верхней части их лиц подымались лучи света, они освещали еловую хижину этими лучами. Глядя робко, я сидел.

Более молодая женщина села слева; женщина старше, как я подумал, села справа. Младшая женщина вынула из–за пазухи кисет, шелковый кисет она имела. Трубку, усыпанную золотым бисером, имела она. Старшая женщина имела трубку, усыпанную серебряным бисером. Старшая женщина сидела, глядя на меня. Она придвинулась ближе ко мне.

Когда она заговорила, голос ее был, точно звук кусков металла бряцающих: «Ребенок Турупы, что делать пришел ты сюда? Твой дядя, богач, воспитал тебя для себя. Он не настоящий дядя. Он взял твою землю себе давно. Теперь он делает для тебя саке. Поэтому, зная об этом, я заставила тебя идти сюда, где я обитаю. Инау, сделанное твоими далекими предками, я приняла, земля красивая стала от него.

Я же – дитя бога средних сопок, воистину его дочь я. Поскольку, если бы твой дядя сделал саке для тебя и убил бы тебя, – это было бы зло, поэтому я привела свою младшую сестру, чтобы отдать в жены тебе». Так сказала она и, встав, взяла мою руку. Со мной пойдя, где она живет, в маленькой реке она смыла меня.

Ту маленькую реку она высушила, когда меня мыла. К другой маленькой речке она пошла со мной; и этот ручей она сделала сухим. Когда я подсчитал в уме, шесть ручьев она сделала сухими. От моего тела сияние лучей пошло. После, в дом войдя, она одела меня в шелковые одеяния, самые дорогие. Очень молодым человеком я был. Йос сере кере! Прощаясь со мной, она сказала:

«После того как придешь, приведи в порядок мой дом, мой божественный дом. В свою очередь ты, будучи смертным человеком, если ты приведешь в порядок предметы, вырезанные предками, инау предков, то сделаешь инау как приношение в уплату за твою жену. Если ты сделаешь инау, приведя горы в порядок, это будет хорошо. После, когда ты выйдешь и когда придешь в мой дом, я приведу в порядок в нем прекрасные груды ценных вещей». Сказав так, она вышла.

После к краю земли, к кромке земли пошел звук настоящего божества развлекающегося. К середине земли распространился звук встающего и развлекающегося божества. После мы легли спать. На следующий день на рассвете, когда я посмотрел, я проснулся в доме этого божества, внутри дома. Груды ценных вещей утыкались в низ потолочных балок. Моя жена, богиня, спала возле этих груд.

Когда она встала, я тоже встал. Я поднялся против течения к изгибу реки, срезал инау. Это большое инау; назвав бога средних сопок, сделал я инау. Делая инау каждый год, десятки медведей, шесть десятков, десятки медведиц, шесть десятков, я приносил домой. Я был удачливее, чем какой бы то ни было мужчина.

В конце концов, когда я послушал около морского берега, то узнал, что мой дядя, совсем обедневший, бедняком став, умер. Боги сделали его совсем слабым, так слышал я. После того, придя в свое селение, я был богачом, главой округи, окрути Турупы. В свою очередь я сделал в лесу инау. Когда я делал их с благодарностью, мечи в моих грудах ценных вещей гремели всегда сильнее, когда я снимал их.

Из другого места пришли двое людей; придя, поселились и жили. Опять из другого места двое людей, трое людей, придя, поселились и жили. Так делая, сделали себе второй ряд домов в

конце селения. Говоря между собой, люди сказали, что в этом новом ряду в моем селении, селении Турупа, люди говорили, как боги. Я был богач, более какого бы то ни было богача. Я имел двух детей; дочь жена воспитывала, я сам сына воспитывал. После мы умерли. После нашей смерти, когда я слушал, мои дети богаче меня были.

№ 26

Продиктовал (декабрь 1903 г.) Нита,
28 лет, из селения Ай

Я была женщина. С конца моего селения шесть молодых людей жили, с начала моего селения шесть молодых людей жили. Когда с конца моего селения шесть молодых людей ходили бить нерп, я каждый год ела досыта, жила хорошо. Когда с начала моего селения шесть молодых людей тоже ходили бить нерп, я ела досыта, жила хорошо. Будучи благодарной за это, я однажды сделала шесть одежд из коры для молодых людей с конца селения.

Будучи благодарной за ежедневную пищу, однажды я сшила шесть одежд из коры. Для шести молодых людей с начала моего селения я тоже однажды сшила шесть одежд из коры. Будучи в свою очередь благодарны, в один год они одели меня в шесть халатов из нерпичьей кожи. Будучи благодарной, разной выкопанной из земли едой, этим только я в свою очередь их отблагодарила.

Делая так, в тот день от птиц я услыхала, что молодые люди с конца селения и молодые люди с начала селения пошли в лес обдирать кору. Два дня я ждала их, но не смогла увидеть опять. Поэтому в тот день я пошла в лес. Затем я пошла по охотничьему следу шести молодых людей с конца селения.

Так делая, я пришла к маленькому озеру. У конца маленького озера безжизненные трупы шести молодых людей, с конца селения лежали вытянувшись. У начала маленького озера безжизненные трупы шести молодых людей с начала селения лежали вытянувшись; это увидела я. На берегу маленького озера я легла и заплакала; пока я плакала, конец дня пришел, и я встала. Тогда в середине озера такая большая форель замахала хвостом, и у начала озера она открыла безмолвно рот; это увидела я.

Тогда я увидела такую широкую тропу, в лес идущую; вдоль по ней пошла я понурившись. На своем пути я пришла к такому большому дому. Я разыскала, где была дверь; ударила руками по железной панели, она скрипнула, я потянула и вошла, Я села возле двери. По правую стену сидел такой большой богатый человек; он встал тотчас, снял с полки черный поднос; положив на поднос медвежьего мяса, дал мне, низко склонившись.

Я взяла его, подняла высоко. Два маленьких кусочка я в рот положила; устыдившись, только один маленький кусок я съела. Так высоко я подняла поднос, подавая назад, так низко склонившись, он взял его. На полку он поставил его, я видела. Затем он спрашивал меня, и я отвечала ему: «В то время как молодые люди, воспитывающие меня, ушли обдирать кору, ждя их, я не могла ждать больше.

Поэтому однажды я пошла по охотничьему следу шести молодых людей и прибыла к маленькому озеру; затем в середине озера я увидела такую большую форель. У конца маленького озера безжизненные трупы шести молодых людей с конца селения; у начала озера безжизненные трупы шести молодых людей с начала селения; увидев это, я говорю тебе о том».

Этот богач с ворчанием снял с полки черный мех и надел его через голову. Я должна была в душе испугаться. Затем он снял меч и наточил его на бруске, из которого будто капала жидкость. Затем за пояс его заткнул и пошел со мной, говоря: «Иду с тобой к моему маленькому озеру». Поэтому я с ним с радостью пошла; к своему озеру он пошел со мной. Будучи с начала озера, он резанул мечом ту большую форель, но меч сломался.

После с ворчанием он поднялся в лес. Кленовый крюк сделав, с ним спустился. Кленовым крюком он ухватил ту большую форель, что безмолвно раззевала рот у конца озера. Этот богач к концу озера ее потащил. У конца озера эти два существа боролись. У начала озера существа боролись. Когда я увидела безжизненный труп этого большого богача, брошенного наземь явно у начала озера, упала со слезами.

После я встала и ушла; к своему дому я пришла. В моем бедном доме, внутри его, пыль стояла высоко явно. Вещи предков я привела в порядок старательно и после жила совсем одна. Однажды, живя одна, от птиц я услыхала, что пришедший издалека богач идет ко мне.

Два дня проведя, я услыхала на море скрип весел маленькой лодки. На моем бедном пути я услыхала шум приближающихся шагов поднимающегося богача. Он вошел. Увидав человека, который вошел, одетый в черное шелковое одеяние, и сел возле меня, я так подумала: «Ну и хорошо! Я заставлю его кормить себя», – так подумала. С той ночи мы поженились.

С тех пор мы жили, как я прежде жила. После двух лет мы хорошо поженились. Будучи могущественны в магии, детей, однако, не имели и оба состарились так. Тогда, не имея своего родственника, мы и умерли. Два спящих существа, мы лежали без похорон. В божьем мире наш след давно исчез. На нашей тропе и человека не найдешь, настоящие боги уничтожили нас.

Примечания к № 26

Отметим, что рассказчик поведал, как он узнал эту легенду от айнской девочки четырнадцати лет, которая родилась на Йезо, но ее родители (люди, рассказавшие мне сказки N17 и 18) прибыли с Сахалина и принадлежали к «цуискари» айнам. Этим можно объяснить некоторую неясность сказки.

№ 27

Продиктовал (декабрь 1903 г.) Нита, см. № 26

Было трое людей. Один был моложе, два других старшие люди. Молодой, который был больной мужчина, один дом сам * имел; два старших мужчины сами дом имели. Они слушали новости из другого селения местности Турупа. Каждую ночь собаки лаяли. В дальнем селении Туры собаки лаяли каждую ночь. От птиц они услыхали об этом. Когда в тот день они сидели вместе, богач из другого селения Турупы прибыл.

Он сказал им: «Сейчас в начале его селения заразная болезнь появилась; в конце его селения также заразная болезнь появилась». Поэтому он попросил богачей Турупы, имеющих бога, чтобы обсудить эту беду вместе. Они обсудили. Два старших богача – более молодой человек всунул короткий меч за пояс, более старший человек всунул длинный меч за пояс – пошли вместе в другое селение богача Турупы.

Самый молодой человек говорит: «Потом я один остался, будучи больным человеком, я заснул и увидел сон. Бедный человек из леса возле нашего селения дал мне глиняный меч». Такой видел сон. Я проснулся: рядом со мной лежал глиняный меч. Взяв его, положил за пазуху. К месту, куда мои старшие братья ушли, пошел я за ними следом; пошел в другое селение Турупы; начала селения я достиг.

Тем временем младший из моих старших братьев бегом прибежал; сзади преследовал моего среднего брата зверь с шестью хвостами. Я сделал дорогу моему среднему брату. Я схватил вещь, лежавшую в моей запазухе. Глиняным мечом я ударил шестихвостого зверя и разрубил его пополам. Мой средний брат приветствовал меня. Мы с ним вернулись; в другое селение Туры вернулись; в дом моего среднего брата мы вошли.

Я, однако, пошел в конец моего селения. Тем временем мой самый старший брат бегом пришел. Посмотрев в его сторону, я увидел, что точно так же, как прежде, шестихвостый зверь моего самого старшего брата преследовал. Я отступил к краю дороги. Я схватил вещь, лежащую в моей запазухе. Нижняя челюсть зверя касалась земли, верхняя челюсть касалась облаков; он пришел. Точно так же, как прежде, я схватил глиняный меч, ударил шестихвостого зверя и пополам разрубил.

Мой старший брат приветствовал меня. Мы вернулись, в другое селение Туры вернулись. Они много удивлялись мне, больному человеку: и здоровые богачи не могли убить шестихвостого зверя, хотя больной же человек оказался таким смелым, что сделал это. После я слыхал, как богач из другого селения Турупы говорил другим людям, что отдаст свою дочь в жены больному человеку.

Услыхав об этом, я поблагодарил. Богач Дальней Турупы отдает свою дочь в жены моему среднему брату, они сказали. Богач с начала моего селения отдает свою дочь моему самому старшему брату, они сказали. Все в порядке было. До двух дней провели мы так; со своей женой я пришел. Мои старшие братья и их жены – все возвратились. Всех селений люди удивлялись нам еще больше, я слыхал.

Я стал большим богачом, еще больше, чем предки были. Мои старшие братья бедными были. Я же, прежде будучи больным бедным человеком, теперь, однако, самый богатый. Двух детей я имею. Я учу детей делать, как предки делали. Мои старшие братья тоже каждый по двое детей имеют; они учат их делать, как предки. Мы стали старыми и умерли. Мои дети после меня еще лучше живут.

Примечания к № 27

Примечание в начале № 26 относится и к данной легенде.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Н. А. Троицкая

Адольф Васильевич Даттан: биография предпринимателя

Жизнь человеческая всегда многообразней и сложней, чем нам кажется. Эта банальная истина была мне хорошо известна, когда я готовила к публикации материалы к биографиям российских предпринимателей, осваивавших остров Сахалин (см. «Краеведческий бюллетень», 1991, N 1). Однако это знание не смогло уберечь меня от поспешных выводов, сделанных по косвенным данным. Дело в том, что в изученных мной документах и материалах о жизни и деятельности А. В. Даттана сведений о нем после 1914 г. не содержалось. Известно было, что он в 1914 г. был арестован и сослан в с. Колпашево Нарымского края (ныне – Томская обл.). На основании чего я поспешно сделала вывод о его смерти в Сибири. Публикация, а затем выступление на конференции вызвали отклик у исследователей, занимающихся другими проблемами истории дореволюционного Дальнего Востока, которые помогли мне исправить ошибку и восполнить некоторые пробелы в биографии этого незаурядного человека. Дошли вести даже из далекой Германии, где, как оказалось, живут наследники основателей фирмы «Кунст и Альберс». Исправляя ошибку, хочу поделиться этой новой информацией, хотя она порождает не меньше вопросов, чем было ранее. Впрочем, только путь через тернии может привести нас к достоверным знаниям родной истории.

Итак, Адольф Даттан – глава крупнейшей торгово-промышленной фирмы русского Дальнего Востока «Кунст и Альберс», родился 22 октября 1854 г. в г. Рудерсдорфе близ Веймара в Германии. Он был одним из 10 детей в семье вященника – протестанта. Свою самостоятельную деятельность Адольф начал с ученических занятий коммерцией в родной Тюрингии, затем перебрался в Гамбург. Он был молод, впереди была целая жизнь, в которой, естественно, хотелось многого достичь И торговый «вольный» Гамбург был прекрасным городом для начинаний! Тысячи нитей связывали его со всеми уголками Земли, где обосновались немецкие торговцы. Отсюда можно было уехать на край света, например, в Южную Америку, что, по семейному преданию, и собирался сделать Даттан. Однако судьба распорядилась иначе и свела его с Густавом Людвигом Альберсом – совладельцем торговой фирмы «Кунст и Альберс», с 1864 г. действовавшей на русском Дальнем Востоке. Шел 1874 год. К этому времени фирма довольно прочно стала на ноги и начала прямые закупки товаров в Гамбурге, минуя посредников (1). Адольф Даттан стал первым германским служащим фирмы и отправился навстречу своему будущему на барже «Сатурнус» на русский Дальний Восток.

Думается, прежде всего личные, деловые качества молодого работника позволили основателям фирмы уже в начале 80-х гг. XIX в. вернуться в Гамбург, оставив Даттана руководителем дела во Владивостоке. С 1880 г. он получал торговые документы на свое имя сначала по 2-й, а с 1885 г. – по 1–й гильдии. В 1886 г. положение Даттана в делах фирмы существенно изменилось: из служащего он стал совладельцем торгового дома, получающим 20% чистой прибыли. В интересах дела он принял русское подданство и 2 июля 1887 г. вступил в 1–ю гильдию владивостокского купечества, став полноправным членом местного общества (2). Не имея в распоряжении каких–либо личных записок Даттана, можно только фантазировать на тему о том, что подвигнуло его на этот шаг. Однако уверена, что интересы дела были едва ли не самым главным аргументом. Тем более, что с 1870 г. германским подданным было разрешено двойное гражданство. Сам Адольф Васильевич с этого времени активно окунулся в общественную жизнь Дальнего Востока. Гласный Владивостокской городской Думы, член областного статистического комитета, почетный мировой судья, член попечительного совета Восточного института – перечень этот можно продолжать долго. В 1891 г. А. Даттан как почетный попечитель Владивостокской мужской прогимназии получил чин статского советника. В этом же году он в числе именитых людей города встречал наследника престола Николая Александровича и получил в подарок от последнего золотое кольцо с драгоценными камнями. А еще через год был на высочайшем приеме в Гатчине представлен царю и царице. Постепенно изменялось положение Даттана в делах фирмы. К 1896 г. его доля в прибылях сравнялась с участием Кунста и Альберса, а после выхода Г. Кунста в 1898 г. составила ровно половину.

К этому времени А. В. Даттан проявил себя не только как практик – коммерсант, но и как человек, знающий историю освоения Дальнего Востока, умеющий определить реальные

перспективы развития торговли. К его мнению прислушивались на многочисленных совещаниях и съездах общественности, промышленников и торговцев. В наиболее полном виде оно выражено в очерке истории торговли на далекой окраине, вышедшем в 1897 г. в Москве и не имеющем аналогов в краеведческой литературе (3).

Авторитет главы фирмы «Кунст и Альберс» был высок не только на Дальнем Востоке России, но и за рубежом. В его послужном списке наряду с российскими медалями «За усердие» и орденом Станислава III степени упомянуты японский крест ордена Священного сокровища и орден Генриха Льва Браун швейгского. Ему было доверено представлять в качестве консула–агента интересы Германии и Италии в Приамурском крае.

В первом десятилетии XX в. дела А. Даттана и его фирмы продолжали идти успешно. Торговый дом стал крупнейшим и надежным торговым предприятием русского Дальнего Востока. К 1913 г. он имел более 20 отделений по всему региону, в том числе в Александровеке – Сахалинском (1894). Конторы для закупки товаров располагались в Москве, Санкт-Петербурге, Варшаве, Одессе, Гамбурге; представительства – в Иркутске, Сретенске, Риге, Нагасаки. Несмотря на свое «нерусское» название, фирма торговала главным образом товарами русского производства, имевшими широкий сбыт в крае. Торговый оборот фирмы «Кунст и Альберс» перед первой мировой войной составил 16 млн. руб. (по другим оценкам – 15–17 млн. руб.). Многочисленные магазины и отделения обслуживали от 1 до 1,5 тыс. человек служащих. Как и большинство предприятий Дальнего Востока, компания Даттана не имела строгой торговой специализации. В ее владении находились банкирская и комиссионно–транспортная конторы, электрический завод красок, слесарно–механические мастерские, водочный завод и др. предприятия. Во всех крупных городах Дальнего Востока А. В. Даттан владел недвижимостью. Кроме того, занимался горным промыслом в Приморье и на Сахалине. Видимо, именно сахалинская нефть явилась причиной вступления Даттана в компанию с братьями Нобель и создания при его участии «Восточно–Азиатского нефтяного товарищества» (1909).

В эти годы изменился и социальный статус предпринимателя. В 1911 г. он получил чин действительного статского советника, а в январе 1914 г. Даттаны стали потомственными российскими дворянами. На фотографии старожилов Владивостока, сделанной в 1912 г., Адольф Даттан по праву занимает место рядом с В. Маргаритовым, Ю. Бринером, Я. Семеновым, О. Линдгольмом и другими людьми разных национальностей, отдавшими силы и средства на освоение далекой окраины России, ставшей для них родной.

Стабильное восхождение к успеху и процветанию фирмы «Кунст и Альберс» и лично А. Даттана прервала война. На волне всколыхнувшего страну патриотизма и сама фирма, и ее глава были обвинены (с помощью публикаций в периодике) в шпионской деятельности. Причем главные обвинения прозвучали в адрес А. Даттана (4). Делом занялись органы контрразведки, последовали обыски, аресты, допросы, появились вещественные доказательства... Никто сегодня не в состоянии дать ответ на вопрос, насколько справедливы были предъявленные фирме обвинения. Исследователь О. Н. Разумов считает, что, возможно, разведывательной деятельностью занимался кто–либо из служащих торгового дома. Возможно, что и сам Даттан оказывал какие–то услуги своим соотечественникам. Но также возможно и то, что вся эта история сфабрикована от начала до конца и является примером того, как политика помогает решать коммерческие проблемы. Дело в том, что у фирмы «Кунст и Альберс» еще с 60–х гг. XIX в. был сильный соперник–фирма «И. Я. Чурин и К». Сохранившееся делопроизводство обеих компаний хранит следы постоянной борьбы за рынки сбыта. Особенно эта борьба усилилась на рубеже веков, когда старая сибирская фирма получила мощную финансовую поддержку московских текстильных фабрикантов. Однако расправиться с фирмой Даттана было не просто. За ним стояли опыт и прекрасная организация дела, крупные капиталы и широкие кредиты, в том числе за рубежом. Немалое значение имели авторитет Даттана в местных правящих кругах и симпатии столичных чиновников.

Начало обличительной кампании положила столичная газета «Вечернее время», опубликовавшая несколько статей А. Оссендовского. Позднее они были изданы отдельной брошюрой. По данным исследователя А. Буякова, этот журналистский рэкет финансировала фирма Чурина–Касьянова. Изменившаяся внутриполитическая ситуация в стране дала им в руки крупный козырь. Антигерманская истерия позволяла в то время даже «доморощенных», российских немцев, таких, как граф Кейзерлинг, обличать как иностранных шпионов (5). Что же можно было в таком случае приписать пришлому Адольфу Даттану?! В итоге созданный прессой образ «Кунста и Альберса» как «главного штаба немецкого шпионства» активно

эксплуатируют в своих речах депутаты Государственной думы. А представители торгового дома «И. Я. Чурин и К» пытаются тем временем скупить имущество противника.

Личная трагедия Даттана усугубилась тем, что женская половина его семьи находилась в это время в Германии, а взрослые сыновья сражались на фронтах мировой войны. Двое – в передовых частях российской армии, один, младший Адольф, – в германских войсках. Старший сын, Александр, погиб во время сражения на границе с Австрией. Можно только предполагать, что пережил и перечувствовал шестидесятилетний человек в далекой холодной Сибири!

Однако, разрушив жизнь главы торгового дома «Кунст и Альберс», его противники не смогли добиться гибели всего дела. Фирма, благодаря своему полуроссийскому характеру, не попала под графу «немецкого засилья». Кроме того, с заявлениями протеста выступили служащие фирмы. И только в 1917 г. Особый комитет по борьбе с немецким засильем принял решение о ликвидации фирмы «Кунст и Альберс». Правда, победу Касьянову, видимо, праздновать не пришлось. Начинались новые времена в отечественной истории. В 20–е гг. имущество обеих фирм на Дальнем Востоке было национализировано. Адольф Васильевич Даттан в 1919 г. получил разрешение вернуться в край, пытался возродить свое дело... В 1922 **г.** он покинул навсегда Владивосток, вернулся в Германию, где и умер 14 августа 1924 **г.** Похоронен на кладбище **г.** Наумбурга, где жили его близкие и где до сих пор за его могилой ухаживают правнуки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Разумов О. Сибирский гешефт фирмы «Кунст и Альберс». // Сибирская старина. 1993. N 4. С. 18 - 19.

2. РГА ДВ. ф. 28. Оп. |. Д. 122. Л. 6.

3. Даттан А. В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. М., 1897.

4. Буяков А., Мотовилов Д. Триумф и трагедия Адольфа Даттана. // Владивосток. 1993. 6 июля.

5. Островидов В. А. Дальний Восток и путевые впечатления от Владивостока до Петрограда. // Одесса, 1915. С. 28 - 29.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

В. И. Ремизовский

Д О Н О С

Доносительство – не из лучших качеств человеческой натуры. Тем не менее оно объективно существует и, вероятно, существовало всегда. Но бывали в истории такие времена, когда доносительство возводилось в ранг добродетели. Пример такого времени – середина XX века, место действия – Россия. Расцвет его я отношу к 30–м годам. Государственные пропаганда и политика воспитывали в людях представление о том, что доносительство является не просто положительным качеством, а проявлением советского патриотизма, являющегося высшей формой патриотизма в мире.

Поэтому очень многие в то время «грешили» доносительством, чистосердечно полагая, что делают доброе дело. Это относится и к интеллигенции, не ко всей, конечно, но к значительной ее части.

В начале 30–х годов начальником метеостанции в Охе работал Дмитрий Николаевич Трегубов, физик по образованию. Кроме работы на метеостанции, он еще в течение ряда лет преподавал физику в Охинском нефтяном техникуме. Но главной его заслугой, пожалуй, следует считать выпущенную им в 1935 г. первую на Сахалине сводку метеорологических данных «Климатические особенности сев. –восточного Сахалина», изданную в Охе к 10–летаю советизации Северного Сахалина.

Пятого апреля 1934 г. во Владивостоке была арестована Маргарита Николаевна Арсеньева – вдова известного исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева. И в тот же день (!) Д. Н. Трегубов написал свой донос на весь род Соловьевых (девичья фамилия Арсеньевой). В доносе все изложено столь ясно, что дополнительных разъяснений не требуется. Оригинал доноса под названием «Заявление» хранится в архиве МБ РФ по Хабаровскому краю (уголовное дело N7360, архивный номер ХУ 2692, том V, листы 68 и 69).

Орфография и синтаксис оригинала сохранены.

«Прокурору Дальневосточного Края

Трегубов Дмитрий Николаевич

Заявление

В г. Владивостоке по Федоровской ул. 7, кв. 4 живет гражданка Арсеньева Маргарита Николаевна, жена умершего в 1930 г. Арсеньева Владимира Клавдиевича – исследователя «Дебрей Уссурийского края» и, в то же время, офицера генерального штаба. Гражданка Арсеньева получает от соввласти приличную пенсию, имеет охранное свидетельство на значительную жилплощадь и, сидя у соввласти на шее, считает необходимым фыркать на эту власть при удобном случае.

В Охинском на о. Сахалине Бюро Погоды, которым я заведую, служит родная сестра Арсеньевой гр. Моллер Ольга Николаевна. Эта Моллер летом 1933 г. при моей командировке во Владивосток, дала мне письмо к своей сестре, благодаря чему я и познакомился с Арсеньевой. Узнав о моем сочувственном отношении к деятельности соввласти, гр. Арсеньева старалась всячески подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к коммунистам и соц. строительству. Говорила, что ни на какие субботники она не ходила и не пойдет, что пусть коммунисты еще благодарят ее, что она со своими знаниями у них служит, что она своему начальству тоже заявляет, что она (Арсеньева) недорезанная буржуйка и плевать на всех хочет и будто ея начальство и комячейка на это ея выходки смотрит сквозь пальцы.

У гр. Арсеньевой имеется дочь, которая учится в совшколе, а дома получает дополнительное «соответствующее» воспитание, чему я был свидетелем. Гр. Арсеньева 11 лет служит в геологическом управлении и знает достаточно много по текущей геолого разведке Дальнего Востока, что, я думаю, в подходящем случае, если не передается, то может быть передано всяким врагам СССР, а квартира у гр. Арсеньевой и по уединенности и по площади для такого рода деятельности крайне подходящая.

В этой квартире у гр. Арсеньевой достаточное количество старых серебрянных вещей, а, вероятно, есть и золото, т. к. гр. Арсеньева довольно часто посещает «Торгсин». Прислугой у гр. Арсеньевой служит раскулаченная.

Меня удивляет: неужели заслуги В. К. Арсеньева есть основание для того, чтоб выплачивать пенсии всяким гадам. Я на этот факт, вернувшись в Оху из командировки, обращал внимание кого следует, но, кажется, безрезультатно.

Возле упомянутой Арсеньевой вырос букет вполне соответствующих родственников. Упомянутая Моллер О. Н., работающая в Охе, вполне разделяет взгляды своей сестры

Арсеньевой. Мужем Моллер, которого она нашла в Охе является гр. Феокритов, лишенец, владелец собственной типографии и других богатств в г. Саратове. Феокритов обманным путем пробрался на Сахалин. У этой Моллер от первого мужа – какого – то богатого блестящего офицера будто бы исчезнувшего со времени германской войны, есть дочь, тоже Моллер Ольга Николаевна. Эта дочь при помощи Арсеньевой втиснулась в Никольск–Уссурийский рисово – мелиоративный техникум. В техникуме пролезла в комсомол, а когда летом 33 г. она окончила этот техникум, то при помощи какого – то начальства из Хабаровского КрайЗУ, сумела сбежать с производства где – то близь о. Ханка, куда она была направлена при окончании. А сбежала она при помощи какого – то знакомого военного «с 3 – мя шпалами», сумела получить в октябре 33 г. во Владивостоке пропуск на о. Сахалин, приехала в Оху к матери и целый год не служит. Спрашивается: зачем рисово–мелиоративный техникум тратился на обучение этой дряни? Куда смотрела комсомольская организация техникума, принимая Моллер О. Н. – дочь белогвардейца в комсомол? Следовало бы у этой дочери хотя бы теперь отобрать диплом.

И Арсеньева и Моллер до замужества имели фамилию Соловьевы. В Охе в геолого – разведочном управлении Сахнефти служит ответственным лицом Соловьев Юрий Николаевич – брат упомянутых Арсеньевой и Моллер. Известно о вялости разведочных работ Сахнефти. Не потому ли это так, что мастерами геолого – разведочного дела являются Соловьевы и К°?

Я уверен, что более скрытые пружины и связи перечисленных лиц мне остались неизвестны и полагаю, что эти лица заслуживают внимания краевой прокуратуры, ибо если они даже и не вредят, то, укрепляясь сейчас за советский счет, при удобном случае безусловно явятся опорными точками для всяких врагов СССР. Надо у них фундамент этот вышибить.

Мой адрес: г. Оха на Сахалине. Бюро погоды. Трегубову Дмитрию Николаевичу.

5 апр. 1934 г.»

(Автограф).

В заключение приведу краткие сведения о семье Соловьевых, собранные при помощи известного дальневосточного генеалога Владимира Павловича Хохлова.

СОЛОВЬЕВ Николай Матвеевич. Родился в 1861 г. По образованию межевой инженер, геодезист. Многие годы, вплоть

до 1921 г., был главным контролером крепостного контроля Уссурийского края (последние три – во Владивостокском крепостном контроле). В 1921 – 1923 гг. исполнял обязанности профессора и декана математического и естественно – научного факультетов государственного ДВ педагогического института. В 1924 – 1926 гг. – старший контролер Владивостокского государственного финансового контроля. С 1926 г. – геодезист управления ханкайскими работами. Умер в 1932 г. (1933 ?) в г. Никольск – Уссурийске. Был женат на француженке из Швейцарии Юлии Генриховне Кюа, имел пятерых детей.

МАРГАРИТА Николаевна родилась в Ковно в 1892 г. Первый арест в 1934 г. оставил ее в живых. Расстреляна в 1938 г.

ОЛЬГА Николаевна родилась в Ковно в 1893 г. Первый муж, полковник (?) Н. Н. Моллер, пропал во время первой мировой войны в 1916 г. (?). Сама Ольга Николаевна репрессирована в 1937 г. Судьба ее дочери неизвестна.

ВАЛЕНТИНА Николаевна родилась в Ковно в 1895 г. Муж Красев Н. Н. – специалист по ирригационным работам. Единственная из сестер, кому повезло дожить до старости, – умерла в 1977 г.

НИКОЛАЙ Николаевич родился во Владивостоке в 1899 г. В 1922 г. эмигрировал в США, работал рисовальщиком.

ЮРИЙ Николаевич родился во Владивостоке в 1908 г. В 1927 – 1931 гг. учился в Дальневосточном государственном университете. В 1929 г. участвовал в экспедиционных работах на Сахалине. По просьбе треста «Сахалиннефть» три студента изыскивали трассу для дороги Оха – Москальво, из – за чего все трое отстали от экспедиции и вынуждены были добираться из Николаевска в Хабаровск обозом после того, как замерз Амур. После окончания получил диплом горного инженера и поехал на Сахалин. В системе треста «Сахалиннефть» работал до 1937 г. Потом (неточно) уехал в Башкирию, где и умер в 1938 г. Управление МБ РФ по Башкирии факт репрессии против Ю. Н. Соловьева отрицает, причина смерти не установлена.